

HISTORIA ROSSICA

XVII ВЕК

Н. В. Эйльбарт

Семья
Марины Мнишек
Несостоявшиеся
правители
России

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

THE FAMILY OF MARINA MNISZECH:
UNACCOMPLISHED RULERS
OF RUSSIA

by
Natalia V. Eilbart

Faculty of Philology
St. Petersburg State University
Saint Petersburg
2015

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

Н. В. Эйльбарт

СЕМЬЯ МАРИНЫ МНИШЕК:
НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПРАВИТЕЛИ
РОССИИ

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2015

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. А. А. Селин (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

д-р ист. наук, проф. Т. Г. Тацрова (Институт истории СПбГУ)

Эйльбарт, Н. В.

Э32   Семья Марины Мнишек: несостоявшиеся правители России. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 232 с., ил. — (Historia Rossica).

ISBN 978-5-8465-1494-2

Вниманию читателей впервые представляется исследование, целиком посвященное семье царицы Марины Мнишек. Рассмотрены как история рода в целом, так и биографии и личностные характеристики членов фамилии, основанные на широком круге выявленных и переведенных на русский язык польских архивных источников, иконографических материалов и сведений, почерпнутых автором во время посещения мест, связанных с семьей «царицы Смуты». Дошедшие до нас документы свидетельствуют о членах семьи Марины как о высокообразованных и достаточно толерантных в вопросах вероисповедания людей, среди которых были католики, православные и протестанты, аристократов, обладавших высокими интеллектуальными и культурными запросами. Сандомирский воевода Юрий Мнишек, отец Марины, был одним из первых представителей польской элиты, предложившим реализовать идею унии Речи Посполитой с Московским государством под скипетром русских царей, что объединило бы славянские народы и могло превратить их в ведущую политическую силу в Европе.

Книга рассчитана на историков, а также на широкий круг читателей, интересующихся проблематикой русской Смуты.

ББК 63.3(4)511

Иллюстрация на обложке: ренессансная плита из замка Мнишков в Ляшках Мурованых с изображениями гербов хозяев

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ГЛАВА I	12
Чешский род Мнишков. Польский род Каменецких. Николай Мнишек и Барбара Каменецкая. Детство и юность Юрия Мнишка. Его карьера при дворе Сигизмунда Августа. Выдвинутые против братьев Мнишков обвинения после смерти короля. Николай Мнишек, староста луковский	
ГЛАВА II	29
Юрий Мнишек при Генрихе Валуа и Стефане Батории. Управление Саноцким староством. Саноцкий замок. Брак Юрия Мнишка и Ядвиги Тарло. Род Тарло. Замок в Ляшках Мурованых. Участие Юрия Мнишка в осаде и штурме Пскова. Назначение его радомским кастеляном	
ГЛАВА III	52
Воцарение Сигизмунда Вазы. Юрий Мнишек в лагере регалистов. Взлет его карьеры: получение червоннорусских староств и Сandomирского воеводства. Юрий Мнишек как администратор Червонной Руси. Его религиозная политика. Жизнь семьи Мнишек в Самборе. Начало финансовых затруднений воеводы	
ГЛАВА IV	85
Дети Юрия Мнишка и Ядвиги Тарло. Их воспитание, образование и супружество. Ян Стефан Мнишек. Анна Мнишек. Кристина Тереза Мнишек. Урсула Мнишек. Станислав Бонифаций Мнишек. Планы на замужество Марины. Семья Мнишек накануне появления Самозванца	
ГЛАВА V	96
Появление Самозванца в Самборе. Причины, побудившие Юрия Мнишка поддержать его. Письма Мнишка Замойскому, «шесть причин» незамедлительной поддержки им Лжедмитрия. Морально-этическая сторона признания самозванца царевичем. Характеристика договоров Лжедмитрия I с Мнишком. Взаимоотношения воеводы с самозванцем. Проект объединения России и Польши и включения России в церковную унию. Замыслы детронизации Сигизмунда Вазы	

Отъезд Марины со свитой в Москву. Оценка пребывания поляков в русской столице. Культурный конфликт русских и поляков

ГЛАВА VI..... 119

Убийство Лжедмитрия I. Ссылка семьи Мнишек в Ярославль. Стойкость Марины и ее отца. Гордость Мнишков. Отношение в польском обществе к их падению. Занятия узников. Тайные письма из Ярославля в Польшу. «Мемориал» Мнишка. «Воскрешение» Дмитрия. Николай и Сигизмунд Мнишки. Умонастроения в Польше после появления Тушинского вора. «Анти-московская пропаганда» Мнишков и Олесницкого. Планы Юрия Мнишка в отношении Лжедмитрия II. «План преобразования России»

ГЛАВА VII..... 151

Освобождение Мнишков из московского плена. Имущественные претензии сандомирского воеводы к правительству Шуйского. Марина с отцом и братом в Тушинском лагере. Причины отъезда Мнишка в Польшу. Его взаимоотношения с дочерью. Воевода на сейме 1609 года: неудавшиеся переговоры с королем и Римом. Планы Мнишка по свержению Сигизмунда Вазы — розыгрыш «венгерской карты». Ефросина Мнишек — возможная королева Венгрии и Польши. Крах тушинцев. Находчивость и упрямство Марины. Мнишек на сейме 1611 года. Поддержка им конфедератов. Последнее письмо Мнишка королю. Смерть сандомирского воеводы

ГЛАВА VIII..... 183

Семья Мнишек после кончины сандомирского воеводы. Гибель Марины. Трудная ситуация наследников Юрия Мнишка. Продажа замка в Ляшках Мурованых и его ограбление венграми. Жизнь Ядвиги Мнишек в Дембовце. Судьба Ефросины Мнишек. Станислав Мнишек — львовский староста. Франциск Бернард Мнишек. Возвращение Ляшек. Сюжетные картины Зала Фамилии

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Семья Мнишек: взгляд сквозь столетия 203

Список иллюстраций 218

Список источников и литературы..... 220

Указатели 225

ОТ АВТОРА

Незаурядная и трагическая судьба единственной в российской истории коронованной польской шляхтянки на троне — Марины Мнишек — вот уже более четырех веков волнует умы историков, поэтов, романистов разных стран. Однако несмотря на то, что польские и российские авторы посвятили «царице Смуты» несколько специализированных монографических исследований¹, в них очень мало внимания уделяется семье Марины: представителям старинного аристократического рода, сыгравшего немалую роль в событиях начала XVII века. Бесспорно, наиболее ярким и значительным представителем семьи Мнишек, стоявшим у истоков стремительного возвышения Марины, был ее глава — сандомирский воевода Юрий (Ежи) Мнишек (1548–1613), и о нем мы будем говорить в этой книге много и подробно. В сущности, Марина никогда не была самостоятельной политической фигурой, всюду за ее действиями и поступками угадывалась опытная рука отца, чья воля являлась для нее законом, а посему активная деятельность Юрия Мнишка времен Смуты достойна отдельного монографического исследования, впрочем, как и его щедрое меценатство в отношении католической и православной церковей Речи Посполитой, а также художников, ученых и поэтов. Человек энергичный, образованный, амбициозный, жесткий и целеустремленный, в то же время коварный и лукавый царедворец и «политический кондотьер», он многого добился на политическом поприще, начав карьеру королевским дворянином, достигнув к сорока годам четвертой по значению в сенате должности сандомирского воеводы и благодаря своим выдающимся ораторским способностям заслужив у современников прозвище «гетмана польского сената»².

---

¹ Среди них следует назвать труды польских историков А. Гиршберга «Марина Мнишек», А. Андрусевича «Дмитрий Самозванец и Марина Мнишек», а также работу российского историка В. Н. Козлякова «Марина Мнишек».

² См.: *Эйльбарт Н. В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 147.

Характеризуя магнатов той эпохи, польские исследователи В. Чаплинский и Ю. Длугош считали их людьми «деятельными, жесткими и нередко беспринципными»³, и, на наш взгляд, отец Марины Мнишек полностью соответствовал данному определению. Его высокое положение в польском обществе не досталось ему даром и требовало расторопности и острого ума, однако немалую роль в карьере пана Юрия сыграло и знатное происхождение: брачный союз двух старинных аристократических семейств — Мнишков и Каменецких, в результате которого он появился на свет, был в те времена прочным залогом благополучия для рожденных в нем потомков. Нужно отметить, что воевода не являлся и случайной фигурой в деле поддержки Лжедмитрия I: с молодых лет он был неплохо знаком с Россией, семья его к тому времени породнилась с двумя представителями рода Рюриковичей, а сам Мнишек управлял землями, культурно и религиозно тесно связанными с Московским государством: подавляющее большинство их населения исповедовало православие.

К сожалению, создавая историческую концепцию Смуты, большинство российских историков не пытались дать непредвзятую характеристику Марине и ее семье, и все свелось к двум «генеральным» линиям: противостоянию католичества и православия, России и Запада, которые почему-то непременно, в их понимании, угрожали существованию Московского государства и греческой православной веры. Мнишкам же в этой связи отводилась роль проводников политики Ватикана, фанатичных католиков, мечтавших чуть ли не ограбить, расчленить и уничтожить Россию, к тому же мошенников и интриганов, без зазрения совести выдававших беглого монаха, а затем выкреста-еврея за московского царя. Однако факты, противоречащие этим штампам, либо не принимались во внимание, либо замалчивались, либо вообще не были известны творцам «романовской», а затем и советской концепции событий Смутного времени⁴. Причина подобной интерпретации заключалась в том

---

³ Czapliński W., Długosz J. *Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII wieku*. Warszawa, 1982. S. 11.

⁴ В подобном свете роль семьи Мнишек трактуется в произведениях Н. М. Карамзина («История государства Российского»), Н. И. Костомарова («Смутное время Московского государства»), Д. И. Иловайского («Смутное время Московского государства»), С. М. Соловьева («История России с древнейших времен»), Д. П. Бутурлина («История Смутного времени в России в начале XVII века»), Р. Г. Скрынникова («Три Лжедмитрия»).

числе и в том, что польские и вообще иностранные источники по данной проблеме стали вводиться в отечественные работы по истории Смуты достаточно поздно, во второй четверти XIX века, но и они порой чрезмерно идеологизировались и получали самое искаженное толкование.

Пожалуй, самым показательным примером такого свободного обращения с фактами является «перевод» брачного контракта Лжедмитрия I и Юрия Мнишка, сделанный еще в царствование Шуйского и гласящий, что убитый царь якобы обещал обратить все Московское государство в католичество, хотя в оригинале такой фразы не значилось. Несмотря на то что оба документа впоследствии были опубликованы в «Собрании государственных грамот и договоров» и многие исследователи владели польским языком, цитировать продолжали исключительно «перевод», укрепляя фундамент одной избранной точки зрения. А между тем до сей поры в исторической литературе, причем как в польской, так и в российской, не обращается внимание на достаточно большую для того времени религиозную толерантность, царившую в семье Марины, где были католики, православные и протестанты: ее отец строил и щедро одаривал не только католические, но и православные храмы, считая таковую политику единственно правильной и эффективной на территории своих многонациональных и большей частью православных владений. Кроме того, сандомирский воевода являлся одним из тех представителей польской элиты, которая прекрасно осознавала политическую неустойчивость собственного отечества, грозившую ей полным исчезновением с карты Европы, и видела будущее спасение Речи Посполитой в политическом объединении с Московским государством под скипетром русского царя. Позволим себе предположить, что если бы этот замысел свершился, то уже в XVII веке могла бы возникнуть огромная славянская империя, противостоять которой не смог бы ни мусульманский Восток, ни Габсбурги, не говоря уже о Швеции, сама же Польша избежала бы уничтожения, а Россия значительно раньше встала бы на путь прогресса и европеизации, нежели это было ей уготовано историей⁵. И вполне вероятно,

---

⁵ Многочисленные проекты русско-польской унии рассматриваются в книге Б. Н. Флори «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.», однако о проекте, принадлежащем Юрию Мнишку, в ней не упоминается. Оценка проекта Мнишка

что такой союз братских народов смог состояться без ущерба как для православия, так и для католицизма, на равноправной основе включения в унию обеих ветвей христианства согласно принципу «равного с равным, вольного с вольным», и залогом тому служило понимание целесообразности подобной политики и ее приоритета над вопросами религиозной принадлежности семьей царицы Марины. Но об этом, к сожалению, историки писали очень мало, исключение составляют работы русско-польского автора С. Ф. Либровича⁶.

Многочисленная семья Мнишек отличалась образованностью, высокими интеллектуальными и культурными запросами и представляла собой типичный пример европейской аристократической элиты того времени, сполна пользующейся плодами западного просвещения. Братья Марины были студентами Галилео Галилея и соучениками будущего кардинала Ришелье, объехали почти все европейские страны и готовились к политической карьере, и если бы таковая состоялась для них в России, то Московское государство получило бы достойное представление при дворах западных монархов, ставших воспринимать его не как далекую «варварскую страну», а как более близкого партнера. Личность самой Марины, женщины образованной и воспитанной, обладавшей природным умом и волевым характером, могла бы занять выдающееся место в череде русских государынь и сыграть в отечественной истории роль царицы-консорта, равной мужу соправительницы и сподвижницы задуманных им реформ. Но неприятие иностранцев московской политической элитой способствовало тому, что в ходе Смутного времени верх одерживают консервативные силы, приверженцы традиционных воззрений, и это являлось, в свою очередь, следствием практически полной изоляции России от Запада, которая просто не могла быть культурно и ментально готова к столь радикальным переменам в государственном устройстве и во взглядах на веру. Подобное неприятие закончилось трагедией и падением для семьи Мнишек: по-видимому, это было объективно предопределено теми историческими условиями, в которых существовало

вскользь дается у И. О. Тюменцева в книге «Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II», где цели отца Марины характеризуются как планы по колонизации и окатоличиванию Московского государства.

⁶ Либрович С. Ф. 1) Соперник царя Михаила Федоровича Романова. СПб., 1913; 2) Царь в плену. СПб., 1904.

Московское государство в начале XVII века, но автор этих строк не исключает также, что таковое могло быть исторической случайностью, а для России — упущенной возможностью более раннего сближения с Европой, расширения славянского влияния в мире, политической и культурной модернизации.

Предлагаемая вниманию читателя книга является плодом многолетних изысканий автора на территории Польши, Швеции и Украины (на протяжении 2001–2010 гг.), в результате которых был собран значительный материал, позволяющий более подробно рассказать о семье Марины Мнишек, биографиях и характерах отдельных ее представителей, о местах, где прошли детство и юность будущей московской царицы, а также попытаться разносторонне оценить роль вельможной фамилии в истории России и Речи Посполитой. Необходимо отметить, что польские документы, проливающие свет на историю Мнишков, сохранились очень плохо, к тому же большая и интереснейшая их часть находится в частных архивных собраниях Европы, закрытых для широкого круга исследователей, а посему пока не введена в научный оборот. В настоящий момент нам известна незначительная часть документов из фамильного архива, указатель которых был составлен В. И. Ульяновским⁷. Основная часть его хранится в Национальной библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве (BNIO), а также в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве. Кроме того, в научный оборот нами введен целый ряд документов из Государственного архива Швеции, прежде всего частная корреспонденция польской политической элиты. Не меньшее значение для реконструкции истории семьи Марины имеет обширный иконографический материал в виде портретов и сюжетных полотен, разбросанных по музеям Польши и Украины и частично представленный в настоящей книге, а также польские старопечатные издания — яркое воплощение общественно-политической мысли того времени⁸.

*Август 2013 — июнь 2014 г.,
Санкт-Петербург*

⁷ Ульяновский В. И. Мнишки: Указатель архивных материалов и библиографии. Киев, 1989.

⁸ Список использованных старопечатных изданий см. в конце настоящего издания.

ГЛАВА I

Чешский род Мнишков. Польский род Каменецких. Николай Мнишек и Барбара Каменецкая. Детство и юность Юрия Мнишка. Его карьера при дворе Сигизмунда Августа. Выдвинутые против братьев Мнишков обвинения после смерти короля. Николай Мнишек, староста луковский

Рыцарский род Мнишков принадлежал к чешской шляхте средней руки, и хотя его представители получили в свое время титул графов Священной Римской империи, по богатству и значимости он не шел ни в какое сравнение с богатейшими семьями Лобковичей, Пернштейнов или Штернбергов. Некоторое время Мнишки, по видимому, служили тешинским князьям (ленникам чешских королей), за что им и были дарованы Княжеские, или Великие, Кончицы, в Тешинской Силезии (сейчас эта территория принадлежит Польше). В XV веке на страницах хроник упоминаются рыцари Болеслав Мнишек (1415 г.) и Николай Мнишек (1453 г.) из Великих Кончиц¹.

Согласно сохранившимся сведениям, 29 сентября 1483 года Николай Мнишек продал это имение за 1400 марок, очевидно, переселившись в Моравию, где в 1501 году упоминается некий Андрей Мнишек из Великих Кончиц, владеющий местностью Вратимов на границе Моравии и Силезии.

Николай Мнишек, дед Марины, вероятно, был сыном вышеупомянутого Андрея Мнишка, в 1520-е годы он продает свои моравские земли и переселяется в польское Прикарпатье вместе со своими родственниками (скорее всего, братом и сестрой) Гаспаром Мнишком и Агнессой Мнишек (впоследствии вышедшей замуж за польского дворянина Станислава Сераковского). По данным польского геральдиста XVI века Бартоломея Папроцкого, Николай Мнишек практически бежал с родины и «укрылся в Польше из-за гнева им-

---

¹ См.: Pasek E. Monografia historyczna wsi Kończyce Wielkie powiat cieszyński. Cieszyn, 1948.

ператора Фердинанда». Фердинанд I Габсбург получил чешскую корону после гибели бездетного короля Людовика II Ягеллона, на чьей сестре он был женат, однако не все чешские дворяне признали его государем; видимо, среди таковых оказался и Николай Мнишек. Как бы то ни было, Мнишек должен был иметь очень веские причины для того, чтобы покинуть родину и переселиться в полудикую землю, каковой Польша представлялась тогда большинству европейцев. Однако ум и деловая хватка способствовали его блестящей карьере: в новом отечестве он достиг положения, немыслимого прежде ни для него, ни для его предков. Пользуясь покровительством могущественного вельможи — коронного канцлера Кристофа Шидловецкого и какое-то время служа у него управляющим двора, Мнишек вскоре становится казначеем самого короля Сигизмунда Августа и одним из наиболее доверенных лиц монарха. Вершиной его карьеры можно считать должность краковского бургграфа (1543 г.), на плечи которого ложились все заботы о замке на Вавеле — главной королевской резиденции.

Николай Мнишек обладал многими исключительными талантами — аккуратного и рачительного финансиста, твердого и энергичного администратора, наконец, тонкого психолога и гибкого придворного, умеющего угождать как королю, так и его матери, своенравной королеве Боне, пребывавшей в сложных отношениях с сыном Сигизмундом Августом, получая щедрые награды как с той, так и с другой стороны. Приобретя поначалу несколько деревень близ города Беч в Прикарпатье, Мнишек скрупулезно расширял свои владения, покупая все новые и новые поместья, пользуясь также доходами с земель, пожалованных ему в аренду королем. Таким образом, к концу жизни он обеспечил прочное финансовое положение для своих пятерых детей, рожденных в браке с польской аристократкой Барбарой Каменецкой, а также гарантировал сыновьям возможность службы при королевском дворе². Поскольку к моменту смерти Николая Мнишка (1553 г.) его дети были несовершеннолетними, он назначил им опекунов в лице самых влиятельных вельмож королевства: краковского кастеляна, коронного гетмана Яна Тарновского и коронного канцлера Яна Отеского. Мнишек скончался в возрасте шестидесяти девяти

---

² Николай Мнишек и Барбара Каменецкая имели троих сыновей (Яна, Юрия и Николая) и двух дочерей (Барбару и Елизавету).

лет в Краковском замке и удостоился чести быть похороненным в соборе на Вавеле рядом с польскими королями (надгробие его до наших дней не сохранилось)³.

Брак Николая Мнишка и Барбары Каменецкой, родителей сандомирского воеводы Юрия Мнишка, в какой-то мере можно было назвать неравным. Пожилой, пятидесяти с лишним лет вельможа, достигший больших высот в придворной карьере и скопивший значительное состояние, дабы укрепить свое положение на новой родине и обзавестись наследниками, в 1539 году женится на юной Барбаре, дочери сенатора, польного гетмана и подольского воеводы Мартина Каменецкого. В исторической литературе, посвященной Марине, немало говорилось о происхождении рода Мнишек и о его появлении в Польше, однако практически не упоминалось о прикарпатском польском роде Каменецких, из которого происходила бабка будущей российской царицы. До наших дней неподалеку от прикарпатского города Кросно, на высоком холме над долиной небольшой реки Вислок, возвышаются величественные руины готического замка Каменец (Оджиконь) — родового гнезда рыцарского рода Каменецких герба Пилава, где и родилась Барбара. Ее отец Мартин и дядя Николай Каменецкие занимали в свое время высшие военные должности в Польше: великого коронного (Николай) и польного (Мартин) гетманов, участвовали в войнах с Московским государством и Молдавией, отражали набеги татар. Влияние матери, богатые рыцарские военные традиции семьи Каменецких бесспорно сыграли большую роль в воспитании Юрия Мнишка и его братьев Николая и Яна. Свою карьеру при дворе пан Юрий начинал с командующего дворцовой стражей, а проявленная смелость при штурме Пскова в 1581 году принесла ему сенаторскую должность радомского кастеляна, пожалованную королем Стефаном Баторием.

Юрий Мнишек потерял отца в пятилетнем возрасте и вряд ли хорошо его помнил, воспитанием пятерых детей занималась семья матери, к которой будущий сандомирский воевода испытывал глубокое уважение и самую преданную сыновнюю любовь. До настоящего времени в костеле Благовещения при монастыре францисканцев в Кросно сохранилось монументальное надгробие Барбары Каменецкой-Мнишек, воздвигнутое сыном Юрием над местом ее

---

³ См.: *Leśniak F. Wielkorządcy krakowscy XVI–XVII wieku. Gospodarze zamku wawelskiego i majątku wielkorządowego. Kraków, 1996. S. 440.*

последнего упокоения. Барбара скончалась около 1569 года, примерно в тот же период пан Юрий получил от Сигизмунда Августа Саноцкое староство, на территории которого располагалось Кросно, и пожелал увековечить память любимой матери поистине королевским памятником. В этом огромном, почти семиметровом монументе отражены не только сыновние чувства двадцатилетнего молодого дворянина, но и его амбиции, претензии на первенство не только в близлежащей округе, но и во всем королевстве: по пышности и размерам оно ничем не уступает королевским надгробиям на Вавеле.

Этот памятник был заказан Юрием Мнишком во Львове, в мастерской известного тогда немецкого скульптора Якуба Трвалого и по частям доставлен и установлен в костеле францисканцев в Кросно, родовой усыпальнице Каменецких, справа от алтаря. Автору этих строк неоднократно приходилось видеть это незаурядное произведение львовского ренессанса, богато декорированное фигурами евангелистов, ангелов, уносящих в небо щит с гербами умершей, Бога-Отца и воскресшего Христа.

Однако наибольшую историческую ценность представляет собой скульптурное изображение самой покойной, великолепно выполненное из алебастрового кварцита и в мельчайших подробностях, бесспорно, на основании посмертной маски, передающее правильные и крупные черты лица Барбары. Перед нами — грузная дама средних лет, в берете и богатом платье, украшенном золотым поясом и двумя золотыми цепями с медальоном. Голова усопшей покоится на подушке и левой ладони, в правой же руке пани Мнишек держит молитвенник и четки, что должно подчеркнуть ее благочестие и религиозность⁴. Сама фигура создает впечатление глубокого сна, а венчающая надгробие скульптура Христа символизирует вечную жизнь и скорое воскрешение из мертвых. Такая трактовка смерти была характерна для эпохи Ренессанса: смерть есть только сон перед грядущим воскрешением и жизнью вечной, а это, несомненно, служило определенным утешением для живых родственников и друзей. В дальнейшем кросненский монастырь

⁴ См.: *Sapetowa I. Nagrobki Kamienieckich w kościele franciszkanów w Krośnie: w kręgu artystycznego i ideowego oddziaływania mauzoleum ostatnich Jagiellonów. Krosno, 1998; Łopatkiewicz P. Fundacje artystyczne Kamienieckich dla kościoła franciszkańskiego w Krośnie. Krosno, 1995.*

францисканцев и его костел Благовещения с родовой усыпальницей Каменецких являлся объектом покровительства со стороны Юрия Мнишка. Например, в 1591 году благодаря его щедрым денежным пожертвованиям в монастыре был надстроен второй каменный этаж, а сам комплекс окружен мощной оборонительной стеной (дата «1591», вырезанная в момент окончания работ на одной из балок деревянного перекрытия здания, до сих пор украшает один из его залов)⁵. По-видимому, семья пана Юрия неоднократно совершала сюда паломнические поездки, в коих в детстве и юности принимала участие и панна Марина Мнишек, молясь перед алтарем костела Благовещения за души своих ушедших родственников⁶.

Перед тем как обратиться к личности отца московской царицы, сандомирского воеводы Юрия Мнишка, скажем несколько слов о внешности и характере этого аристократа. В нашем распоряжении имеется несколько его портретов и бронзовый бюст французского скульптора Андре Ле Брана, отлитый в XVIII веке с более раннего оригинала и поныне представленный в Рыцарском зале Королевского замка в Варшаве. Мнишек отличался крепким и здоровым телосложением, был широкоплечим и, по-видимому, физически сильным, однако с годами вследствие неводержанности и тяге к излишествам стал чрезвычайно тучным и грузным.

Лишний вес и чревоугодие плохо сказывались на его здоровье, подагра — неизменная спутница вельмож и королей — не обошла воеводу стороной и мучила до конца дней. Льстившие пану Мнишку придворные художники, дабы немного скрасить его чрезмерную полноту, рисовали воеводу в темном и широком, подбитом мехом плаще или делии, накинутых на плечи; надо полагать, и пан Юрий жалел об утраченной стройности, но ничего не мог поделать со своими пристрастиями.

На наш взгляд, наиболее выразителен портрет Юрия Мнишка кисти немецкого художника Филиппа Гольбейна, когда-то украшавший фамильную портретную галерею, а ныне хранящийся в Национальном музее города Вроцлава, куда был передан после

---

⁵ См.: Łopatkiewicz P. Średniowieczny kościół franciszkański w Krośnie. Krosno, 1993; Ginalska J., Łopatkiewicz P. Mury obronne Krosna od XIV do XVIII wieku. Krosno, 1994.

⁶ Напротив надгробия Барбары Мнишек находится памятник ее родного брата, дяди Юрия Мнишка, подольского воеводы Яна Каменецкого (1525–1560), выполненный итальянским скульптором Джованни Падовано.

окончания Второй мировой войны из Музея изобразительных искусств в Киеве. По мнению польских искусствоведов, он написан в конце XVI века (после 1595 г.) и представляет Мнишка в период апогея его сенаторской карьеры, демонстрирующим верность королю Сигизмунду III, висящий на груди золотой медальон с портретом которого он многозначительно придерживает правой рукой. Увлекавшийся ювелирным делом и алхимией король лично изготавливал золотые медальоны с собственным изображением и дарил их тем, кому желал выказать особое расположение. Пан Юрий некогда поддержал шведского принца Сигизмунда Вазу на выборах короля, за что был щедро вознагражден староствами, соляными копиями и Сандомирским воеводством, а на тот момент времени считал выгодным для себя как можно более демонстрировать преданность благодетелю, даже велел изобразить себя в угоду государю в столь любимом монархом немецком костюме⁷. Перед нами предстает уже немолодой, однако все еще энергичный человек с суровым, уверенным взглядом больших серых глаз, с широким лицом и массивным носом, нависающим над надменно поджатыми губами. Его длинные закрученные вверх усы и пышная темная шевелюра придают всему облику еще больше солидности, высокомерия и самодовольства. Отдаленный потомок сандомирского воеводы Артур Потоцкий⁸ в книге «Дмитрий Самозванец второй, или Тушинский» писал о Мнишке как о человеке «грозном и мрачном», и, кажется, дошедшие до нас портреты подтверждают эти слова. На всех изображениях воевода хмур и задумчив, а над его переносицей отчетливо видна характерная складка, издревле называемая *musculus procerus* — мышцей гордецов.

Образование и начало карьеры юного аристократа складывались так, как и у многих молодых людей его круга. С 1559 года, еще будучи ребенком, пан Юрий уже носил титул старосты сокальского, а в 1560 году вместе со старшим братом Яном отправился учиться за границу. Мы уже упоминали выше, что отец Юрия, Николай Мнишек, придерживался кальвинизма, и после его смерти сыновья

⁷ Другие известные нам портреты Юрия Мнишка, в том числе сюжетные полотна, представляющие венчание и коронацию Марины, изображают его в польском костюме — темном узорчатом жупане.

⁸ По материнской линии он являлся праправнуком великого коронного маршала Юзефа Мнишка, в начале XVIII века требовавшего от Петра I оплаты долговых обязательств, данных Юрию Мнишку Тушинским вором.

некоторое время оставались в лоне протестантизма, а их домашнее образование было доверено двум пасторам-лютеранам — Павлу Вежбицкому и Якубу Максенциусу.

Под опекой этих духовных лиц братья Мнишек направились в столицу Восточной Пруссии Кенигсберг, где недавно ленник польского короля герцог Альберт Гогенцоллерн основал университет «Альбертина», ставший прибежищем профессоров-протестантов, вынужденных покинуть католические страны Европы. В этом оплоте лютеранства пан Юрий провел три года, слушая лекции вольнодумцев и противников католичества; похоже, тогда же в его мировоззрении утвердилось определенное отношение к вере как к вопросу, более относящемуся к политике, нежели к совести. Как говаривал покровитель молодых людей коронный гетман Ян Тарновский, не только выдающийся военачальник, но и замечательный писатель, оратор и политик, по чьему совету сыновья Николая Мнишка, вероятно, и решили получить именно протестантское образование: «Суть не в религии, а в свободе». Действительно, кто как не профессора-протестанты сумели в то время отойти от догматичности науки, предоставив себе самим и своим студентам небывалую доселе интеллектуальную и политическую эмансипацию, каковая учила независимости суждений и ставила совесть человека вне юрисдикции государства. Умение мыслить смело и нетривиально — вот та основа, которая была заложена в сознание Юрия Мнишка в годы учебы в Кенигсбергском университете, сделав в дальнейшем его политическую деятельность очень оригинальной.

В 1563 году братья Мнишек переезжают в колыбель лютеранства — Саксонию и поступают в другой немецкий университет, в Лейпциге, который был очень популярен у польской молодежи того времени (в нем даже существовало обособленное польское землячество), и, по-видимому, остаются здесь в течение нескольких лет, постигая науки на факультете правоведения. Таким образом, получив блестящее разностороннее гуманитарное образование, во второй половине 1560-х годов молодые люди возвращаются на родину и поступают на службу к королю Сигизмунду Августу. Здесь же начинается карьера их кузен, королевский хорунжий Бернард Мациевский⁹, ровесник Юрия Мнишка, впоследствии кардинал

---

⁹ Мать Бернарда Мациевского, Елизавета Каменецкая, была родной сестрой матери Юрия Мнишка Барбары.

и примас Польши, в то время помышлявший не о духовной карьере, а о военных подвигах и светских удовольствиях. Вообще, начиная со времен службы при королевском дворе, пути двоюродных братьев неоднократно пересекаются, они вместе участвуют в походе на Псков при Стефане Батории, в дальнейшем поддерживают друг друга и в политике: кардинал Мациевский становится горячим сторонником обоих Лжедмитриев.

При дворе Сигизмунда Августа начинается довольно темный период биографии Юрия Мнишка, описанный современником событий Свентославом Ожельским в произведении «Междоусобица в восьми книгах». Именно этот единственный исторический источник, довольно пристрастно и односторонне характеризующий карьеру братьев Мнишек при королевском дворе, послужил для историков основой обвинять их во всяческих злоупотреблениях и преступлениях, которые, однако, так и не были официально доказаны.

Братья Мнишек пользовались исключительным доверием Сигизмунда Августа, в какой-то мере оно являлось данью уважения памяти их отца, чьей службой король всегда оставался весьма доволен. Последние годы жизни монарх был одержим идеей рождения потомка, поскольку три его брака так и не привели к появлению желанного наследника, на нем пресекалась мужская линия правившей в Польше и Литве почти два века династии Ягеллонов. Окруженный многочисленными любовницами и колдунами, суеверный и любвеобильный Сигизмунд Август мало интересовался государственными делами, предоставив все на откуп своим приближенным. Современник событий великопольский дворянин Абрахам Збонский так говорил о закате царствования последнего Ягеллона: «Сигизмунд Август возвел в сенаторское достоинство людей, которые в должно управляемом государстве были бы лишены чести и не допущены судом давать показания. Что только не продавалось при сем добром короле! Грязная продажность так объяла это королевство, что весьма мало людей достигало должностей за заслуги, большая же часть — за деньги и низкие поступки. Ничего удивительного в том, что при короле-купце было много покупателей»¹⁰. Но как ни критиковали подданные своего короля, его неожиданная смерть в июле 1572 года и последовавшие за ней

¹⁰ Цит. по: Orzelski S. Bezkrólewia książąt osmioro. Petersburg; Mohilew, 1856. Т. 1. С. 196.

безвластие и угроза безопасности государства испугали дворянство: «Известие о смерти Сигизмунда Августа произвело такое замешательство, что не было почти никого, кто бы, не пораженный опасностью и страхом, тотчас не схватился бы за оружие, коня и военное снаряжение», — пишет Ожельский¹¹.

В январе 1573 года в Варшаве во время конвокационного сейма, на котором должна была быть назначена дата выборов нового короля, перед сенатом от имени депутатов нижней палаты выступил королевский секретарь ксендз Ян Соликовский, призвав расследовать обстоятельства смерти государя, наступившей 7 июля 1572 года в литовском охотничьем замке Книшин. В апреле 1573 года в Варшаве собрался так называемый элекционный, выборный сейм, на котором и разразился скандал, в результате которого братья Мнишек подверглись интенсивным нападкам со стороны депутатов, описанным Ожельским. При внимательном рассмотрении данного источника, на наш взгляд, четко просматривается пристрастный характер этого разбирательства, поддерживаемого влиятельным магнатским родом Зборовских и направленного не столько против любимцев усопшего монарха, сколько против их могущественного родственника, коронного маршала, воеводы краковского, люблинского и белзского Яна Фирлея. Семьи Фирлеев и Мнишков были тесно связаны друг с другом несколькими брачными узами: сам краковский воевода женился на Барбаре Мнишек, сестре Юрия, Николая и Яна, а свою дочь от первого брака Ядвигу выдал за старшего из братьев Мнишек, красноставского старосту Яна Мнишка. Ян Фирлей, один из богатейших и влиятельнейших людей Речи Посполитой того времени, кальвинист по вероисповеданию и своего рода лидер протестантской шляхты, не прочь был сам занять трон, в чем его поддерживал турецкий султан Селим II. После смерти Сигизмунда Августа при помощи венгерской пехоты Фирлей даже взял в осаду краковский королевский замок Вавель, дабы вынудить сенаторов провести королевские выборы на территории подвластного ему Люблинского воеводства, однако цели своей не достиг. В сущности, большинство шляхты было настроено против избрания соотечественника, и тогда Фирлей и его партия выдвинули в качестве кандидата коронованного протестанта — шведского монарха Юхана III Ваза. Краковскому воеводе противостояла

---

¹¹ Orzelski S. Bezkrólewia... T. 1. S. 3.

партия братьев Зборовских, предлагавшая польский трон католику, французскому принцу Генриху Валуа, и эта политическая борьба сторон отразилась в процессе расследования обстоятельств смерти Сигизмунда Августа и злоупотреблений, имевших место при дворе в последние годы его правления. Похоже, что противники Фирлея Зборовские поддерживали тех депутатов сейма, которые призывали создать на сей счет соответствующую комиссию. Заключение данной комиссии и огласил на элекционном сейме Свенто-слав Ожельский в присутствии множества депутатов и дворян, однако оно было столь однобоко и претенциозно, что возлагало на братьев Мнишек все пороки царствования умершего короля, хотя в ходе следствия и выяснилось, что немалую роль в придворной камарилье и творящихся беззакониях играли, например, коронный вице-канцлер ксендз Франциск Красинский и некий дворянин Станислав Чарнотульский, поставлявший королю женщин легкого поведения.

В докладе Ожельского сообщалось, что причиной смерти Сигизмунда Августа стал разврат, коему он предавался с многочисленными любовницами, одновременно проживавшими в разных комнатах замка (названы были имена Дороты Коруцкой, Сюзанны Орловской и Барбары Гижанки). Братья Мнишек приобрели большое влияние на короля через Гижанку, распоряжались доходами казны и раздачей должностей. «Никакие заслуги не имели для короля ни малейшего значения, — отмечал в своей реляции Ожельский, — бал правили распутники и шлюхи, пользуясь монаршими милостями и вызывая у государя ненависть к добродетельным людям»¹². Начальник стражи Книшинского замка Николай Конарский на следствии показал, что за шесть дней до смерти монарха братья Мнишек уговорили его спрятать в подвале огромный сундук, который едва могли сдвинуть шестеро слуг, а через несколько дней под вечер вывезли его за пределы резиденции. Конарский также признался, что слышал от драбантов, как слуги Николая Мнишка в ночь смерти Сигизмунда Августа выносили из королевской спальни во двор наполненные мешки. Примечательно, что Конарский являлся родственником Зборовских и, без сомнения, его показания должны были поддержать их партию и вместе с тем их кандидата на трон. Разумеется, Николай Мнишек все отрицал, утверждая, что

¹² Ibid. S. 85.

не только никогда не распоряжался королевскими деньгами, но и наделал во имя государя много долгов, с которыми не расплатился и поныне (показав сейму для убедительности расписку, согласно которой Сигизмунд Август одолжил у него 4000 злотых). У братьев нашлось и объяснение того, что за сундук они прятали в подвале книшинской резиденции. Николай Мнишек предоставил документ, подписанный рукой короля, в котором Сигизмунд Август приказывал после его смерти передать Барбаре Гижанке 13 000 дукатов. Мнишек же доверил «шкатулку» на хранение начальнику книшинской стражи Конарскому, а тот отправил Гижанке и ее родственникам в деревню Броново, также подаренную королем своей любимой вместе с дворянским титулом.

Последующие обвинения в адрес братьев Мнишек, согласно докладу Ожельского, исходили из показаний королевского дворянина Яна Зеленского и королевского секретаря Якуба Пенговского. Зеленский утверждал, что Николай Мнишек вместе с неким евреем Эгидиусом увез из варшавского монастыря бернардинок Барбару Гижанку, подговорив ее к разврату с королем. Вышеупомянутый же Эгидиус и Юрий Мнишек состояли в любовной связи и жили в королевском дворце в одной комнате. По свидетельству Пенговского, Юрий и Николай Мнишки держали при себе двух колдунов: Гроновиуса (Градовского) и Бурана (Дюрана); первый представлялся слугой пана Юрия и везде неотлучно сопровождал его. Эти обвинения братья также целиком и полностью отрицали. В распоряжении историков имеется и другой документ — манускрипт, принадлежавший перу современника событий Яну Гизеусу, датированный 1573-м годом и рассказывающий об обстоятельствах появления столь скандально известной особы, как Барбара Гижанка, при дворе Сигизмунда Августа¹³.

История начинается в 1568 году, когда молодой королевский дворянин Николай Мнишек увидел в варшавском монастыре бернардинок послушницу по имени Барбара, к которой «воспылал жаркой страстью». Манускрипт не объясняет, каким образом это могло случиться, мы же здесь уточним, что варшавская резиденция Николая Мнишка находилась сразу за монастырем бернардинок, ближе к Висле, а монастырский сад граничил с садом этого

---

¹³ Данный манускрипт частично приведен в работе: Kurtz T. Giżanka. Warszawa, 1930.

имения¹⁴. Вознамерившись проникнуть в святую обитель, пан Николай стал искать пути для осуществления заветной цели и прибегнул к услугам купца-еврея Эгидиуса, доставлявшего продукты в монастырь. Эгидиус состоял в близкой и странной дружбе с Юрием Мнишком, о которой судачили в Варшаве, недоумевая над загадкой связи знатного шляхтича и купца-еврея; осуждал пана Юрия и младший брат, даже порвав с ним отношения.

Однако теперь ему понадобилась помощь, и все трое объединили усилия. При содействии Эгидиуса Николай Мнишек проник в монастырь, переодевшись монахиней и представившись родственницей Гижанки Марией Опацкой. Известно, что таким образом королевский дворянин посещал красавицу неоднократно; возможно, в один из визитов ему пришла в голову мысль использовать поразительное внешнее сходство Гижанки с любимой умершей женой Сигизмунда Августа Барбарой Радзивилл, дабы снискать благорасположение монарха. Согласно рукописи Гизеуса, в ночь с 7 на 8 января 1569 года в Варшавском замке при помощи некой «ведьмы из Блони» для полубезумного государя был устроен спиритический сеанс с явлением духа умершей королевы Барбары, чью роль и выполняла Гижанка, доставленная в замок Николаем Мнишком через подземный ход, соединяющий резиденцию Сигизмунда Августа с монастырем¹⁵. Подруга Мнишка была одета в точную копию платья, которое носила покойная королева, при произнесении соответствующего заклинания она вошла в комнату, где находился монарх, тот вскрикнул, протянув руки к любимой, однако в соответствии со сценарием ловких «заговорщиков» тусклый свет свечи тут же погас, а спустя четверть часа Гижанка уже находилась в монастырской келье¹⁶.

Вскоре монастырская затворница была увезена братьями Мнишек из обители (согласно Ожельскому, пан Юрий подарил ей два прекрасных экипажа, видимо, в счет тех милостей, кои она испросит для него у короля) и представлена государю уже в своей истинной ипостаси. Здесь к группе покровителей Гижанки присоединилось

¹⁴ После смерти Николая Мнишка ее выкупил у вдовы, Софьи Дялынской, брат Юрий Мнишек.

¹⁵ Свое отсутствие в королевских покоях он объяснил необходимостью навесить тяжело больную мать, пани Барбару Мнишек.

¹⁶ Варшавский монастырь бернардинок также соседствовал с королевским замком.

и духовное лицо — коронный вице-канцлер ксендз Франциск Красинский. Сигизмунд Август действительно очень привязался к девушке, однако при этом не порвал со своей прежней пассией Анной Зайончковской. Благодаря влиянию Гижанки на короля ее протекторы были щедро вознаграждены: Юрий Мнишек получил Саноцкое староство, должность коронного кухмистра и командующего драбантами его величества; его брат Ян — Ясельское и Красноставское староства, родственник братьев Мнишек коронный маршал Ян Фирлей стал краковским воеводой, а ксендз Красинский — краковским епископом. Восьмого сентября 1571 года Барбара Гижанка родила дочь, названную также Барбарой. Сигизмунд Август официально признал ее своим ребенком, хотя весь двор судачил о том, что не могущий иметь детей король жестоко обманут, и действительным отцом девочки является Николай Мнишек. Не исключено, что планы этой придворной камарильи во главе с Фирлеем, братьями Мнишек и ксендзом Красинским шли еще дальше — если бы Гижанка родила мальчика, он мог бы наследовать трон, и тогда влияние ее покровителей на государственные дела могло продлиться на неопределенный срок. Это положение вещей вызывало злость и зависть многих влиятельных магнатских родов, например, сандомирский воевода Петр Зборовский пытался выкрасть Гижанку из королевского замка, однако Юрий Мнишек вовремя позаботился о безопасности: день и ночь фаворитку охраняли драбанты под его командованием, и план похитителей не удался.

Скажем здесь еще об одном участнике вышеупомянутого «дела Гижанки» — служившем братьям Мнишек маге, астрологе и предсказателе Буране (Дюране), как его называют Ожельский и Гизеус. По мнению польского историка Р. Бугая, настоящее имя этого проходимца было Лоренц Дюр¹⁷, он являлся уроженцем Швабии и прибыл в Польшу из Нюрнберга по приглашению ксендза Франциска Красинского. В те времена в среде ученых (к коим относил себя и Дюр) было принято пользоваться латинскими именами, и маг называл себя «Duranovius» (от слова «durus» — «твердый»), в польском же варианте это звучало как «пан Твардовский». По-видимому, он являлся свидетелем многих дворцовых тайн и был опасен для братьев Мнишек. После начавшегося разбирательства на сейме в 1573 году Дюр попытался бежать в Венгрию, однако в приграничном

---

¹⁷ Bugaj R. Nauki tajemne w dawnej Polsce — Mistrz Twardowski. Wkoctaw, 1986.

городке Суха Бескидка был настигнут наемными убийцами. По легенде, бытующей среди жителей этого городка, дьявол взял черно-книжника в корчме «Рим»¹⁸. Примечательно, что в польском народном фольклоре реально существовавший немецкий маг Лоренц Дюр превратился в польского шляхтича Твардовского, продавшего, подобно доктору Фаусту, душу сатане в обмен на таинственные знания. Он стал центральной фигурой произведений живописи, литературы и музыки (здесь особо стоит упомянуть удивительный по мелодичности и красоте музыки балет Людомира Ружицкого «Пан Твардовский»).

Таким образом, события на элекционном варшавском сейме 1573 года могли принять для братьев Мнишек и их окружения весьма неприятный оборот. Однако в такой серьезной ситуации они вели себя по-разному: если пан Николай робко молчал и пытался оправдываться, предъявляя депутатам сомнительные документы, то пан Юрий в полной мере показывал свойственные ему самоуверенность и заносчивость. Знаменитый польский историк-романист Ю. Крашевский так писал о нем в романе «Времена Сигизмунда»: «Не было и следов чувства в этом расчетливом характере, взгляде, выражении лица, в холодном и презрительном отношении к тому, что его окружало»¹⁹. После обвинительного доклада С. Ожельского Юрий Мнишек встал и, сославшись на обычаи и свой знатный род, засвидетельствовал, что готов ответить перед депутатами на все его пункты, но только после того, как станет известен автор этой анонимной реляции: «Пусть выступит тот, кто обвиняет меня в этом, я отвечу ему в присутствии всех».

Однако смелых не нашлось, собравшиеся на слушание депутаты поспешили сказать, что находятся здесь не как судьи, а как слушатели. «Мнишки были окружены большим количеством родственников, — писал С. Ожельский, — так что перетянули на свою сторону несколько человек из сената». Родственник Мнишков Якуб Сецигневский²⁰ пригрозил депутатам, чтобы они не смели посягать на честь польского дворянина. Доводы его были следующие: «Мнишки дадут

¹⁸ Корчма эта действительно есть в Сухой Бескидке, однако датируется местными историками началом XVIII века. Возможно, она построена на месте более ранней предшественницы.

¹⁹ *Kraszewski J. Zygmontowskie czasy. Powieść z roku 1572. Wrocław, 1966.*

²⁰ Мать Сецигневского также принадлежала к роду Каменецких.

надлежащий ответ перед обычным судом, куда будут позваны согласно праву, если выступит тот, кто их обвиняет. Поскольку мы связаны с ними узами крови, мы не будем им потакать или поддерживать, если они в чем-либо провинились перед Речью Посполитой, но то же родство говорит нам защищать их от несправедливых обвинений. Прежде нужно взять во внимание две вещи: первая — не одни Мнишки были в королевском фаворе, многие другие пользовались симпатией в той же самой мере, таким образом, эти обвинения относятся и к ним. Второе: не одни Мнишки обрекли Речь Посполитую на такое безвластие, в этом случае найдется много сенаторов и дворян, а если на одних Мнишках начнется и закончится наказание — это будет великой обидой для них и страшным потаканием своеволию других виноватых»²¹. Вслед за этим высказыванием братья Мнишек прибавили, что сейм должен привлечь к ответственности тех депутатов, которые лжесвидетельствовали против них и не представили должных доказательств на высказанные обвинения. В перепалку включились недруги Мнишков Я. Зеленский и Я. Пенговский, поддержанные магнатом, коронным мечником Андреем Зборовским, и спор перешел в потасовку. Коронный канцлер Валентин Дембинский разнял стороны, сказав, что грехи королевских слуг и сводников малы — это обыденные грехи, которые легко забыть. Эта фраза вызвала такой шум и возмущение среди депутатов, что заседание пришлось закрыть.

Примечательно, что на стороне братьев Мнишек выступили сенаторы-кальвинисты (кроме вышеупомянутого В. Дембинского бецкий кастелян Станислав Шафранец и жарновский кастелян Ян Сененский), чьим предводителем был зять Мнишков Ян Фирлей. Этот факт позволяет предположить, что на то время братья Мнишек также принадлежали к кальвинистам и еще не перешли в католицизм. Таким образом, слушания по данному вопросу в парламенте были прекращены, а те, кто их инициировал, на время отступили. Как мы уже отмечали, обвинения, выдвигаемые против королевских фаворитов, являлись следствием и отражением развернувшейся на сейме политической борьбы кланов, и хотя действия братьев были далеки от идеалов морали и нравственности, но в таковых сложно не «упрекнуть» не только большую часть окружения Сигизмунда Августа, но прежде всего самого короля. На слушаниях по делу

---

²¹ Orzelski S. Bezkrólewia... T. 1. S. 87.

о смерти последнего Ягеллона против Николая и Юрия Мнишков выступали люди, также входившие в окружение покойного монарха, это были мелкопоместные и незначительные дворяне, поэтому трудно себе представить, что они осмелились бы действовать без поддержки каких-либо влиятельных лиц, в данном случае клана Зборовских. После окончания сеймовых баталий сенатор Ян Сененский просил аудиенции у сестры Сигизмунда Августа инфанты Анны, на которой умолял ее простить братьев Мнишек, если те в чем-либо перед ней виноваты, потому как они «как королевские слуги вынуждены были делать то, что им приказывал король»²². Кажется, Анна Ягеллонка предпочитала думать, что брат относился к ней без должного внимания под влиянием порочных фаворитов, в ответ на ходатайство Сененского она обвинила Мнишков в дерзком похищении ее фрейлины, которая затем «умерла страшной смертью», прибавив, что простить их не может, однако преследовать не будет²³.

После столь громкого разбирательства Николай Мнишек навсегда исчезает из придворной и политической жизни Речи Посполитой, довольствуясь скромной должностью луковского старосты в Люблинском воеводстве. Спустя много лет, в 1586 году, он женится на Софии Дялынской и вместе с семьей проводит остаток жизни в своих имениях²⁴. В городке Радзынь Подляский в Луковской земле, пожалованном королем Сигизмундом Старым еще его отцу, построившему там небольшой замок, пан Николай жил длительное время и там изъявил желание быть похороненным. Судя по всему, он не был рачительным хозяином, наделал большие долги, в том числе задолжал крупную сумму и брату Юрию, а после смерти луковского старосты в 1597 году его вдова в счет долга уступила Юрию Мнишку варшавскую резиденцию, где когда-то разворачивались бурные события, связанные с именем прекрасной Гижанки.

²² Ibid. S. 100.

²³ Возможно, в таком исходе дела сыграло роль и то, что главной фрейлиной двора королевы Анны была родная тетка братьев Мнишек Елизавета Каменецкая (сестра Барбары Каменецкой и мать Бернарда Мациевского).

²⁴ Согласно польскому гербовнику К. Несецкого, супруги имели многочисленное потомство: пять сыновей (Юрия, Павла, Михаила, Кристофа и Андрея) и дочь Елизавету. По-видимому, после смерти Николая Мнишка пан Юрий покровительствовал своим племянникам, например, луковский староста Павел Мнишек сопровождал своего дядю и кузину Марину в Москву.

В Радзыне Подляском в костеле Святой Троицы сохранилось ренессансное надгробие супругов Мнишек, установленное их сыном Андреем, созданное, по мнению польских искусствоведов, в мастерской итальянского скульптора Санти Гуччи, автора королевских надгробий на Вавеле (в том числе и надгробия Сигизмунда Августа). «Спящие» фигуры Николая и Софии Мнишек, изваянные из красного шведского мрамора, обрамлены коринфскими колоннами, листьями аканта и барельефами причудливо смешанных античных и библейских персонажей. Перед нами предстает мужчина средних лет в богатых рыцарских доспехах, украшенных позолотой, сильно располневший, однако все еще красивый. Его правильные черты лица с «римским» носом, пышная кудрявая шевелюра и небольшая выходящая борода напоминают облик античного героя.

Над фигурой умершего располагается барельеф, представляющий собой библейскую сцену Голгофы: перед распятием в коленопреклоненной молитвенной позе изображены члены семьи Мнишек, в том числе братья Николая — Юрий и Ян. Ниже изваяния луковского старосты помещена фигура его супруги, пожилой хрупкой женщины в монашеском одеянии, с четками и молитвенником в руках (она отличалась большой религиозностью и покровительствовала бернардинскому монашескому ордену)²⁵.

---

²⁵ См.: *Morawski W. Opisanie żywota i cudów błogosławionego ojca Ładysława z Celnowa, zakonu Ś. Franciszka Braciej Mniejszej nazwanych De Obfer albo Bernardynów, w kościele Świętej Anny klasztoru bernardyńskiego w Warszawie w Panu Bogu odpoczywającego.* Kraków, 1612.

ГЛАВА II

Юрий Мнишек при Генрихе Валуа и Стефане Батории. Управление Саноцким староством. Саноцкий замок. Брак Юрия Мнишка и Ядвиги Тарло. Род Тарло. Замок в Ляшках Мурованых. Участие Юрия Мнишка в осаде и штурме Пскова. Назначение его радомским кастеляном

Итак, выдержав сильный прессинг на сейме, пан Юрий Мнишек, в отличие от слабохарактерного брата, остался на политической сцене Речи Посполитой и назло недругам успешно продолжал свою карьеру. Хотя победу на выборах короля одерживает кандидат Зборовских французский принц Генрих Валуа, новый государь старается удовлетворить и задобрить вчерашних оппозиционеров. Судя по всему, благодаря протекции краковского воеводы Яна Фирлея Мнишек получает у нового монарха придворную должность коронного кравчего — не столь высокую, но позволяющую быть весьма близко к королевской особе (в обязанности кравчего входило символическое прислуживание его величеству на пирах). Согласно польским обычаям, перед коронацией нового государя должно было состояться погребение Сигизмунда Августа. Оно прошло с невероятной пышностью, что, собственно, являлось отличительной особенностью польских «погребальных торжеств», называемых на латыни *rompa funebris*. До наших дней дошли нотные записи скорбной музыки неизвестного композитора под названием «На смерть польского короля Сигизмунда Августа польской королевны Анны жалобная скорбь или плач», созданной в 1573 году, погружающей слушателя в атмосферу траура, грусти и безысходности. Весьма вероятно, она сопровождала погребальную процессию, проследовавшую в кафедральный собор на Вавеле 6 февраля 1574 года, главными действующими лицами которой были в том числе пан Юрий Мнишек, его кузен Бернард Мациевский и зять Ян Фирлей. Мациевский, в те времена еще далекий от духовной стези, в качестве коронного хорунжего вел большую королевскую хоругвь, краковский

воевода Фирлей нес скипетр почившего государя, а Мнишек следовал за королевским гробом «на прекрасном коне, с ног до головы одетый в королевский доспех»¹.

Pompa funebris унаследовала много элементов древнеримских погребальных процессий и носила некоторый элемент театрализованности: кто-либо из приближенных, обладавших определенным сходством с почившим, должен был взять на себя роль главного актера — «архимима» — и воплощать собой особу умершего, будто бы присутствующего среди живых, облачившись в его одежду и подражая движениям покойного. Пан Юрий Мнишек возглавлял личную охрану Сигизмунда Августа, поэтому его роль в погребальной процессии выглядела весьма уместной, а в то время он был еще достаточно строен, чтобы облачиться в парадные доспехи щуплого короля, напоминая умершего государя темными волосами и небольшой бородой², и ко всему прочему был неплохим актером не только в политике, но и в подобном торжественном действе. Братья Андрей и Петр Зборовские также играли важную роль в погребальной процессии, неся меч и державу почившего, таким образом, соперничество могущественных кланов продолжалось и здесь, ни один из них не позволял себе в чем-либо уступить другому. На следующий день гроб с телом Сигизмунда Августа был опущен в крипту собора, в соответствии со сценарием похорон Мнишек верхом въехал в церковь, закованный в доспех, и вместе с конем рухнул на землю — этот театрализованный акт означал победу смерти над жизнью.

Начиналось новое царствование и новая политическая игра, где амбициозному Юрию Мнишку нужно было опережать многочисленных соперников. И вновь ему покровительствует могущественный Фирлей, уже успевший принять избранного короля в своем замке в Балицах, где монарх-католик присутствовал на крещении по кальвинистскому обряду сына хозяина и его супруги Барбары Мнишек, названного Генрихом в честь государя³. Вскоре Генрих Валуа прибыл в Краков, однако краковский воевода Ян Фирлей не замедлил показать молодому королю, кто является настоящим

---

¹ Orzelski S. Bezkrólewia... Т. 1. S. 200.

² Парадные позолоченные доспехи Сигизмунда Августа после смерти монарха были переданы шведскому королю Юхану III Ваза, мужу его сестры Екатерины Ягеллонки, и ныне хранятся в Стокгольме.

³ Событие имело место 16 февраля 1574 года. Примечательно, что король-католик выступил в роли крестного отца при протестантском обряде.

хозяином в польской столице: в течение двух дней он нарочно не размещал сопровождавших Генриха французов и те вынуждены были ночевать на улице. На коронации Фирлей вел себя довольно бесцеремонно: он неожиданно подошел к государю и громогласно потребовал, чтобы тот присягнул на документах, гарантирующих свободу вероисповедания для польских протестантов, что растерявшийся молодой человек и поспешил выполнить. Очевидно, Зборовские, претендовавшие на первые роли при новом монархе, были не на шутку встревожены и решили разыграть против Фирлея прежнюю карту. После коронации состоялся торжественный обед, на котором Юрий Мнишек, исполняя обязанности своей новой должности, прислуживал Генриху за столом, когда дворянин Ян Зеленский обратился к государю на итальянском языке, сообщая, что Мнишек привлечен к суду за преступления и не достоин служить монарху, пока не оправдается за них. Пан Юрий тут же опроверг слова Зеленского, началась словесная перепалка, в конце концов король объявил, что Мнишек не будет прислуживать ему, пока не объяснится перед судом.

В последующие три дня разразилась новая буря: сенаторы и депутаты сейма были заняты заслушиванием диспутов противников, так что король вынужден был даже отложить принятие присяги от послов Пруссии и Курляндии, назначенной на 22 февраля. Ян Зеленский обвинял Юрия Мнишка в разврате и краже драгоценностей покойного Сигизмунда Августа, Мнишек все отрицал. Невероятно, чтобы дело двух королевских дворян приобрело такой широкий резонанс, не будь оно отражением борьбы влиятельных группировок и большой политики. Видимо, Фирлею стоило немалых усилий защитить свояка, но, похоже, и Генрих Валуа опасался вмешиваться во внутренние польские конфликты. Уже 24 февраля 1574 года Фирлей объявил волю государя: Зеленский начал дело против Мнишка в неподобающее время и в неподобающем месте без достаточных доводов, посему таковое неправомерно, преждевременно и достойно кары, если бы не симпатия короля к Зеленскому. Однако и Мнишек должен в последующем полностью оправдаться от выдвинутых против него обвинений. Таким образом, вопрос о вине Юрия Мнишка вновь остается открытым, а через три месяца политическая ситуация в Речи Посполитой вновь кардинально меняется: узнав о смерти старшего брата, французского короля Карла IX, незадачливый Генрих тайно от своих польских подданных бежит

в Париж, не преминув захватить с собой из покоев на Вавеле часть драгоценностей предшественника. Польское общество пребывает в растерянности, и перед инициаторами «дела Мнишка» стоят теперь совсем иные задачи: для всех и каждого многое зависит от того, кто следующим наденет корону.

Очередной период так называемого бескоролья продолжался без малого полтора года, стороны никак не могли прийти к соглашению, пока 12 декабря 1575 года сенат не проголосовал за кандидатуру императора Максимилиана II Габсбурга. В это время пан Юрий Мнишек принимает активное участие в развернувшихся политических баталиях, и мы вновь видим его в лагере протестантов. Зять и покровитель пана Юрия Ян Фирлей скончался в 1574 году, и теперь во главе польских кальвинистов стояли вышеупомянутый бецкий кастелян Станислав Шафранец и люблинский воевода Ян Тарло, родной дядя и опекун будущей супруги Мнишка Ядвиги Тарло. Дворяне-протестанты опасались усиления влияния католицизма в случае перехода трона к Габсбургу; кроме того, император имел силы и возможности для того, чтобы нарушить шляхетские права и свободы, сделать шаг к абсолютизации власти. Протестантская партия провозгласила «королем» инфанту Анну Ягеллонку, сестру покойного Сигизмунда Августа, а Шафранец предложил «дать ей в мужья» трансильванского князя Стефана Батория.

Четырнадцатого декабря, двумя днями позднее избрания королем императора Максимилиана, Ян Тарло и его приверженцы провозгласили государем Батория. Ни та, ни другая партия не собирались сдаваться, однако в январе 1576 года «баториевцы», как называли сторонников трансильванского князя, заняли Краков. Теперь они получили бесспорное преимущество: по свидетельству Ожельского, «люблинский воевода со своими сторонниками имели в руках казну, корону и королевские драгоценности»⁴. Ян Тарло возглавил посольство к Баторию в Трансильванию, в которое включил и покровительствуемого им Юрия Мнишка, титулуемого в то время коронным кравчим, старостой саноцким и сокальским. Польское посольство в составе пятнадцати человек прибыло в Медиаш, где 8 февраля 1576 года приняло присягу нового короля, а затем сопровождало государя в Краков, куда торжественно въехало вмес-

---

⁴ Orzelski S. Bezkrólewia... T. 3. S. 32.

те с ним 22 апреля. Обладавший незаурядными способностями ловкого царедворца, Мнишек одним из первых новых подданных был представлен Баторию еще в Трансильвании и, похоже, ожидал, что это обеспечит ему близость к государю и быструю дальнейшую карьеру, однако на этот раз ошибся. Благодаря покровительству турецкого султана и собственной армии Стефан Баторий чувствовал себя уверенно, не желал быть обязанным поддерживавшим его магнатам и предпочитал опираться на среднюю шляхту, укрепляя королевскую власть. Ян Тарло не получил от монарха ничего, как, впрочем, и протезируемый люблинским воеводой будущий родственник Юрий Мнишек. Однако здесь пан Юрий демонстрирует замечательную гибкость, через несколько лет он привлекает внимание государя, показав себя отважным гусарским ротмистром на поле боя во время осады Пскова.

Похоже, что в период с 1576 по 1581 год Юрий Мнишек несколько удаляется от двора, проводит время в управлении своими имениями и занимается устройством личной жизни.

Одним из любимых мест его пребывания был Саноцкий замок, центр управляемого им староства, расположенный в живописнейшей местности в Восточных Карпатах, на высокой горе на берегу реки Сан. Наверняка в этих местах прошло детство пана Юрия (земли, принадлежащие его родителям, находились поблизости), и он был очень привязан к ним. Саноцкая земля очаровывает и сегодняшнего путешественника богатством и пышностью природы, голубоватыми горами, покрытыми буковыми лесами, петляющими меж гор бурными водами Сана, стремящимися к Висле. Восточные Карпаты в окрестностях Санока носят название Соленых гор, поскольку из них вытекает множество солоноватых минеральных источников, использовавшихся в те времена для выпаривания соли.

Сейчас Прикарпатье, пожалуй, единственный регион Польши, где волк или медведь встречаются в дикой природе, можно себе представить, какие великолепные охотничьи угодья имелись там четыре века назад и с каким увлечением шляхта предавалась охоте во время, свободное от войны и политики. Однако эта прекрасная земля была отнюдь не спокойна — удаленная от центров и малонаселенная часть Польши, находящаяся на границе с Венгрией, кишела бандами разбойников, состоявших в основном из беглых крестьян (венгров, словаков, украинцев, поляков), называемых

тогда «бескидниками»⁵, прятавшихся в горах и нападавших на проезжающих. Кроме того, шляхта далеко не всегда жила друг с другом в мире. Польский краевед Артур Бата в своей книге «Санок и окрестности» в частности отмечает: «В начале XVII века эти территории были сценой многочисленных частных войн, авантур, насилия, убийств и трагических происшествий. Именно здесь распространился обычай родовой мести, столь ярко напоминающий итальянскую вендетту. Убийством отвечали на убийство, брат мстил за брата, сын за отца, родственник за родственника, приятель за приятеля. В этом гневе доходило порой до полного уничтожения противников. По всеобщему убеждению, в этой части Польши не было ни одной знатной семьи, в которой бы не дошло до драмы, трагедии, насильственной смерти, противозаконных бунтов»⁶. Таким образом, даже очень родовитый и богатый человек, имевший замки, многочисленных слуг и собственное войско, не мог здесь чувствовать себя в безопасности, должен был быть всегда наготове, дабы отразить врага. Особенно периоды бескорольевья, о которых мы говорили выше, становились временем совершеннейшего беспредела в этих пограничных с Венгрией землях.

По свидетельству С. Ожельского, после бегства короля Генриха во Францию, венгерский дворянин Франц Гуменский (Гуменный) с бандой в триста человек напал на поместье некоего шляхтича Гноинского, разграбил его, а хозяина бросил в башню своего замка, требуя у родственников выкуп в 4000 злотых. Нередко и сами родовитые шляхтичи становились покровителями разного рода разбойничьих банд, укрывая их в своих стенах и деля с ними добычу. Что же касается имущественных споров представителей магнатских семей, то они принимали порой характер локальных войн, например, в первом десятилетии XVII века разгорелся конфликт между перемышльским старостой Яном Дрогоевским и перемышльским кастеляном Станиславом Стадницким⁷, противостоящие стороны даже устроили небольшое сражение в самом Перемысле, стреляя друг в друга из пушек и едва не разбом-

---

⁵ Это название произошло от гор Бескидов.

⁶ Bata A. *Sanok i okolice*. Krosno, 2001. S. 10–11.

⁷ Станислав Стадницкий по прозвищу Ангел был родственником матери Марины Мнишек Ядвиги Тарло, а во времена «Димитриад», как именуется в польской историографии Смутное время в России, являлся послом короля Сигизмунда III к Тушинскому вору.

бив городской кафедральный собор. Описанные суровые условия действительности не оставляли выбора управителям этих земель; по мнению вышеупомянутого А. Бата, саноцкий староста Юрий Мнишек «преследовал подданных с исключительной жестокостью»⁸, однако в конфликты представителей знатных семей он предпочитал не вмешиваться, если они не касались его лично. Примечательно, что пан Юрий, в данном случае достойно неся звание выпускника факультета права Лейпцигского университета, был очень надежным и спокойным соседом, в земельных спорах с хозяевами прилегающих поместий он никогда не использовал вооруженную силу, хотя немалая часть его современников не гнушалась нападением друг на друга и насильственным захватом спорных территорий. В общении с людьми своего круга Мнишек был тактичен и гибок, а при возникающих имущественных недоразумениях всегда апеллировал к высшему дворянскому суду — Коронному трибуналу в Люблине, где порой присутствовал лично⁹. Однако по отношению к подданным Юрий Мнишек был неумолим: высокие налоги, которые он не устал все время повышать, захват земельных наделов, скота и урожая, телесные наказания и заключение в тюрьму недовольных — все это характеризовало время его управления, как, впрочем, и многих других его современников.

Власть старосты в те времена была почти безгранична (за исключением выдачи привилегий, что оставалось прерогативой короля), однако в случае каких-либо обид со стороны администрации подданные имели право подавать жалобы монарху (чем нередко пользовались). Староства раздавались королями в управление представителям знатных семейств с условием выплаты старостами кварталы — четвертой части доходов — в государственную казну, все остальное являлось своего рода вознаграждением для администратора. Должности в Речи Посполитой были пожизненными, но не наследственными (хотя часто давались представителям одной семьи несколько поколений подряд), поэтому вовсе не удивительно, что старосты выбивали максимальные доходы из подвластного

⁸ Bata A. Sanok... S. 10.

⁹ Коронный трибунал в Люблине как высший судебный орган для дворянского сословия Малой Польши был основан королем Стефаном Баторием в 1578 году. Однако это учреждение, заменившее собой высший королевский суд, слыло своей несправедливостью и взяточничеством судей.

населения, пока это представлялось возможным. Прикарпатские земли не отличаются плодородностью, можно себе представить, скольких «усилий» требовалось пану Юрию, чтобы получить средства, соответствующие его отнюдь нескромным потребностям. По словам польского историка Е. Млынарского, пан Мнишек, «несмотря на то, что был всецело поглощен внешней и внутренней политикой, всегда находил время на захват земли у крестьян, повышение панцины, батога и тюрьму». Но, подчеркнем здесь еще раз, такое отношение к подвластному населению было обычным в то время, исключением скорее являлось обратное.

Административным центром Саноцкой земли являлся замок, в котором и находилась резиденция старосты Юрия Мнишка, в нем также исполняли свои обязанности подвластные ему чиновники. Здесь пан Юрий рассматривал жалобы подданных, творил суд, в замковых подвалах и башне находилась тюрьма, куда могли попасть не только пойманные бескидники или неугодившие старосте мещане, купцы или крестьяне, но и дворяне. Частично Саноцкий замок сохранился до наших дней, и мы можем воочию представить резиденцию, где пребывала семья Мнишек и где останавливался будущий самозванный московский царь Дмитрий (это особенно важно в связи с тем, что другие замковые резиденции (например, замки в Самборе и Ляшках Мурованых) до нас, к сожалению, не дошли). Саноцкий замок виден издали благодаря высокой замковой горе, расположенной в месте впадения Пловецкого ручья в Сан; в те далекие и беспокойные времена он был великолепным оборонным и сторожевым пунктом. До нас дошла центральная часть двухэтажного замка, когда-то имевшего форму буквы «П», а с северной стороны к нему была пристроена готическая башня. Кроме главного здания в пределах замковой горы находились многочисленные вспомогательные постройки: конюшни, кухня, зернохранилище, арсенал, пивоварня, пекарня, архив, а также выдолбленный в скале глубокий колодец на случай длительной осады. Внутри главного здания, представляющего собой смесь поздней готики и ренессанса, сохранились многочисленные аутентичные детали, позволившие реставраторам отчасти восстановить его первоначальный облик.

Помещения на первом этаже использовались как служебные, второй же этаж вмещал личные апартаменты хозяев. Внутренние помещения замка представляют собой анфиладу небольших залов,

с деревянными потолками, согласно моде Ренессанса, с вымощенными красным кирпичом полами и дверьми, обрамленными характерными для XVI века порталами из песчаника. Окна во времена наших героев изнутри были украшены колоннами и резными каменными декорациями, оконные проемы внизу с двух сторон содержали каменные скамьи, на которые клались подушки, а хозяева могли отдыхать, наслаждаясь чарующей панорамой гор и долины Сана¹⁰. В одном из залов, по-видимому, предназначавшемся для приема гостей, до сих пор находится вмонтированный в стену умывальник из черного мрамора, так называемый лавабо. В замке сохранились даже «потайные комнаты», выполнявшие санитарные функции, их по одной в каждом конце здания. Вплоть до разделов Польши Саноцкое староство оставалось в руках рода Мнишек, вследствие распада Речи Посполитой эти территории более чем на сто лет вошли в состав Австрийской империи, и замок был превращен в военную казарму. С 1934 года в Саноцком замке находится исторический музей с великолепной экспозицией «карпатских икон» из православных и греко-католических храмов региона, проводится реконструкция внешнего облика здания, соответствующего периоду его расцвета. Примечательно, что в нескольких шагах от старостинской резиденции с давних времен располагалась православная церковь Святой Троицы (на том же месте более поздний храм находится и поныне), пользовавшаяся покровительством со стороны хозяина-католика.

В годы временного удаления от королевского двора пан Юрий Мнишек делает судьбоносный жизненный шаг — женится на молодой, знатной и очень богатой девушке, племяннице своего друга и покровителя, люблинского воеводы Яна Тарло, Ядвиге¹¹. О матери Марины Мнишек известно очень мало. Аристократический род Тарло герба «Топор» происходил из Сандомирского и Люблинского воеводств и вел свое происхождение от малопольского палатина (воеводы) Сетеха, присоединившего к Польскому княжеству балтийское побережье и в XI веке чуть не вырвавшего власть у князя Владислава I Германа и не основавшего собственную правящую династию. Родителями Ядвиги были перемышльский и сандомирский хорунжий Николай Тарло и дочь перемышльского подкомория

¹⁰ В 1953 г. был реконструирован первоначальный облик двух таких окон.

¹¹ Приблизительные годы жизни Ядвиги Тарло — 1560–1633.

Ядвига Стадницкая. Пан Николай Тарло не занимал высоких государственных должностей, но имел значительное состояние, которое целиком унаследовала единственная дочь, став одной из богатейших невест всей Речи Посполитой. Отец Ядвиги умер в 1571 году, когда она была еще ребенком, и с этого времени ее опекуном становится дядя, Ян Тарло, который и устроил брак племянницы с амбициозным Юрием Мнишком. Этот союз способствовал значительному увеличению состояния пана Юрия, ведь собственные его наследственные земли были невелики (он имел восемь деревень в Краковском воеводстве близ города Беч, замок Заложцы с прилегающими землями близ Львова, полученный в наследство от матери, Барбары Каменецкой, и несколько деревень в Сандомирском воеводстве). Приданным Ядвиги Тарло было десять деревень в Саноцком старостве, город Николаев с одиннадцатью деревнями в Львовском старостве, замок Ляшки Мурованые с прилегающими землями до Хирова и Бонковиц близ Самбора, а также пожизненное право владения королевским городом Дембовец и прилегающими деревнями близ Беча. Кроме того, Ядвига являлась хозяйкой великолепного дома во Львове, который ее супруг превратил потом в настоящий дворец, соответствующий его амбициям. Брак между Юрием Мнишком и Ядвигой Тарло был заключен в 1578 году и длился тридцать пять лет, вплоть до смерти пана Мнишка в 1613 году. Следует упомянуть, что семья невесты, как и жених, исповедовала кальвинизм, но, по-видимому, обряд венчания был совершен в соответствии с традициями католичества, и оба супруга перешли в католицизм. Вероятно, данный шаг являлся следствием политической ситуации в Польше: новый король Стефан Баторий хотя и не преследовал протестантов, однако сам, будучи католиком, многое делал для укрепления католической веры, поддерживая орден иезуитов.

Сохранилось два портрета матери Марины Мнишек, изображающие ее в разные периоды жизни: молодой беременной женщиной в первые годы замужества и пожилой матроной. Оба они когда-то находились в семейной галерее Мнишков в Ляшках Мурованых, сейчас один из них хранится в Национальном музее, а рисунок со второго — в Национальной библиотеке в Варшаве¹².

---

¹² Ядвига Тарло изображена также на двух сюжетных полотнах, представляющих заочное обручение ее дочери Марины с Лжедмитрием I в Кракове. Эти полотна, украшавшие когда-то Зал Фамилии в замке в Ляшках Мурованых,

На первом портрете пани Ядвига изображена худенькой и хрупкой яркой брюнеткой с выразительными и печальными большими глазами, как будто обращенными взглядом внутрь себя. Стоящая на высокой замковой галерее молодая аристократка украшена массивными ожерельями и браслетами из золота и драгоценных камней, ее богато расшитый чепец покрывает прозрачная вуаль, ниспадающая на плечи и руки. На столике рядом с ней лежит книга — по-видимому, молитвенник, что не должно оставлять у зрителя сомнений в ее добродетелях и набожности. Примечательно, что в левом углу портрета рядом с гербами находится латинская надпись «*Semper immota*», что означает «Верна навсегда», очевидно, обращенная к супругу. Второй портрет Ядвиги Мнишек (он приведен в настоящей книге) запечатлел ее в возрасте около сорока лет, как раз в то время, когда при дворе сandomирского воеводы разворачивались бурные события, связанные с именем самозванца.

У нас недостаточно данных, чтобы судить о взаимоотношениях родителей Марины Мнишек, но позволим себе высказать несколько предположений на основании скудных фактов. Пан Юрий Мнишек был старше жены на 12 лет, за его плечами имелось неоднозначное прошлое и немалый жизненный опыт¹³. Похоже, что для грозного и деспотичного супруга первостепенное значение в браке имело рождение наследников, и пани Ядвига с лихвой оправдала эти надежды: несмотря на слабое здоровье, она подарила мужу двенадцать детей (о чьих судьбах мы скажем ниже). В жизни же пана Юрия все подчинялось наслаждениям, карьере и политике, а семья должна была беспрекословно следовать его желаниям, пряча личные чувства глубоко в душе. Примечательно, что после

хранились затем в Вишневецком замке, одно из них находится сегодня в Государственном историческом музее в Москве, а второе (копия с утерянного оригинала) — в собрании Оружейной палаты Московского Кремля.

¹³ Польский историк Владислав Лозинский в художественном произведении «Око пророка» пишет о любимце сandomирского воеводы Юрия Мнишка, молодом венгерском гайдуке по имени Кайдаш, пользующимся его исключительным расположением. Лозинский изучил огромное количество документов, относящихся к истории наших героев, и использовал почерпнутую информацию как в научных, так и в художественных работах. В свете информации, касающейся молодости Мнишка, такое нетрадиционное увлечение выглядит неудивительным.

трехлетнего отсутствия дома, связанного с нахождением Мнишка в московском плену, он не поспешил к супруге и детям, а отправился прямо на сейм в Варшаву, о чем горько сокрушалась Марина в своем письме к нему: «В течение столь долгого времени я пребывала в надежде, что Вы счастливо, в добром здравии, изволили приехать из России к моей матушке; теперь же я получила известие, что Вы, милостивый пан отец, в дом свой еще не прибыли. Сие весьма беспокоит и удивляет меня...». В свою очередь, пани Ядвига тяжело переживала разлуку с супругом, она совершала паломничества к различным святыням, в частности, в 1607 году молилась перед известной своими чудесами иконой Божьей Матери в доминиканском монастыре в Самборе, пожертвовав Богородице драгоценный медальон с портретом мужа с просьбой заступиться за него¹⁴. В то же время пани Мнишек принимала активное участие в делах воеводы¹⁵, в его отсутствие в Польше информировала о ситуации при дворе и на сеймах, также известно, что она писала личные письма зятю Лжедмитрию I¹⁶ и, скорее всего, приложила немалые усилия в поисках претендента на роль воскресшего «царя Дмитрия» — Лжедмитрия II.

После свадьбы супруги Мнишек выбирают своим местопребыванием замок в Ляшках Мурованых, который вместе с обширными прилегающими землями составлял приданое пани Ядвиги.

Во времена ее отца это было скромное кирпичное строение, окруженное поселением, где проживало около двухсот крестьян, обслуживающих господ. Небольшое каменное здание пан Юрий перестраивает с невероятным размахом и пышностью убранства, окружает прекрасным парком, превращая в одну из самых значительных ренессансных резиденций во всей Речи Посполитой. Замок, построенный в форме пятиугольника, был настолько велик, что на его внутреннем дворе устраивали рыцарские турниры. По ве-

---

¹⁴ Jerzy T. Petrus. Dawny kościół i klasztor OO. Dominikanów w Samborze // Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej. Część 1. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa ruskiego. Kraków, 1997. Т. 5. S. 219–220, 222.

¹⁵ В одной из своих речей Юрий Мнишек даже назвал супругу «примером и образцом для женского пола».

¹⁶ В описях фамильного архива Мнишков значатся не обнаруженные пока письма Ядвиги Мнишек Лжедмитрию I, датируемые 1605 годом. См.: Ульяновский В. И. Мнишки. С. 10.

ликолепию и богатству известный польский историк В. Лозинский сравнивает Ляшки с прикарпатскими «жемчужинами» — замками Красичин и Баранов Сандомирский, сохранившимися до наших дней и включенными в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО¹⁷. Но замок Мнишков, как и его хозяев, постигли трагические превратности судьбы, так что сегодня мы можем судить о резиденции только по сохранившимся описаниям, изображениям да впечатляющим рвам и высокому валу, окружающему руины единственной восточной стены.

Владение каменным замком считалось особо престижным в кругах польского дворянства, только 2–5 % представителей этого сословия могли себе позволить резиденцию, на постройку которой тратились неисчислимые средства. Это был элемент престижа, занимаемого общественного положения, наконец, памятник роду и владельцу, которому суждено пережить хозяев и рассказать потомкам об их славе. Профессор Краковского университета Себастьян Петрици, личный врач пана Юрия Мнишка в последние годы жизни магната, так писал о значении родового замка: «Сильным мира сего пристало строить для обороны мощные замки, поражающие людское воображение по величине и высоте, из ценных материалов, как то каменных блоков, мрамора, алебастра, дабы показать всем свою вельможность, коя внушала бы по отношению к ним почтение и страх»¹⁸.

Без сомнения, замок в Ляшках Мурованых способен был произвести впечатление даже на весьма искушенного зрителя. Пан Юрий превратил старинное родовое гнездо семьи Тарло в новомодную по тем временам резиденцию «палаццо ин фортецца» — дворец в крепости, выполняющий как оборонительную, так и репрезентативную функцию, служащую не только для отдыха и развлечений хозяев и приема гостей. Выше уже упоминалось, что Прикарпатье было весьма беспокойным регионом: неожиданные нападения татар, турок, банд бескидников и венгров — все это придавало замку в Ляшках сторожевую и оборонительную функцию, делало его убежищем для окрестной шляхты в случае набегов противника. Благодаря сохранившимся описаниям резиденции, прежде всего инвентарям, сделанным по распоряжению

¹⁷ Łoziński W. *Życie polskie w dawnych wiekach*. Lwów, 1921. S. 5.

¹⁸ Petrycy S. *Ekonomia* // Ciołek G. *Ogrody polskie*. Warszawa, 1954. S. 51.

владельцев¹⁹, можно составить некоторое представление о замке Юрия Мнишка. Ляшки имели форму пентограммы, с пятью башнями по углам, были окружены кольцом высокого, почти двадцатиметрового вала и двух глубоких рвов, наполнявшихся водой из близлежащей реки Стрвонж по проделанным в земле и выложенным камнями шлюзам. Въезд в замок осуществлялся с юго-восточной стороны по каменному мосту, построенному над внешним рвом, за которым следовали первые ворота, украшенные резным карнизом с гербом Мнишков. В этих воротах находились помещения для стражи, денно и ночью охраняющей покой хозяев резиденции. Следующий мост вел к главной шестиэтажной квадратной башне, где располагался второй пост охраны, а также неотъемлемая принадлежность построек такого рода — тюрьма. Въездные ворота были обрамлены колоннами и декорированы гербом хозяина, наверху имелась смотровая площадка и механические часы с четырьмя циферблатами, обращенными к сторонам света, венчал же башню шпиль с позолоченным гербом Мнишков — семью страусиными перьями, опирающимися на полумесяц. Обширный внутренний двор, вымощенный камнем, помимо прочих функций играл роль плаца, где проводились турниры и военные смотры, за которыми хозяева и их гости наблюдали с двухэтажной внутренней галереи, украшенной статуями львов, каменными шарами, колоннами и балюстрадой²⁰.

В соответствии с традициями того времени, верхний этаж замка занимали залы, репрезентативные помещения и часть апартаментов хозяев, нижний состоял из жилых комнат и вспомогательных служб. Подвалы резиденции предназначались для конюшен (как правило, одновременно там находилось более сотни лошадей), кухни, пекарни, хранилищ для продуктов, посуды и угля, а также колодца — неперменного атрибута крепости, готовой к длительной осаде. На первом этаже располагалась казна, каретная и оружейная с весьма впечатляющим набором пушек разного калибра, гаковниц, ружей, пистолетов, рапир, шпаг, пик и рыцарских доспехов. Много-

---

¹⁹ В данной работе мы опираемся на инвентарь 1748 г., приведенный в книге польского историка Романа Афтанази «Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej» (Wrocław, 1996. Т. 18).

²⁰ Элементы подобной галереи со спускающейся во двор с двух сторон лестницей мы можем наблюдать в сохранившемся ренессансном замке Баранов Сандомирский, а также в замке Красичин.

численные же жилые помещения хозяев чередовались с сенями, кабинетами и гардеробными. Видимо, пан Юрий Мнишек не считался ни с какими расходами, украшая и обустривая свою резиденцию, которая насчитывала сорок пять комнат и залов: дорогие оловянные оконные рамы; мраморные дверные порталы и камины; дубовые двери и паркет; люстры из бронзы, венецианского стекла и жемчужных нитей; стены, обитые тисненой кожей и ценным сукном с серебряными галунами, представляющими собой родовой герб; потолки с живописными плафонами и лепниной — все это было призвано поразить воображение современников. Особенно впечатляли два главных зала замка: Королевский и Зал Фамилии, каждый из них имел размеры 38 на 15 метров и освещался двенадцатью люстрами и светом, льющим из двенадцати окон. В Королевском зале висели портреты королей, начиная с легендарного Леха, а также сюжетные полотна битв, среди них особое место занимали походы Александра Македонского²¹. Зал Фамилии призван был представить гостям весь блеск, древность и значимость рода. На стенах, обитых красным сукном, помещались десятки портретов членов семьи и их ближайших родственников, первое место среди которых занимали изображения родителей пана Юрия — Николая Мнишка и Барбары Каменецкой²².

По мнению знатока старопольской живописи М. Гембаровича, помимо Мнишков «ни один из польских родов, кроме королевской семьи, не может похвалиться таким собранием современных изображений своих членов»²³. С ростом богатства и значения рода необходимо было создание какой-либо героической легенды, касающейся предков, и таковую по желанию пана Юрия сочинил фамильный панегирист, доктор философии Симон Вендзицкий. Согласно ей, основатель рода Вандалин Мнишек семь лет служил военачальником в армии императора Карла Великого и получил от него в награду герб — семь страусиных перьев, что и было художественно передано в цикле картин Зала Фами-

²¹ Юрий Мнишек был весьма неравнодушен к этому античному герою, известно, что даже в ярославской ссылке основным предметом его чтения был Плутарх. Дмитрий Самозванец часто любил сравнивать себя с Александром Македонским, почерпнув сведения о нем в замке будущего тестя.

²² Рисунки с части этих портретов мы приводим в настоящей книге.

²³ *Gębarowicz M. Początki malarstwa historycznego w Polsce. Wrocław, 1984. S. 122.*

лии²⁴. Впоследствии зал украсили плафоном, представляющим события, связанные с Лжедмитрием I и Мариной Мнишек, по мнению М. Гембаровича, являвшимся самым ранним в Польше плафоном на историческую тематику (о нем подробнее будет сказано ниже).

Картины были своего рода «слабостью» и предметом коллекционирования вельможного хозяина: он делал много заказов местным живописцам (например, львовянину Симону Богушевичу и работающему в Польше при королевском дворе итальянцу Томмазо Долабелле), собирал произведения голландских, итальянских, немецких художников, так что в замке не оставалось комнаты, не украшенной какой-либо картиной, среди которых особое место занимали полотна религиозного и исторического содержания, карты, пейзажи и генеалогии. Об интеллектуальных запросах пана Юрия и его высокой эрудиции свидетельствовал обширный сводчатый библиотечный зал со встроенными в стены деревянными книжными шкафами с книгами на латинском, итальянском, польском и французском языках, среди них — литература духовного содержания, панегирики, сеймовые речи и конституции, а также много изданий по архитектуре и фортификации. Упомянем здесь, что пять сыновей Юрия Мнишка получили прекрасное образование в университетах и академиях Польши, Германии, Франции и Италии, а дочери — серьезное домашнее образование, включающее обучение латыни.

На верхнем этаже одной из башен Ляшечского замка, согласно описанию 1748 года, располагался «круглый кабинет» с четырьмя окнами, с камином из песчаника²⁵ и четырьмя книжными шкафами, заполненными различными счетами, актами и реестрами. Кабинеты в башне считались модными в XVI–XVII веках (вспомним любимый кабинет короля Сигизмунда III в башне «Куриная нога» на Вавеле), поэтому с уверенностью можно сказать, что во времена Юрия Мнишка назначение помещения было таковым же: оно служило местом для деловых занятий хозяина. Несколькими поколе-

---

²⁴ Одна из этих картин находится в музее-заповеднике «Киево-Печерская лавра».

²⁵ Камин из песчаника являлись довольно традиционными для Ренессанса, наиболее, на наш взгляд, хорошо сохранившиеся и украшенные богатыми декорациями каминные в малопольском регионе находятся в замке Коморовских в Сухой Бескидзкой.

ниями потомков в кабинете сохранялись носилки (лектика), оббитые желтым аксамитом с бахромой и серебряными галунами, возможно, принадлежавшие пану Юрию, в пожилом возрасте страдавшему чрезмерной тучностью и подагрой и временами нуждавшемуся в помощи при передвижении.

В особой круглой башне замка, отмеченной крестом на куполе, располагались две часовни: на нижнем этаже для прислуги, проживавшей в подвальных помещениях, на верхнем — для семьи магната и его гостей²⁶. Освещенная восемью окнами верхняя часовня была украшена росписью, представляющей апостолов, а в позолоченном дубовом алтаре находилась икона Божьей Матери в серебряной раме и выложенный жемчугом крест с частицами святых реликвий. Замковая часовня в большинстве случаев являлась неотъемлемой частью резиденций такого рода, в случае, например, болезни кого-либо из членов семьи или гостей тот мог слушать мессу, не вставая с постели.

За кольцом фортификаций и бастионов Ляшецкого замка, на обоих берегах притока Днестра реки Стрвонж был разбит итальянский сад с фонтанами, лабиринтами подстриженных кустарников и статуями античных божеств, куда спускались по двум полукруглым лестницам. Территория сада использовалась не только для отдыха: в вырытых искусственных прудах разводили благородные виды рыб, а рядом выращивали овощи и зелень для замковой кухни. По словам польского историка В. Лозинского, «сад этот следовало бы считать первым в Польше монументальным примером любви к природе, ограниченной рамками искусства». Эта величественная резиденция и прилегающие к ней обширные земли были объявлены Юрием Мнишком Ляшецкой ординацией, статус которой в последующем утвердил сейм. Таковое означало своего рода положение «государства в государстве» — земли ординации передавались только одному наследнику, являлись неделимыми, их нельзя было продать. В Польше того времени существовало очень мало ординаций (например, ординация канцлера Замойского), их учреждение способствовало сохранению могущества,

²⁶ Еще в конце XIX в. в приходском католическом костеле в Ляшках Мурованных сохранялся происходивший из замка позднеренессансный позолоченный деревянный алтарь в виде складня или пентаптиха, который был заказан Юрием Мнишком в мастерской краковского монаха-доминиканца Антония Гросса.

богатства и политического влияния рода в будущем. В целом замок в Ляшках Мурованых можно причислить к самым значимым резиденциям польской аристократии, к воплощению амбициозности и далеко идущих планов его владельца, а если сравнивать Ляшки, например, с замком политического противника Юрия Мнишка, гетмана Станислава Жолкевского в Жолкве (сохранившимся до наших дней), последний кажется скромным и не производящим впечатления строением.

Супруги Мнишек проводили в Лящеском замке в основном теплую часть года, в остальное же время одной из их резиденций стала так называемая Тарловская каменица во Львове, соседствовавшая с дворцом архиепископов и перешедшая к пану Юрию с приданным жены²⁷. Готическое здание в 1581 году было перестроено по приказу Мнишка, украшено пышной и изящной ренессансной каменной резьбой вокруг окон и дверных порталов, что повлекло за собой возмущение городских властей, являвшихся сторонниками «суровой простоты» и считавших излишним изменять облик вполне пригодного для жизни крепкого здания. Пан Юрий апеллировал к королю, и конфликт между городом и приверженным роскоши магнатом был разрешен в пользу последнего²⁸.

В первую половину правления короля Стефана Батория Юрий Мнишек ведет незаметную провинциальную жизнь, однако было бы ошибочно полагать, что при его энергичном, честолюбивом характере и незаурядном уме это положение станет концом карьеры. Несмотря на то что Мнишек во время выборов короля принадлежал к партии «баториевцев» и в составе польского посольства привез трансильванскому князю радостную весть о состоявшейся «элекции», новый монарх не выказал ни пану Юрию, ни его покровителю, предводителю «баториевцев», люблинскому воеводе Яну Тарло, никакой благодарности. В дальнейшем мы увидим, что король по какой-то причине недолюбливал Мнишка, однако тот во что бы то ни стало решил добиться милости Батория. Король-солдат превыше всего ценил воинские заслуги, особенно значимые в условиях

---

²⁷ В настоящее время это здание на львовской рыночной площади скрыто в стенах Королевской каменицы, где располагается Львовский исторический музей.

²⁸ См.: *Gębarowicz M. Studia nad dziejami kultury artystycznej późnego renesansu w Polsce*. Toruń, 1962.

жестокой борьбы Речи Посполитой, Швеции и России за территорию Ливонии, и когда был объявлен набор волонтеров для похода королевской армии на Псков, «пан кравчий» Мнишек, снарядив за свой счет великолепную гусарскую роту в 200 всадников и возглавив ее, отправился на войну, оставив дома супругу и малолетних сыновей Яна и Станислава. Воспитанный на примере воинской славы деда, гетмана Мартина Каменецкого, по природе своей человек азартный и смелый пан Юрий вознамерился стяжать славу отважного солдата, которому король не откажет в высокой должности. Современник событий Рейнгольд Гейденштейн в своих «Записках о Московской войне» отмечал, что волонтеры из кавалерии являлись людьми «испытанной храбрости и отлично вооруженными» и «ни в один из прежних походов не было таких блестящих и ловких всадников, как в этом»²⁹. Действительно, польская конница выглядела впечатляюще, особенно в глазах иностранцев: закованные с ног до головы в тяжелые доспехи рыцари набрасывали на плечи леопардовые шкуры и прикрепляли на спину крылья с перьями, которые должны были наводить на мысль о «Христовом воинстве» и о справедливости начатого дела.

В этом походе братьями по оружию пана Мнишка были родственники, ставшие затем его политическими союзниками и принимавшие активное участие в делах российских самозванцев: будущий кардинал Бернард Мациевский и кузен супруги пана Юрия Станислав Стадницкий, прозванный современниками Дьяволом. Поход под Псков стал для Юрия Мнишка первым близким знакомством с Россией, которая представлялась европейцам страной диких варваров, управляемых злобным тираном, однако сам город восхитил воинов Батория своей красотой и размерами, «превышающими Париж», и заставил участвовавшего в кампании ксендза Станислава Пиотровского воскликнуть в одном из своих писем: «Нужно признаться, что у князя удивительная земля, и всякий скажет, что он великий государь»³⁰. Величие и богатство восточного соседа — такое впечатление вынесли осаждавшие Псков из этого

²⁹ Рассказ о приступе 8 сентября из книги Гейденштейна «De bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, commentariorum libri VI» (Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники похода Батория на Россию (1580–1581). Псков, 2005. С. 442–449).

³⁰ Осада Пскова глазами иностранцев. С. 357.

похода, именно Псков и Новгород потребует пан Юрий Мнишек в качестве обеспечения для дочери Марины от Дмитрия Самозванца спустя четверть века, считая их лучшей частью Московского государства.

Стефан Баторий решил штурмовать Псков 8 сентября 1581 года с южной стороны, разбив своей артиллерией часть стены и повредив две башни — Покровскую и Свиную. Опираясь на донесения посланных к проломам пехотинцев, рассказавших, что проход в крепость весьма удобен для атаки, король объявил о своих намерениях войску. Юрий Мнишек, будучи кавалерийским ротмистром, явился к Баторию и изъявил желание принять участие в штурме в рядах пехоты, что было в глазах окружающих доказательством особой доблести (его примеру последовало еще четыре командира кавалерии, в том числе и Станислав Стадницкий). Поверх доспехов добровольцы надели белые рубашки, чтобы король, наблюдая за атакой, мог видеть отвагу каждого. «В белых рубахах, надетых сверх вооружения, — писал очевидец событий ксендз Пиотровский, — держа в руках обнаженные мечи и кинжалы, они ходили друг к другу прощаться и писали завещания. И грустно и весело было смотреть на это!»³¹ Приступ начался во второй половине дня, а впереди штурмующих гордо выступали добровольцы в белом одеянии, в числе коих находился и пан Юрий. Завладев обеими башнями и вывесив там свои флаги, они хотели продолжать атаку, однако обнаружилось, что обвал стен с внутренней стороны был довольно высок, и спрыгнуть оттуда в город не представлялось возможным. Осажденные псковичи перехватили инициативу, усиленным артиллерийским огнем по башням и взрывом пороховых мин, заложенных под ними, принудили штурмующих отступить. По счастливой случайности Мнишек не был ранен, хотя в этом штурме польское войско не досчиталось ранеными и убитыми несколько десятков знатных дворян.

Потерпев неудачу, король решает перейти к длительной осаде. В течение нескольких месяцев его армия страдает от недостатка продовольствия и холода, пытаясь принудить псковичей к сдаче. Рота Юрия Мнишка несла караулы, изредка вступая в стычки с предпринимавшими вылазки осажденными, а кавалерийским командирам все сложнее становилось удержать воинскую дисципли-

---

³¹ Осада Пскова глазами иностранцев. С. 337–338.

ну. По воспоминаниям С. Пиотровского, страдавших от холода без шуб и сапог солдат палками приходилось заставлять нести караулы на морозе, а в конных ротах от бескормицы погибла половина лошадей, так что выполнение функций, возложенных на кавалерию, было тем более затруднительно.

Во время этой осады в лагере происходит событие, показавшее недружелюбие королевского двора по отношению к Юрию Мнишку. С наступлением холодов польский лагерь превратился в некое подобие «второго Пскова»: военные построили домики и вырыли землянки, в которых и проводили свободное от службы время. Богатые дворяне и командиры часто приглашали к столу своих сослуживцев и подчиненных, чему следовал и Мнишек. Один из таких обедов у пана Юрия посетил некий королевский дворянин Голковский, известный забияка и нарушитель дисциплины, давний партнер хозяина по карточной игре. По завершении трапезы, будучи оба навеселе, они сели играть в карты, причем Мнишек выиграл у гостя все деньги и драгоценности, а затем заявил, что согласен продолжать игру только за наличные. Это показалось оскорбительным для Голковского, и он напомнил, что как-то вынул пана Юрия деньгами, а теперь, «когда вам везет, хотите, чтобы вам верили, а нам верить не хотите». Мнишек попытался смягчить конфликт и предложил возвратить выигрыш, однако еще больше распалил гостя, обозвавшего хозяина подлецом, тот же в ответ пригрозил «надрать чуб» дерзкому дворянину. «Не подставлять же мне горла», — с этими словами Голковский бросил в пана Юрия хрустальный кубок, который не только сильно поранил ему лицо, но и сбил с ног (свидетелями этой ссоры стали несколько находившихся на обеде дворян). Голковский, кричавший, что Мнишек первый его ранил, был арестован и помещен под стражу в шатре Станислава Жолкевского, который взял его на поруки. Согласно законам военного времени и артикулам, утвержденным королем для армии, таковое преступление каралось отсечением руки или смертной казнью, однако, как пишет ксендз Пиотровский, «весь двор был за Голковского» и «все жалели его»³². Через несколько дней этот дворянин бежал из-под стражи и скрылся, в организации же побега подозревали самого короля. Возможно, в таковом деле принимал участие и Станислав Жолкевский, в чьем шатре

---

³² Там же.

Голковский находился под арестом, и именно в этом кроется причина неприязни (впрочем, взаимной), которую Мнишек испытывал к будущему коронному гетману до конца жизни.

После заключения Ям-Запольского мирного договора и окончания Ливонской войны Стефан Баторий 12 марта 1582 года совершил торжественный въезд в Ригу теперь уже уверенным хозяином этой части Ливонии. Здесь, в Рижском замке, он благодарил участников псковского похода и раздавал вакансии: 27 марта 1582 года король дарует Юрию Мнишку сенаторскую должность радомского кастеляна и этим, казалось бы, вознаграждает его доблесть, которую не мог игнорировать³³. Но если пристально взглянуть в данное назначение, это была скорее подачка, нежели награда: незначительное Радомское кастелянство, находящееся в Сандомирском воеводстве, относилось к числу «малых кастеляний», главы которых хотя формально входили в сенат Речи Посполитой, но даже не имели права заседать на сенаторских креслах и должны были довольствоваться лавками в конце зала. Мнишку в то время было уже тридцать четыре года, возраст, в котором многие представители знатных родов получали воеводство, поэтому получение подобной должности, по-видимому, не вызвало у него удовлетворения. Однако будучи человеком настойчивым и дипломатичным, он вновь пытается сблизиться с двором и прежде всего с венгерским окружением короля-венгра, в частности с одним из его фаворитов, бароном Ференцем Весселини, и даже является гостем на его свадьбе с аристократкой Анной Бекеш в июне 1582 года³⁴. 12 июня 1583 года состоялось венчание королевской племянницы Гризельды Кристины Баторий с коронным канцлером и гетманом Яном Замойским, и здесь Мнишек в качестве сенатора — радомского кастеляна — принимает самое активное участие в придворных свадебных торжествах. Весьма тонким и расчетливым шагом пана Юрия стал действительно оригинальный подарок, который он преподнес Баторию, известному своей любовью к чтению и книгам. Мнишек каким-то образом узнал о том, что некий дворянин Грущинский, служивший некогда

---

³³ Akta historyczne do objaśnienia rzeczy polskich służące. Kraków, 1887. T. 11. S. 352.

³⁴ Ф. Весселини являлся королевским постельничим, Баторий вознаграждал его многими землями в Польше, в том числе подарил великолепный замок Дембно недалеко от Кракова, хорошо сохранившийся до наших дней.

у предшественника Стефана на трансильванском троне Яна Запольи, написал хвалебный трактат в честь своего господина и его окружения, которое в большинстве своем последовало в Польшу за Баторием после его избрания королем и составило новую политическую элиту; однако вскоре поэт умер и не успел его опубликовать. Этот трактат этического содержания под названием «Долг крепкой дружбы», превозносивший добродетели в том числе ближайшего друга короля Гаспара Бекеша, Мнишек приобрел у брата покойного поэта, опубликовал его в Кракове, выразительно обозначив на титульном листе факт своего меценатства, преподнес Баторию и его сподвижникам³⁵. Но, как ни странно, эти действия ничего ему не дают, и до конца правления короля Стефана пан Юрий вынужден был удовлетвориться малой кастелянией и пребывать вдали от двора.

---

³⁵ См.: Powinność dobrego towarzystwa Jana Gruszczyńskiego z Lipna. Kraków, 1581.

ГЛАВА III

Воцарение Сигизмунда Вазы. Юрий Мнишек в лагере регалистов. Взлет его карьеры: получение червоннорусских староств и Сандомирского воеводства. Юрий Мнишек как администратор Червонной Руси. Его религиозная политика. Жизнь семьи Мнишек в Самборе. Начало финансовых затруднений воеводы

Неожиданная смерть Батория, последовавшая 12 декабря 1586 года, открыла перед Мнишком новые возможности: во время третьего, наступившего за последние пятнадцать лет бескоролья он демонстрирует незаурядное политическое чутье и делает выбор в пользу наиболее удачливого кандидата — шведского принца Сигизмунда Вазы, племянника Сигизмунда Августа по материнской линии. Королевская элекция, состоявшаяся в июне 1587 года в местечке Воля под Варшавой, не обошлась без враждебных выпадов и противоречий в среде дворянства, расколовшегося на две большие партии и явившихся во всеоружии. Одна из них под предводительством братьев Зборовских, по «старой доброй традиции» требовавших поставить перед судом любимцев покойного Батория во главе с канцлером Яном Замойским, прочила корону австрийскому эрцгерцогу Максимилиану Габсбургу, брату императора Священной Римской империи Рудольфа II; вторая же, под началом Замойского, видела следующим королем принца Сигизмунда, в жилах которого текла кровь Ягеллонов и только благодаря одному этому обстоятельству и великолепному знанию польского языка очень популярного среди шляхты.

Как и в случае с избранием Батория, противоборствующие стороны не желали уступать друг другу: 19 августа 1587 года Замойский и его партия провозгласили королем Сигизмунда, а 22 августа их противники проголосовали за кандидатуру Максимилиана. Поскольку оба претендента не хотели оставаться в проигрыше и были в равной мере заинтересованы в польском троне, только поле битвы могло окончательно разрешить их спор. В конце сентября во главе пятитысячного военного отряда эрцгерцог вторгся в пределы

Речи Посполитой и осадил Краков, пытаясь склонить жителей города на свою сторону. Таким образом, под угрозой вторжения оказалось все Краковское воеводство, в том числе и входящая в его состав Саноцкая земля, управляемая Юрием Мнишком. Следует отметить, что как пан Юрий, так и его братья голосовали на элекции за кандидатуру Сигизмунда и оставались верны своему выбору. Саноцкий староста действовал быстро и решительно, вербовал немецких солдат для защиты Прикарпатья от войск Максимилиана, в этом ему помогал брат Николай Мнишек. В Государственном архиве Швеции сохранился любопытный документ от 5 октября 1590 года за подписями и печатями луковского старосты Николая Мнишка и лифляндского офицера Георга Фаренцбаха, согласно которому Мнишек должен был заплатить его немецким наемникам определенную сумму¹. Видя нежелание большинства населения принять его в качестве государя, после нескольких неудачных штурмов древней польской столицы Максимилиан отступил со своими людьми к силезской границе. 9 декабря Сигизмунд въехал в Краков и 27 декабря короновался в кафедральном соборе Вавеля; конец же противоборству положила знаменитая битва под Бычиной, следовавшая 24 января и закончившаяся пленением австрийского эрцгерцога, впоследствии отказавшегося от претензий на польскую корону, коронным гетманом Яном Замоиским².

Новый король Сигизмунд III при вступлении на престол был двадцатидвухлетним молодым человеком, воспитанным в шведских традициях и знавшим о Польше во многом только от своей матери, Екатерины Ягеллонки. Ментальные различия между монархом и его подданными, молодость самого короля, наконец, наличие в стране противников его избрания делало первые шаги шведского принца в политике очень неуверенными, он нуждался в помощниках и друзьях. Тем более щедро монарх отблагодарил тех, кто помогал ему справиться с эрцгерцогом, в их числе был и радомский кастелян Юрий Мнишек, на коего в первые годы правления Сигизмунда милости и пожалования посыпались как из рога изобилия. Было еще одно обстоятельство, которое способствовало укреплению

¹ Наемники Фаренцбаха защищали Краков от войск эрцгерцога Максимилиана Габсбурга в 1587 году. См.: Riksarkivet, Extranea Polen. Vol. 118.

² Некоторое время Максимилиан пребывал в заключении в Красноставе, где старостой был Ян Мнишек.

степени доверия молодого короля к ловкому вельможе, который, будучи весьма тонким психологом, без труда нашел ключ к сердцу нового монарха. Религиозность Сигизмунда, его приверженность католической вере, благорасположение к ордену иезуитов являлись широко известными еще до прибытия шведского принца в Речь Посполитую, и ему не могли априори нравиться условия, поставленные перед ним сеймом: неукоснительно соблюдать права и свободы представителей так называемых некатолических вероисповеданий, приравняв их к католикам. Пан Мнишек внешне стремился выказать поддержку тайным чаяниям вновь избранного короля и спешно выехал встречать государя в Гданьск, куда тот должен был прибыть из Швеции в начале октября. Проезжая через Восточную Пруссию, пан Юрий остановился по пути в средневековом замке крестоносцев в Мальборке, где посетил костел св. Яна и в обмен на щедрое пожертвование получил от настоятеля священные реликвии, хранящиеся там несколько веков: частицы мощей святого Маврикия, апостола Андрея, святых Юлианы и Констанции³. Приказав затем изготовить для них серебряные раки, Мнишек преподнес эти святыни государю, прибывшему в монастырь в Оливе под Гданьском, чем, несомненно, снискал его симпатию⁴. Демонстрируя столь рьяно свою приверженность католицизму, Мнишек идет еще дальше, примыкая к ультракатолической группе, подавшей монарху прошение (протестацию), в котором та призывала его отказаться от существовавшего в Речи Посполитой принципа веротерпимости как «противного Богу, единству католической веры и церкви, общему миру и спокойствию»⁵. Примечательно, что подписать это заявление кроме троих католических епископов (куявского Иеронима Розражевского, перемышльского Альберта Барановского и познанского Луки Костелецкого) решилось всего два светских сенатора, находившихся друг с другом в родственных связях, — хелминский воевода Николай Дялынский и радомский кастелян Юрий Мнишек⁶. Данное прошение вызвало бурю возмущения как протестантов, так и православных, и Сигизмунд вынужден был при-

---

³ Kuczera A. Samborszczyzna. Sambor, 1935. Т. 1. S. 366.

⁴ Часть этих мощей была пожертвована Юрием Мнишком в дар бернардинскому монастырю в Самборе в 1597 г.

⁵ Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск, 2002.

⁶ На дочери Н. Дялынского Софии был женат брат Юрия Мнишка Николай.

сягнуть, что гарантирует свободу совести для своих новых подданных, однако же расчет Мнишка оказался верен: король теперь считал пана Юрия верным и преданным сторонником, кроме того, всецело разделяющим его религиозные взгляды и замыслы.

Благодаря своему знатному происхождению, выгодной женитьбе и политической активности пан Мнишек был весьма состоятельным человеком, но воцарение нового государя поставило его в один ряд с богачейшими и влиятельнейшими вельможами всей Речи Посполитой. Основой финансового благополучия польского дворянства, наряду с наследственными землями, являлось пожалование староств — королевских земель, с правом получения трех четвертей доходов и платой четверти в государственную казну, староства называли в то время «кусом хлеба за заслуги». Уже в 1588 году пан Юрий получает Самборское и Озиминское староство, самое обширное и богатое в Восточном Прикарпатье, а также управление находящимися на территории Червонной Руси королевскими соляными копиями, приносящими огромные доходы от продажи этого во все времена ценного сырья⁷. В 1591 году Сигизмунд III одарил его Меденицким староством близ Перемышля, в 1593 году — Львовским, а в 1596 году — Щежецким и Рогатинским староствами в Червонной Руси. Собственно, титул львовского генерального старосты означал, что все королевские староства, располагавшиеся на территории Червонной Руси или Русского воеводства, находятся в его управлении⁸, и Мнишек становится поистине хозяином Прикарпатья с баснословными годовыми доходами, которые с одного только Самборского староства составляли около 150 000 злотых.

В 1589 году происходит беспрецедентный в среде польской политической элиты случай: от пожизненной должности сандомирского воеводы отказывается протестант-кальвинист, богатый и могущественный магнат Станислав Шафранец⁹, делая этот шаг в пик прокатолическим настроениям нового короля Сигизмунда III.

⁷ Несколько соляных копей было и в частных владениях Мнишка в Ляшках Мурованых.

⁸ См.: *Heitzman H. Dochody starostwa ruskiego od początku XVI wieku. Tarnów, 1910.*

⁹ Этот вельможа был владельцем великолепного замка в Песковой Скале, построенного по канонам итальянского Возрождения, дошедшего до наших дней и по своему изяществу и пышности некогда не уступавшего королевской резиденции на Вавеле.

По-видимому, он слагает свои полномочия в пользу своего давнего протеже и соратника Юрия Мнишка, которого рьяно защищал еще во времена бурной молодости последнего в той трудной ситуации, которая сложилась для него после смерти Сигизмунда Августа. Кажется, несмотря на внешний переход в лагерь католиков, Мнишек был настолько ловок, что сумел сохранить своих прежних друзей и доброжелателей из среды протестантов, и действия С. Шафранца служат тому подтверждением. Должность сандомирского воеводы, полученная паном Юрием в 1589 году, существенно повысила его значение в сенате, она означала почетное четвертое место в этой верхней палате польско-литовского парламента, насчитывающей 140 членов — представителей самых значительных семейств королевства. Кроме того, сандомирский воевода, наряду с шестью другими высшими сенаторами, имел символические ключи от государственной казны, находившейся в Краковском королевском замке на Вавеле, что резко увеличивало шансы влияния на выборы монарха и продвижение своего кандидата в случае наступления очередного бескоролья.

Воеводские должности в Речи Посполитой были скорее почетным признанием заслуг, нежели сочетались с реальной властью на территории воеводства (хотя во времена феодальной раздробленности значение воеводы почти соответствовало княжескому положению), которая находилась в руках старост. Однако воевода формально являлся главой администрации и председательствовал на воеводских сеймиках, где избирались кандидаты на общегосударственный сейм, имея возможность, таким образом, напрямую влиять на решение тех или иных вопросов в парламенте. Несмотря на то что предок Юрия Мнишка Николай Каменецкий (родной дядя его матери, пани Барбары Каменецкой) еще при Сигизмунде Старом в начале XVI века также занимал должность сандомирского воеводы, оба эти рода считались более близкими к Прикарпаты, нежели к Сандомирской земле. За почти четверть века, формально являясь главой дворянства Сандомирского воеводства, пан Юрий очень редко бывал в Сандомире, а на воеводский сеймик, проходящий в местечке Опатув, высылал своих подчиненных, если появлялась надобность повлиять на выборы необходимых ему кандидатов на сейм и лоббирования там того или иного вопроса (таковое пренебрежительное отношение весьма обижало местную шляхту).

Сложно сказать, почему Мнишек не жаловал своим вниманием Сандомир, красивейший город, расположенный в месте впадения Сана в Вислу, на полпути из Кракова в Варшаву, с великолепным мягким климатом, утопающий в зелени персиковых садов и рощ из грецких орехов, завезенных сюда из Италии монахом-доминиканцем святым Яцеком Одровонжем, с огромным величественным замком и готическим кафедральным собором, живописно отражающимися в водах Вислы¹⁰, и предпочитал ему полное опасностей полудикое Прикарпатье. Совершив по обычаю после получения должности первый торжественный въезд в город, под залпы пушек и ружей новый пан воевода Мнишек проследовал в Сандомирский замок, где, очевидно, принимал местную шляхту и представителей городского магистрата. Позже в честь этого события он повелел выбить бронзовую медаль с собственным профильным изображением, гербом и титулами, на которой перед нами предстает грузный мужчина с одутловатым лицом, пышной шевелюрой вьющихся волос и широкой бородой, в доспехах и с рыцарской лентой через плечо (оттиск с аверса и реверса данной медали находится в Национальной библиотеке в Варшаве)¹¹.

Сандомир, подобно Риму раскинувшийся на семи холмах в долине Вислы, великолепно сохранил свою средневековую и ренессансную архитектуру до наших дней. Благодаря огромному количеству архитектурных достопримечательностей, большинство из которых — многочисленные костелы и монастыри, ныне город занесен в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, но, к сожалению, здесь бесполезно было бы искать следы меценатства воеводы Мнишка, коим он так щедро одаривал города Червонной Руси: пан Юрий не любил Сандомир и не оставил в нем о себе никакой памяти.

С воцарением Сигизмунда Вазы Юрий Мнишек внешне становится самым преданным сторонником короля и порой совершенно

¹⁰ Польский историк XVI в. Станислав Сарницкий так говорил о Сандомире в 1585 г. в книге «Описание старой и современной Польши»: «Эта местность чрезвычайно красива и приятна. Всюду тянутся сады, как лес, окружающие город. Там произрастает большое количество великолепных фруктов. Поэтому Казимир Великий и другие короли приезжали в Сандомир, дабы отдохнуть. Здесь найдешь знаменитых врачей и музыкантов, веселое духовенство, изобилие различных напитков, рыбы, меда, лососей, дичи и хлеба».

¹¹ Впрочем, возможно также, что данная медаль была выбита в честь пятидесятилетия вельможи.

беспринципно поддерживает его политику, будучи за это щедро вознаграждаем. Оппозиционное дворянство даже дало ему прозвище «цепного пана», намекая на золотую цепь с осыпанным бриллиантами медальоном, пожалованные государем в знак исключительного доверия и милости, которые неизменно украшали в то время костюм вельможи наподобие ордена. Эйфория от избрания монарха из рода Ягеллонов быстро прошла, и польская шляхта увидела истинный характер шведского принца. Молчаливый и сдержанный интраверт, находившийся под сильным немецким культурным влиянием, он вскоре потерял симпатию и доверие своих подданных, с которыми держался скрытно и надменно, требуя от них самой скрупулезной субординации, что дало повод подозревать его в намерениях нарушить шляхетские права и свободы. Насмешки и неприятие в польском обществе вызывали и занятия монарха, с точки зрения шляхты, недостойные даже простого дворянина: его величество собственноручно выращивал дыни, любил рисовать, играть в мяч и запускать бумажного змея. Не понимал своих подданных и сам король и, кажется, с самого начала пребывания на престоле Речи Посполитой мечтал вернуться в любимую Швецию. В 1589 году в Ревеле он встретился со своим отцом, шведским королем Юханом III, который посовествовал сыну в прямом смысле слова продать польскую корону кому-то из Габсбургов, а самому вернуться в Швецию. Покупатель на престол Речи Посполитой вскоре явился в лице австрийского эрцгерцога Эрнеста, племянника императора Священной Римской империи Рудольфа II, с которым Сигизмунд заключил в 1590 году тайное соглашение: он уступал польскую корону за 400 000 гульденов и возможную военную помощь.

В глазах партии, поддержавшей шведского принца в качестве антигабсбургского кандидата, это выглядело предательством интересов Речи Посполитой и «продажей страны немцам», однако в данной ситуации пан Юрий Мнишек становится решительным сторонником воцарения на польском троне австрийского эрцгерцога и целиком разделяет планы Сигизмунда. Кроме того, без согласия на то парламента, в мае 1592 года король женился на Анне Габсбург, дочери штирийского эрцгерцога Карла II, однако большинство сенаторов в знак протеста отказались присутствовать на этой свадьбе и собрались в местечке Енджеев под Люблином, где обсуждали предательство родины государем и принятие вследствие этого соответствующих мер (лидерами съезда становятся Ян За-

мойский, Станислав Жолкевский и Николай Зебжидовский). Сигизмунд остается в кругу немногочисленных сторонников, и в эти дни его как нельзя более поддерживает сандомирский воевода Мнишек: 31 мая 1592 года он участвует в торжественной коронации Анны Габсбург в кафедральном соборе Вавеля, неся скипетр перед новой государыней, а впоследствии подписывается под письмом сенаторов, осуждавших оппозиционный съезд своих коллег в Енджееве¹². Когда тайные действия короля и эрцгерцога Эрнеста становятся широко известны, осенью 1592 года собирается так называемый инквизиционный сейм, где возмущенная шляхта ждет объяснений от своего государя, а канцлер Ян Замойский обвиняет монарха в тайном союзе с Габсбургами и торговле короной, сандомирский воевода очень дипломатично защищает «шведа», говоря, что хотя это дело и нужно расследовать, но он лично «не верит в виновность благочестивого государя». По-видимому, заявления Юрия Мнишка и услуги, оказанные им Сигизмунду, убеждают короля в личной преданности изворотливого магната, и именно это обстоятельство в последующем повлечет за собой то, что монарх прислушается к сандомирскому воеводе, когда тот представит ему «чудесно спасшегося московского царевича».

Вероятно, уже с начала девяностых годов XVI века пан Юрий вместе со своей супругой и многочисленными детьми поселяется в Самборе — административном центре пожалованного ему староства, который современники называли «местом отдыха заслуженных пенсионеров». Однако этот приграничный регион Речи Посполитой нередко представлял собой не столько место отдохновения, сколько поле битвы, где нужно было быть всегда готовым дать отпор внешним и внутренним врагам. Например, в 1594 году территорию Покутя, Волыни и Прикарпатья наводнили орды крымских татар, следующих по приказу хана Казы-Гирея II в карательную экспедицию в Венгрию. Король Сигизмунд III в это время пребывал в Швеции в связи с принятием престола после смерти своего отца Юхана III, и польская политическая элита во главе с коронным гетманом и канцлером Яном Замойским была вынуждена самостоятельно решать вопрос защиты своей территории. Гетманы Замойский и Жолкевский в июле 1594 года соединились под Самбором с частными

¹² См.: *Hejdensztejn R. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594.* Petersburg, 1857. Т. 2. S. 306.

кавалерийскими отрядами пана Мнишка. Увидев значительную военную силу, крымцы, переночевав под стенами города, не решились напасть и направились на юг, преследуемые гетманами и сандомирским воеводой, перешедшими через Карпаты, до самой венгерской границы (в результате этой погони у татар были отбиты часть награбленной ими добычи и диковинные для европейцев животные — верблюды, одного из которых подарили пану Юрию)¹³.

В последнее десятилетие XVI века по восточным и юго-западным окраинам Речи Посполитой прокатились первые грозные казацкие бунты под предводительством Кристофа Косинского и Северина Наливайко. Это были своего рода предзнаменования событий, разразившихся спустя полвека и связанных с восстанием Хмельницкого, напугавшие и встревожившие шляхту. Таким образом, управлять Червонной Русью во многом означало сидеть на пороховой бочке и быть постоянно готовым к отражению нападения, укрепляя города и замки и собирая надежные военные отряды. Не меньшего искусства от администратора этих многонациональных и многоконфессиональных земель требовали царившие в нем этнические и религиозные противоречия, грозившие в любой момент вылиться в «непослушание подданных», как писал пан Юрий канцлеру Л. Гембицкому. Что касается конфликтов католиков и православных на управляемых им землях, то здесь Мнишек был весьма гибким и осторожным, отнюдь не являясь ревностным католиком, довольно лицемерно показывая себя поборником «истинной римской веры» тогда, когда рассчитывал обрести за это политические дивиденды у фанатичного короля, а также у папы и его нунции в Польше, от которых надеялся получить поддержку в деле первого самозванца. На деле сандомирский воевода был довольно веротерпимым человеком и, несмотря на формальный переход в католичество, чего требовала политическая конъюнктура, в душе не придавал значения христианским разногласиям, хотя, конечно же, считал западное христианство приоритетным с точки зрения его образовательной и цивилизаторской миссии, материально щедро покровительствуя католическим церквям, учебным заведениям и монастырям. Сохранились сведения, что в начале 1601 года король Сигизмунд,

---

¹³ См.: Czołowski A. Tatarzy w Karpatach w 1594 r. Epizod z najazdów tatarskich na Polskę // Złoty szlak. Kwartalnik poświęcony kulturze ziemi halickiej. Rocznik 1. Grudzień, 1938. Zeszyt 4. S. 6–24.

оценив рвение Юрия Мнишка в отношении церковной благотворительности, намеревался отправить его во главе посольства в Рим к папе Клименту VIII, однако назначение это не состоялось и посольство возглавил Николай Вольский. Возможно, эта замена была связана с проблемами со здоровьем, которые часто испытывал воевода. 23 февраля 1601 года он особым актом передавал управление Львовским староством на время отсутствия своему соседу, хозяину Добромильского замка близ Ляшек Мурованых Яну Феликсу Гербурту, однако, как было сказано выше, он оказался невос требованным.

Таким образом, хрупкий мир в Прикарпатье, население которого (например, гуцулы, долиняне, бойки, лемки, русины, погоряне, валахи) в абсолютном своем большинстве являлось приверженцем «греческой веры», был для Мнишка гораздо важнее религиозных споров, и он предпочитал не враждовать с местным православным духовенством, привлекая его на свою сторону. Отдельного рассмотрения достоин вопрос об участии сандомирского воеводы в деле проведения в жизнь Брестской унии, на составлении которой сделал головокружительную духовную карьеру его двоюродный брат, Бернард Мациевский. В 1588 году Мациевский, человек высокомерный и самоуверенный, получил от Сигизмунда луцкое епископство и, великолепно зная о тайном желании фанатичного короля объединить подданных Речи Посполитой единой верой (под влиянием иезуитского проповедника Петра Скарги монарх искренне считал, что таковой шаг укрепит государство), начал действовать в среде православных иерархов, предлагая им признать власть римского папы взамен на сохранение православных обрядов и имений духовенства.

Замыслы монарха и определенной части католических духовных лиц упали на весьма благодатную почву: верхушка духовенства греческого обряда была недовольна и напугана визитом в Речь Посполитую возвращавшегося из Москвы в 1589 году константинопольского патриарха Иеремии II, принявшего наводить свои порядки и сместившего с киевской митрополичьей кафедры Онисифора Девочку, заменив его Михаилом Рагозой, а также оставившего в качестве «бдительного ока» своего постоянного представителя — экзарха в лице луцкого епископа Кирилла Терлецкого. Кроме того, патриарх велел собрать с подвластных ему территорий значительную сумму денег, что повлекло за собой ропот православных иерархов:

греки стригут их, как Христовых овец, а посему надо просить короля «вызволить их из плена царьградских патриархов».

Визит Иеремии в Россию был сопряжен с установлением московского патриархата, что в будущем могло поставить в зависимость от «Третьего Рима» православных Речи Посполитой и распространить духовную власть восточного соседа на ее территорию, а этот факт казался потенциальной угрозой как Сигизмунду III, так и католическому духовенству, как, впрочем, и православным епископам, предпочитавшим выторговать привилегии у короля, нежели подвергнуть себя и свое имущественное положение неясной перспективе. Таким образом, идея Брестской унии возникла почти одновременно среди представителей обеих христианских конфессий Речи Посполитой, каждая из них преследовала в ней свои интересы, но, как оказалось, проведение ее в жизнь оказалось крайне небезопасно и поставило восточные земли государства на грань гражданской войны.

Роль посредника в переговорах между православными епископами, королем и апостольской столицей взял на себя Мациевский, поначалу даже искавший возможности лично встретиться с патриархом Иеремией во время его пребывания в Польше и договориться с ним о каком-либо компромиссном варианте унии, но патриарх всячески избегал подобных переговоров. Мациевский прекрасно понимал, какой рискованный шаг совершается при его прямом участии, отдавал он себе отчет и в том, что без согласия патриарха за православными епископами может не пойти масса черного духовенства и прихожан, однако продолжал прикрывать духовной риторикой свои материальные и политические интересы, по-видимому, мало заботясь о последствиях. «Несчастьем Брестской унии с самого начала было то, — писал польский исследователь Э. Ликовский, — что, имея многочисленных и могущественных врагов и противников, у нее было очень мало друзей и защитников»¹⁴.

Примечательно, что идея унии критиковалась и радикальным католическим духовенством, которое призывало не признавать восточных обрядов, а прямо и не церемонясь обратить православных в католичество, и уж тем более не желало видеть в сенаторских креслах своих коллег-униатов и делить с ними свои доходы и влияние (на последнем вполне разумно настаивал даже Рим, но столк-

---

¹⁴ *Likowski E. Unia Brzeska. Warszawa, 1907. S. 219.*

нулся здесь с непониманием со стороны собственных служителей). Таким образом, идея унии, могущая воплотиться в жизнь в разных вариантах (например, уравнивать в правах католиков и православных в рамках национальной церкви, возможно, лишь частично зависимой от Рима), была реализована в очень неустойчивой форме, а ее юридическим основанием стали подписи нескольких представителей высшего православного духовенства во главе с киевским митрополитом Рагозой, собравшихся на синоде в Бресте.

Узнав о столь желанном для него результате переговоров, обрадованный король 24 сентября 1595 года подписал универсал о соединении православной и католической церквей, думая, очевидно, что на этой счастливой ноте все и закончится. Однако подчинение власти Рима было встречено в среде православной паствы бурей негодования, львовские церкви, например, закрыли свои двери перед униатами, карету киевского митрополита прихожане забрасывали камнями, а епископов обвиняли в сговоре и измене, так что двое из них посчитали за лучшее отказаться от унии — ими стали львовский православный епископ Гедеон Балабан и епископ перемышльско-самборский Михаил Копыстинский. В сущности, по мнению многих польских историков, уния привела к обратному результату — вместо того чтобы сплотить подданных его величества под знаменем единой веры, она еще больше расколола католиков и православных, добавив в этот давний конфликт еще одну группу участников — принявших главенство римского папы униатов.

Как же реагировал на Брестскую унию пан Юрий Мнишек, в землях которого два православных епископа наотрез отказались к ней присоединиться? В одной из работ замечательного исследователя Смутного времени П. О. Пирлинга¹⁵ отмечено, что папский нунций Клаудио Рангони назвал Мнишка «одним из самых горячих пропагандистов унии», и эта фраза отныне являлась ключевой для отечественных историков, характеризующих сандомирского воеводу как человека, стремившегося окатоличить как православных подданных Речи Посполитой, так и Московское государство. Но таковая характеристика, данная Мнишку Рангони, лишь доказывает, насколько тонким политиком был пан Юрий и как искусно он мог создать нужное впечатление среди нужных ему людей. Отнюдь не в интересах магната, управляющего и без того ненавидящим католиков

¹⁵ Пирлинг П. О. Дмитрий Самозванец. Ростов н/Д., 1998.

православным населением, была поддержка униатов, вызвавших столь глубокое неприятие у приверженцев неизменного сохранения отеческой веры. Православные церкви в землях Мнишка находились повсюду — в Самборе, Саноке, Сокале, Рогатине, Львове, наконец, в его ординации в Ляшках (до наших дней дошло немало деревянных православных церквей Прикарпатья, датируемых XVI в.), и их было гораздо больше, нежели католических храмов.

Как же ведет себя сандомирский воевода, «горячий приверженец унии»? В его ординации в Ляшках Мурованых еще с середины XVI века существовали православные церкви в местечках Шумин и Тарнавцы, а в 1590 году пан Юрий не пожалел собственных средств на постройку православной церкви в местности Березов¹⁶. Никаких униатских церквей при его жизни здесь создано не было (униатский приход в Ляшках появился только в 1692 г.), а католический костел основал в 1614 году, уже после смерти отца, сын Мнишка Франциск Бернард, посвятив храм в память о нем святому мученику Юрию. С середины XVI века в Самборе, ставшем наряду с Ляшками постоянной резиденцией семьи сандомирского воеводы, в центре города, рядом с приходским католическим костелом, была православная церковь Богородицы, куда нередко наведывался епископ перемышльский и самборский Михаил Копыстинский, не принявший унию¹⁷. Мнишек довольно терпимо относился как к этому иерарху, не однажды посещавшему старосту в замке, так и к его отвергшему унию коллеге, львовскому православному епископу Гедону Балабану: он не чинил им никаких препон в их духовной деятельности и не преследовал членов православных братств. Например, члены Ставропигиального братства во Львове совершенно свободно печатали свою литературу и проводили собрания, а оба епископа не только спокойно проживали в своих резиденциях и пользовались доходами с соответствующих церковных имений, но и разъезжали по соседним епархиям, управляемым униатами, пытаясь наводить там свои порядки. И это при том, что королевский универсал в 1596 году

---

¹⁶ См.: *Petrus Jerzy T. Dawny kościół parafialny p. w. Niepokalanego Poczęcia Najświętszej Panny Marii i Św. Jerzego męczennika (obecnie cerkiew p. w. Św. Mikołaja) w Laszkach Murowanych // Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczy Pospolitej. Część 1. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa ruskiego. Kraków, 1997. T. 5. S. 104.*

¹⁷ См.: *Rakowski G. Українське Карпати і Подкарпатіє. Частина західна. Провідник краєзнавчо-історичний. Сандомірь, 2013.*

поставил этих двух владык вне закона, называя их «отщепенцами» и «проклятыми». Сигизмунд призывал старост не иметь с ними дела, не считать епископами и всячески карать. Но, как видим, сандомирский воевода не спешил выполнять эти требования, с одной стороны, вероятно, скептически относясь к эффективности подобных мер в отношении духовенства, а с другой — не желая противопоставлять себя многочисленному дворянству Прикарпатья и Червонной Руси, твердо державшемуся православия, чьими услугами он пользовался в делах управления.

Отношение Юрия Мнишка к идее внедрения унии выглядит тем более осторожным, если сравнить его с тем, как поступали действительные «горячие сторонники» этого начинания: притесняли и изгоняли из своих имений православное духовенство, превращая православные церкви в униатские, отбирали земли у православных храмов и монастырей. Не отставали в этом отношении и православные противники унии, например, луцкий староста Александр Семашко приказал запереть епископский дворец и не пустил на порог одного из ее инициаторов Кирилла Терлецкого, по собственной инициативе поставив его, по сути, вне закона. На подобном фоне сандомирский воевода очень взвешенно подходил к вопросу религиозной политики, а его кажущийся на первый взгляд фанатичным выпад в защиту католицизма на заре воцарения Сигизмунда Вазы был всего лишь игрой, рассчитанной на быстрое получение дивидендов.

Пан Юрий Мнишек вырос в окружении православных святынь Прикарпатья и Руси, возможно, считал их неизменным атрибутом этих земель и очень корректно вел себя по отношению к духовенству вообще, какую бы христианскую конфессию оно ни представляло. Показателен в этом отношении процесс, который с 1604 года бургомистр города Самбора возбудил против православного владыки М. Копыстинского: городские власти пытались заставить епископа отремонтировать крепостную стену и башню, прилегающую к православной церкви, что входило в обязанности православных владык на основании привилегии королевы Боны от 1553 года, позволившей взамен на таковую построить церковь в пределах Самбора. Однако епископ упорно отказывался это делать, пока самборский магистрат не обратился к королю и тот не поручил Мнишку заняться улаживанием спора. Данный конфликт длился несколько лет, православный владыка не желал выполнять

вменяемую ему обязанность, и это свидетельствует о том, что со стороны пана старосты самборского на иерарха не оказывалось никакого давления (в конце концов, у могущественного магната было достаточно средств, которыми при желании он мог бы принудить Копыстинского сделать то, что от него требовали). Пан Юрий оставался весьма толерантным в отношении вероисповедания и в своей собственной семье, руководствуясь прежде всего практической выгодой: его сын Станислав был женат на православной княжне Софии Головчинской, принадлежавшей к одной из ветвей дома Рюриковичей, осевших в Великом княжестве Литовском (вообще, межконфессиональные браки считались нормой в дворянской среде Речи Посполитой того времени), и Мнишка больше интересовало ее большое состояние, нежели приверженность «греческой схизме». Время от времени пан Юрий даже делал значительные подарки православным церквям, расположенным на его землях, например, в церкви Св. Архангела Михаила в прикарпатском местечке Пелгжимка близ Ясло вплоть до начала XX века хранился расшитый золотом драгоценный орнат — подарок Мнишка местному православному приходу¹⁸.

Не только в Польше, но практически по всей Европе на рубеже XVI–XVII веков уверенно набирает обороты контрреформация, католическая церковь постепенно отвоевывает свои потерянные позиции у протестантов, а светские властители стараются заручиться ее поддержкой, заодно укрепляя таким образом собственную власть. Католической церкви в Польше принадлежало две трети всех земель, а в условиях воцарения на престоле фанатичного короля-католика она превращалась в самую богатую и влиятельную силу в государстве, и иметь ее на своей стороне было в любом случае выгодно. Юрий Мнишек прослыл в истории как необычайно щедрый благотворитель католических церквей и монастырей, и здесь крылся не только сугубо утилитарный расчет — сандомирский воевода, несомненно, был верующим человеком, и в какой-то мере его большие пожертвования являлись способом откупиться от грехов, которых у него накопилось немало. Пан Юрий выделял немалые средства на строительство костелов на Руси и в Прикарпатье, например в городке Николаев близ Львова и местечке Самокленски близ Ясло. В Самокленских местные жители до сих пор

---

¹⁸ См.: *Sarna Wł. Opis powiatu jasielskiego. Jasło, 1908. S. 475.*

показывают остатки деревянного панского двора на горе в лесу, где, по их словам, воевода Мнишек принимал Дмитрия Самозванца. В 1605 году пан Юрий построил здесь деревянный костел во имя святой Марии Магдалины, возможно, в благодарность за успех московского похода своего будущего зятя. В стоящем сегодня на его месте новом храме сохранился весьма любопытный каменный алтарь из песчаника, с центральной иконой в виде ярко раскрашенного барельефа, помеченный гербами Мнишек и Тарло, что свидетельствует о том, на чьи средства он был выполнен¹⁹. Можно только предполагать, какое большое количество церковных алтарей было создано польскими мастерами по заказу сандомирского воеводы, если спустя четыре века и две мировые войны, не пощадившие эти территории, до нас дошли некоторые из них.

На пути из Самбора в Ляшки Мурованые, возле самой дороги, находится принадлежавшее Самборскому староству местечко Старая Соль, где еще в XIV веке король Казимир Великий приказал построить часовню Святой Анны, которую в дальнейшем дополнили деревянным костелом Святого Архангела Михаила. Мы уже упоминали о том, что семья Мнишек, начиная с 90-х годов XVI века, попеременно пребывала в Самборе и Ляшках и, должно быть, нередко останавливалась во время путешествий возле храма в Старой Соли для отдыха и молитвы. Средневековая готическая часовня при храме пришла в ветхое состояние, и пан Юрий приказал перестроить ее в стиле позднего Ренессанса, украсив потолок великолепной лепниной (работы были завершены в 1613 г., о чем свидетельствует надпись, сохранившаяся на потолке), и это стало последним актом церковной благотворительности вскоре за этим скончавшегося сандомирского воеводы.

Но поистине во всем своем широком размахе меценатство Юрия Мнишка предстает перед нами в крупных городах: Львове и Самборе, где практически любое строительство или реновация прежних католических святынь не обходилась без его щедрого вклада. Что касается столицы Червонной Руси, то здесь пан Юрий делал

---

¹⁹ Данный алтарь не описан в научной литературе, и тем более никто из нынешних служителей храма не связывает его создание с семьей Мнишек. Автору этих строк совершенно случайно посчастливилось, проезжая через Самокленски в 2005 г., установить факт существования вышеназванного свидетельства церковной благотворительности родителей Марины Мнишек.

пожертвования для кафедрального собора, доминиканского монастыря и иезуитского коллегиума (учебного заведения, являвшегося предшественником Львовского университета), но главным объектом его благотворительности становится грандиозный бернардинский монастырь с костелом Св. Андрея, великолепно сохранившийся до наших дней, с гордо красующимся на фасаде гербом донатора. Каменный костел и монастырь бернардинцев во Львове, заменивший старинное деревянное строение, задумывался не только как объект опоры и пропаганды католицизма на этих восточных землях Речи Посполитой, но и как крепость, включенная в фортификационную систему городских оборонительных стен и Глинянских ворот. Орден бернардинцев, представляющий собой реформированное в XV веке ответвление францисканского ордена, ставил перед собой цель миссионерской деятельности среди православного населения Червонной Руси и щедро одаривался польской аристократией католического вероисповедания.

Львовский бернардинский монастырь стал местом погребения Яна из Дукли — монаха, известного своей праведной жизнью, даром пророчества и исцеления, которого местное население считало святым. По-видимому, культ Яна из Дукли, жившего в XV веке и какое-то время являвшегося настоятелем монастыря в Кросно, издавна опекаемого семьей Каменецких, был с детства близок Юрию Мнишку, но к финансированию грандиозного строительства храма и монастыря во Львове, где покоились останки святого, его подвигло еще одно обстоятельство. В 1600 году сандомирский воевода серьезно заболел и находился на грани жизни и смерти.

Молитва семьи и приближенных, обращенная к Яну из Дукли, подняла пана Юрия с одра болезни. Этот драматический момент был впоследствии запечатлен в росписи костела Св. Андрея, изображавшем чудеса, свершенные этим бернардинским святым, расположенной рядом с главным алтарем храма. Под рисунком живописец начертал надпись на латинском языке: «Юрий из Великих Кончиц Мнишек, воевода сандомирский, приговоренный врачами к смерти, чудесным образом исцелен»²⁰. Каменное строительство львовского

---

²⁰ Данное изображение дошло до нас лишь в виде фотографии, хранящейся в Библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве, которую мы приводим в настоящем издании. Вероятно, оригинал был утрачен во время Второй мировой войны.

бернардинского монастыря и костела Святого апостола Андрея было поручено итальянскому архитектору Паоло Доминичи²¹, оно длилось долгих тридцать лет, и пану Мнишку не было суждено увидеть эту жемчужину львовского ренессанса во всей ее полноте и блеске. Храмово-монастырский комплекс возводился из известняка, добытого в принадлежавших сандомирскому воеводе каменоломнях в его имении Поляна; кроме того, пан Юрий позволил здесь для этих целей неограниченную вырубку леса и приказал делать наилучший кирпич²².

Закладка камня под фундамент будущего сооружения торжественно совершилась им совместно с гетманом Станиславом Жолкевским, с победой возвратившимся из молдавского похода в ноябре 1600 года при большом стечении жителей Львова. Несмотря на давнюю взаимную вражду двух могущественных сановников, в деле основания новой святыни они демонстрировали народу братскую любовь и согласие, которые, впрочем, ограничились только данным публичным мероприятием. Мнишек, когда представлялась возможность, довольно колко критиковал Жолкевского в сенате, в том числе осуждал вышеозначенный молдавский поход, высказывая опасения, что действия гетмана повлекут за собой очередное нападение турок и татар на Речь Посполитую²³. Жолкевский не оставался у сандомирского воеводы в долгу, называя его в своих «Записках о Московской войне» низким человеком, «ослепленным корыстолюбием и гордостью». Упомянем здесь, что первое богослужение, посвященное святому апостолу Андрею, было отправлено в этом еще недостроенном костеле в 1609 году, почти сразу после этого он стал местом погребения многочисленных польских офицеров, погибших во время Московского похода короля Сигизмунда III.

Другим объектом церковной благотворительности пана Юрия Мнишка, связанным с бернардинским орденом, стал монастырь в Сокале — центре управляемого им староства. Здесь находилась икона Богоматери, написанная по образу и подобию знаменитой Ченстоховской, которая уже в течение двух веков почиталась

²¹ После смерти Доминичи в 1618 г. строительство продолжали итальянский архитектор Амбросий Прихильный и немец Андреас Бемер.

²² См.: *Golichowski N. Kościół OO Bernardynów we Lwowie. Lwów, 1911. S. 9.*

²³ *Prochaska A. Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927. S. 36.*

местным населением чудотворной, однако помещалась в весьма скромном деревянном храме.

2 июля 1604 года, в праздник Благовещения, на холме на левом берегу реки Буг началось строительство бернардинского монастыря, которое наряду с Мнишком финансировали несколько окрестных аристократических семей (Замойские, Жолкевские, Даниловичи, Зебжидовские и Собеские). Монастырь с огромной колокольной костела, видной путешественникам издалика, живописно отражающейся в водах Буга, стал не только центром католицизма на этих землях, но и взял на себя оборонные функции находившегося в плачевном состоянии Сокальского замка (в нем во время опасности получала приют и защиту местная шляхта)²⁴. Нужно отметить, что византийские и русские иконы издавна почитались в Польше и были предметом преклонения и культа, примером этому служит и главная польская святыня — Ченстоховская Божья Матерь. В семье Мнишек также имелась православная икона Богородицы с младенцем, которая сыграла, по их мнению, роль спасительницы во время восстания в Москве и убийства Лжедмитрия I 27 мая 1606 года. Копия этой иконы, утраченной в результате пожара в XVIII веке, хранится в монастыре монашеского ордена камедулов в городке Бенешев, недалеко от Лодзи. Монахи рассказали автору сих строк весьма занимательную легенду об этом чудотворном образе. Во время резни поляков, приехавших на свадьбу Марины Мнишек в Москву, пан Юрий Мнишек молился перед ним о спасении себя и своей семьи и считал, что именно эта молитва сохранила ему жизнь. Отныне он не расставался с иконой и привез ее в Польшу, а перед смертью передал дочери, Урсуле Вишневецкой, которая подарила образ Божьей Матери Утешение монастырю камедулов в Кракове, откуда она и попала в 1672 году в Бенешевский монастырь. Несмотря на то что в тенденциозной исторической литературе о Смутном времени много писалось о неуважении и пренебрежении поляков к православным святыням, как видим, есть и другие

---

²⁴ Еще до недавнего времени этот памятник архитектуры, переживший все войны, можно было лицезреть с внешней стороны, поскольку доступ внутрь был закрыт по причине расположения в монастыре колонии для заключенных. В 2012 г. произошел сильный пожар, приведший к обрушению башни. Остается надеяться, что когда-нибудь последствия пожара будут устранены.

примеры, показывающие приверженцев католицизма совершенно в ином свете.

Говоря о церковной благотворительности родителей Марины Мнишек, необходимо упомянуть о Самборе, где на четыре тысячи жителей в начале XVII века было три католических монастыря, ни один из которых не миновала поддержка семьи сандомирского воеводы. С начала XV века в Самборе осели монахи-доминиканцы, построившие там свою обитель, сожженную во время нападения турок и татар на город в 1498 году. На рубеже XVI–XVII веков при поддержке пана Юрия монастырь был восстановлен и щедро одарен драгоценностями, церковной утварью, дорогими турецкими коврами и расшитой золотом материей для богослужений. В сохранившемся инвентаре этого не дошедшего до наших дней монастыря²⁵ значится, например, подаренный паном Юрием драгоценный камень в серебряной оправе, позолоченное распятие, посланное из России Мариной Мнишек, а также серебряная посуда для литургии, преподнесенная ее братом Станиславом с просьбой молиться за душу его рано умершей супруги Софии. В 1611 году пани Ядвига Мнишек основала в Самборе первый женский монастырь бригидок, купив у жителей города землю для его постройки, прилегающую к городскому костелу Св. Иоанна Крестителя²⁶, пригласив в обитель монахинь из Люблина²⁷. Мать Марины также покровительствовала нищим и страждущим: до настоящего времени в принадлежавшем ей городке Дембовец близ Ясло в Прикарпатье сохранилось здание приходской больницы для бедных, основанной ею в 1595 году. Наиболее значительным объектом благотворительности семьи сандомирского воеводы являлся самборский бернардинский монастырь, который пан Юрий выбрал в качестве родовой усыпальницы для себя и своей семьи, где в великолепно украшенной часовне Святой Анны завещал монахам «хранить его бренный прах». Это наиболее крупное строение из всех сакральных объектов Самбора практически

²⁵ Сохранилась часть стены и подвалы бывшего доминиканского монастыря, включенные в более позднее здание, где сейчас расположено самборское медицинское училище.

²⁶ Этот городской костел также был объектом благотворительности Юрия Мнишка.

²⁷ Источники сохранили сведения о 6800 злотых, потраченных супругой воеводы на данную святыню, дошедшую до нас лишь фрагментарно (сейчас в здании располагается цех самборской швейной фабрики).

не сохранилось, если не считать остатков каменной оборонительной стены со стороны речки Млыновки и фрагментов келейного корпуса, где сейчас располагается воспитательная колония. На месте монастырского храма Успения Пресвятой Девы Марии, ставшего мавзолеем семьи Марины Мнишек, в настоящее время находится здание, возведенное австрийскими властями в начале XX века для окружного суда после разрушения католической обители (ныне в нем располагается самборский филиал Дрогобычского педагогического университета).

Таким образом, самборский бернардинский монастырь играл особую роль в жизни сандомирского воеводы и пользовался его исключительным благорасположением. Основанную во второй половине XV века католическую обитель пан Юрий превратил в мощную оборонительную крепость, окруженную каменными стенами и рвом с водой, поступающей из речки Млыновки, снабдив ее оружием и порохом на случай нападения противника (монастырский арсенал располагал даже шестью пушками). Трудолюбивая братия не только сама обеспечивала себя продуктами, но в случае больших приемов в замке поставляла их к столу воеводы (в монастырском саду выращивались экзотические сорта фруктов и ягод, разводились пчелы, а в прудах — форель). Монастырь время от времени выполнял своего рода роль гостиницы для высокопоставленных гостей, в его стенах бывали и первый Дмитрий Самозванец, и московский дворянин Михаил Молчанов, одно время выдававший себя за чудесно спасшегося «царя Дмитрия». Принимая от обители вышеназванные услуги, пан Юрий Мнишек не оставался в долгу: бернардинская хроника почти каждый год фиксирует его благодеяния по отношению к монастырю. Воевода освобождает подаренные бернардинцам земли от налогов, преподносит для украшения костела дорогие гобелены с изображением истории Давида, персидские ковры, шитые золотом и жемчугом орнаты, инкрустированные драгоценными камнями серебряные кресты, оправленные в серебро самоцветы, золотые и серебряные потиры. Вернувшись в 1605 году из Московской кампании, не будучи уверенным в успешном исходе предприятия Дмитрия Самозванца, Мнишек дарит монастырю с просьбой о молитве свои российские трофеи: расшитую золотом хоругвь, взятую поляками в битве под Новгородом-Северским, и большой позолоченный реликварий с частицами Святого Креста.

Примечательно, что, даже испытывая значительные материальные трудности и имея большие долги, пан Юрий не перестает быть щедрым благотворителем бернардинского ордена. Сохранился документ от 1 января 1602 года, в котором воевода приказывает своему управляющему в Ляшках Мурованых шляхтичу Александру Залескому ежегодно «на вечные времена» давать бернардинскому монастырю «6 бочек жита, 10 бочек пшеницы, 5 бочек ячменя, бочку гороха, по две бочки ячменных и гречневых круп, 15 овец, 8 кусков солонины, 4 бочонка масла, бочку сельди, бочку вина для богослужений, 100 бочек соли на сукно для монашеского облачения»²⁸. Благотворителями самборского бернардинского монастыря были также супруга и теща Мнишка; монастырская хроника сохранила и сведения о том, что в 1609 году царица Марина прислала из России большие серебряные подсвечники для главного алтаря монастырского храма.

Самборскую обитель бернардинцев можно было также назвать своего рода духовно-просветительским центром региона: монахи были высокообразованными людьми, хорошо подготовленными к миссионерской деятельности среди некаатолического населения Червонной Руси. Особенно выделялся своими интеллектуальными способностями настоятель монастыря — отец Бенедикт Гонсеровский (прозванный на латинский манер Бенедиктом Анзеринусом), которого современники называли «Замойским ордена бернардинцев». Ровесник и личный друг пана Юрия Мнишка, он был частым гостем в его замке, ведя с хозяином длительные беседы на философские и теологические темы и, пользуясь случаем, прося той или иной помощи для своей обители. Примечательно, что наряду с несколькими монахами-бернардинцами он последовал за сandomирским воеводой и Мариной в Московское государство и разделил с ними ссылку в Ярославле, демонстрируя тем самым верность покровительствовавшей ему семье²⁹. Вообще самборские монахи и в течение последующих веков хранили память о своих вельможных благодетелях: когда-то на площади перед не существующим уже костелом бернардинцев стояла статуя Мадонны с лицом Марины

²⁸ Kuczer A. Samborszczyzna. S. 369.

²⁹ Бенедикт Анзеринус скончался в Ярославле в августе 1607 г., и Мнишек увез его останки в Польшу, где в 1609 г. они были с почестями похоронены в бернардинском монастыре во Львове. Гонсеровский завещал свою огромную библиотеку, насчитывающую 2000 томов, монастырю в Самборе, откуда она частично попала в бернардинский монастырь в Лежайске, где находится поныне.

Мнишек, по-видимому, изваянная одним из членов монастырской братии³⁰. Завершая рассказ о меценатстве пана Юрия по отношению к католическим храмам и монастырям, отметим, что он также делал немалые пожертвования для городского католического собора Св. Иоанна Крестителя и находящейся при нем приходской школы, поощряя просвещение и образованность среди местных жителей. Частым гостем в замке старосты был настоятель этого храма ксендз Франциск Помаский, неустанно проповедовавший преимущества католицизма местному православному населению и, похоже, сыгравший немалую роль в обращении «в истинную веру» таинственного гостя Мнишка — Дмитрия Самозванца³¹. Позднеготический самборский костел, построенный в 1530 году, неоднократно горевший и реконструированный, является одним из немногих немых свидетелей тех событий, как, впрочем, и расположенное рядом с ним двухэтажное здание приходской школы, которое сейчас занимает краеведческий музей «Бойковщина».

Вероятно, уже с 1588 года семья будущей московской царицы часть года проживает в Самборе — центре богатейшего староства во всем королевстве, включавшего в себя 150 деревень, 6 соляных копей и три города (кроме того, Старый Самбор и Старую Соль). Великолепная природа карпатских предгорий, окружавшие город широколиственные и хвойные леса (основу которых составляют дуб, лиственница и пихта) в сочетании с близостью к столице русского воеводства — Львову, несомненно, делали пребывание здесь довольно приятным³². Как отмечал самборский краевед А. Кучера в своем труде «Самборщина», здесь можно было дышать чистым горным воздухом, усладить взор видом голубых вод широкого Днестра и зеленью многочисленных садов. В то же время Самбор являлся средоточием польской колонизации на этих восточных землях Речи Посполитой, располагаясь на важном торговом пути в Венгрию, и его можно отнести к числу крупных центров торговли и ремесел. Население города по меркам того времени было довольно велико и, как уже было сказано, составляло около 4000 человек.

---

³⁰ См.: *Andrusiewicz A. Dzieje Dymitriad. 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania.* Warszawa, 1990. T. I.

³¹ Ксендз Франциск Помаский последовал за сандомирским воеводой и его дочерью в Москву и был убит восставшими 27 мая 1606 г., служа мессу у алтаря.

³² Название города большинство ученых связывает со словосочетанием «самі боры», т. е. «сплошной лес».

Основой его благосостояния являлось производство различных товаров (во всем королевстве большим спросом пользовались изделия самборских ткачей), варение медов и особого вкуснейшего пива. Самборские ремесленники были объединены в 11 цехов, или гильдий (кузнечный, портняжный, бондарский, ткацкий, пекарский, сапожный, слесарский, кожевенный, столярский, мясницкий и шорницкий), что свидетельствует о большом разнообразии производимой в городе продукции. Пан Юрий Мнишек всецело поощрял развитие местной промышленности, от рентабельности которой зависели и его собственные доходы: именно по его приказу здесь основали несколько цехов (в том числе пекарский в 1595 г.) и расширилась сфера деятельности мясницкого цеха.

Жители Самбора практически полностью обеспечивали себя не только промышленными изделиями, но и продовольствием: например, в городе было два больших пруда — Королевский и Львов, где в изобилии разводили благородные виды рыбы (два других пруда принадлежали вышеупомянутому бернардинскому монастырю). Однако главными статьями городских доходов была торговля солью, добытой в близлежащих копях, и виноградным вином. В Самбор привозили в огромном количестве столь любимое польской шляхтой знаменитое венгерское вино, где оно проходило через таможенную и хранилось до продажи в подвалах у местных купцов, расходясь затем по всему королевству. Городская рыночная площадь, окруженная двухэтажными мещанскими и купеческими домами и сохранившаяся до настоящего времени, была самой большой в регионе, здесь дважды в неделю (по понедельникам и четвергам) проходили торги, а пять раз в год — двухнедельные ярмарки (наряду с винами большим спросом пользовались сукно, полотно и соль). О немалых доходах Самбора свидетельствовало его благоустройство, далеко опережавшее по своему уровню многие города тогдашней Европы. Уже в XVI веке здесь действовали водопровод и канализация, чистейшая вода из горных источников подводилась по закопанным в полях дубовым трубам в особые бассейны, откуда при помощи водяного колеса и таких же труб поступала в дома, пиво- и медоварни; нечистоты же отводились по каменным акведукам и сбрасывались в речку Млыновку — небольшой приток Днестра. С середины XV века в Самборе имелась и общественная городская баня, таким образом, старинный славянский обычай был возведен здесь в ранг всеобщего исполнения.

Город, пользовавшийся магдебургским правом, управлялся членами магистрата, заседавшими в расположенной в центре торговой площади ратуше, в перестроенном виде дошедшей до нашего времени. Это двухэтажное строение с часовой башней гордо венчал воспетый польскими поэтами шпиль с гербом Самбора — пронзенным стрелой оленем. Здание самборской ратуши многократно горело и перестраивалось, но, несмотря на столь суровые перипетии, сохранило довольно интересный архитектурный элемент — ренессансный портал 1606 года, украшенный барельефными изображениями современников, в том числе и пана старосты Юрия Мнишка³³.

Жители Самбора представляли собой довольно пестрый национальный состав, это были поляки, украинцы (русины), венгры, немцы и евреи; в частности, польское население, являвшееся колонистами на этих восточных землях королевства, было переправлено сюда из Центральной Польши, а точнее Мазовецкого княжества, вошедшего в состав этой страны в 1526 году, и оно по-прежнему называло себя мазурами. Еврейское население, насчитывающее почти 2000 человек, не имело права проживать в пределах городских стен и занимало особый район между городом и замком старосты, называемый «Блих», однако пан Мнишек весьма благосклонно относился к нему и вопреки законам позволял евреям оседать внутри Самбора, что неудивительно: вечно нуждавшийся в деньгах расточительный магнат всегда таким образом мог рассчитывать на наличные деньги этих торговцев, готовых оказать отнюдь не безвозмездную услугу фактическому хозяину города. Сохранился любопытный документ, королевский мандат от 1593 года, где Сигизмунд III призывает пана Юрия не нарушать закон и не позволять евреям селиться на территории Самбора, что, по-видимому, приобрело регулярный характер³⁴.

Как уже упоминалось выше, Самбор являлся приграничным городом обширной Речи Посполитой, что априори делало его значимым оборонительным пунктом. Еще в 1530 году, при короле Сигизмунде I, он был опоясан толстой оборонительной стеной с шестью

---

³³ Документы не донесли до нас имена людей, изображенных на этом старинном портале, но, исходя из внешнего сходства, крайний правый барельеф, размещенный над колонной, по мнению автора, представляет именно Мнишка.

³⁴ *Dorflerówna A. Materiały do historii miasta Sambora. 1390–1795. Lwów, 1936. S. 86.*

башнями-воротами (Львовской, Ткацкой, Перемышльской, Водной, Епископской и Калекой), усиленной артиллерией, земляным валом и рвом с водой. В некотором отдалении от городских стен, ближе к Днестру, располагался замок управителей Самборской королевской экономией, где и проживал время от времени пан Юрий Мнишек со своей семьей, отгороженный его укреплениями как от нападения внешнего врага, так и от всегда могущего восстать местного населения. Этот замок, сыгравший благодаря амбициозному владельцу столь большую роль в российской и польской истории, к сожалению, не сохранился до наших дней, а до настоящего времени так и не было предпринято попытки его историко-архитектурной реконструкции. Сейчас о находившейся здесь некогда обширной резиденции королевских старост свидетельствуют высокие валы-бастиионы, омываемые по периметру притоком Днестра Млыновкой, и перекинутый через нее мост из колотых глыб известняка, по которому четыре века назад осуществлялся въезд. На территории замка сейчас расположены корпуса самборской районной больницы, согласно местной традиции, довольно живописно окруженные яблоневым садом.

В российской исторической литературе бытует мнение, что самборская резиденция Мнишка была деревянной, это утверждение появилось впервые в произведении Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства», однако оно не вполне соответствует истине. Когда-то замок (находившийся, кстати говоря, в некотором отдалении от описываемого нами) действительно был построен из огромной толщины дубовых бревен, но татары при очередном нападении сожгли его, а в 1530 году началось строительство новой, уже каменной крепости, которая не должна была повторить судьбу предшественника. О том, как выглядели внутренние постройки нового замка, разбросанные в виде небольшого поселения «на валах», мы можем судить по дошедшему до нас небольшому одноэтажному зданию с толстыми стенами и старинными коваными решетками на окнах, получившему условное название «охотничий домик короля Стефана Батория» (сейчас там расположена больничная часовня). И в настоящее время при ремонте коммуникаций на территории современной больницы натываются на фундаменты из известкового камня, по которым можно судить о величине и расположении старинных построек. В сущности, замок, это средоточие власти на прилежащие земли, представлял собой

ряд отдельно стоящих каменных зданий, окруженных оборонительной стеной. В нем была деревянная часовня, два дома для короля и королевы (на случай их приезда в Самбор) и многочисленные хозяйственные постройки (архив, склады, пороховой арсенал, зернохранилище, конюшни, кухня и др.), а также помещения для прислуги. Благодаря так называемым люстрациям Самборского замка, регулярно проводившимся королевскими чиновниками, мы имеем его многочисленные описания, в том числе датированные 1596 годом. Таким образом, замок предназначался для пребывания королевского старосты и его семьи, но прежде всего он являлся средоточием администрации и хозяйственной деятельности: здесь проживали многочисленные чиновники, производился суд и исполнялись наказания; словом, жизнь кипела ключом.

Четверть века управления Юрия Мнишка было, пожалуй, последним периодом расцвета данной резиденции, впоследствии пришедшей в упадок вследствие экономического кризиса в этих землях и общему закату всей Речи Посполитой. Здания, занимаемые семьей пана Юрия, являлись двухэтажными, снабженными на втором этаже длинной деревянной галереей, с которой можно было наблюдать за происходящим на замковом дворе. Почти все помещения были оборудованы каменными каминами и печами, ярко разрисованными по народным традициям Прикарпатья. Поскольку данная резиденция являлась своего рода «служебной» и периодически меняла хозяев, все внутреннее убранство: ковры, гобелены и мебель — привозилось из замка в Ляшках или какого-либо иного частного имения Мнишка, однако в люстрациях это имущество не описывалось и сейчас мы ничего не можем сказать о нем.

В центре Самборского замка располагалась деревянная часовня с небольшой башенкой, стены и потолок которой внутри также покрывала яркая разноцветная роспись, подобную которой мы и сейчас можем видеть в старинных деревянных костелах и церквях Прикарпатья; потолок храма украшала прекрасная каменная люстра, а в позолоченной алтарной части висела картина, изображающая распятие Христа. В каплице помещалось всего четыре скамьи для молящихся; видимо, она предназначалась только для семьи старосты и его избранных приближенных. На территории замка был разбит небольшой сад и цветник, в котором Марина Мнишек и ее сестры проводили время, ухаживая за растениями: умение разводить цветы и выращивать лекарственные растения считалось одной

из обязательных добродетелей польской панны, будущей матери семейства и хозяйки в доме мужа. Весь ансамбль построек самборской резиденции опоясывала каменная стена с двумя деревянными башнями на каменных фундаментах, более того, снаружи имелось второе кольцо уже полностью деревянных укреплений так называемого паркана, или забора. В нескольких сотнях метров от замка к нему подступал густой лес, существующий на том же месте и поныне, где в богатых всевозможной дичью угодьях хозяин и его гости проводили время в азартной охоте.

В Самборе и Ляшках проходила большая часть детства и юности будущей московской царицы, где ее ясновельможный батюшка был занят многими делами, начиная с защиты этих земель от неприятеля и заканчивая вопросами сельского хозяйства. Методы его управления подданными были довольно жесткими, если не сказать жестокими, и с годами эти черты характера воеводы все более усугублялись: пан Мнишек сурово наказывал за неповиновение, невзирая на общественное положение не угодившей ему особы. На притеснения со стороны управителя жители королевских староств имели право жаловаться государю, и эти документы донесли до нас немало свидетельств творимых над ними несправедливостей. Излюбленным методом приумножения собственного благосостояния у пана Юрия было измышление все новых и новых налогов и повышение старых, причем он всегда мог оправдать таковые действия самым изощренным образом. Например, наиболее обременительной обязанностью крестьян самборской экономии являлась доставка древесины (ели и бука) для работы многочисленных соляных копей, с одного лана земли в год ее необходимо было предоставить в количестве 150 возов. Выполнившие эту повинность освобождались от работ и налогов, но от пана Мнишка было не так-то легко отделаться: он требовал сверх того по 10 пчелиных ульев с лана, а установленный налог для невыполнивших таковую повинность в размере 4 злотых с лана в год невероятным образом вырос до 18 злотых. Крестьяне горных деревень Самборской экономии жаловались королю, что издавна они отдавали в качестве налога каждую двадцатую овцу или свинью из стада, староста же Мнишек обвинил их в том, что они нарочно перегоняют свои стада на пастбища в приграничную часть Венгрии и скрывают от него скот, а посему пусть еще платят налог по 46 грошей с лана, дабы покрыть недоимки по другим статьям. У крестьян насильно забирали землю

(либо принудительно выкупали ее за гроши), на которой затем учинялся панский фольварк, где заставляли работать чуть ли не семь дней в неделю, а за отказ повиноваться избивали и бросали в тюрьму. Например, в городке Дембовец близ Беча, центре управляемого Мнишком Дембовецкого староства, за отказ предмещан работать на фольварке у них отобрали весь скот, а затем пятерых из них, проявивших наибольшее сопротивление, бросили в тюрьму Саноцкого замка. В 1584 году пан Юрий насильно отобрал землю даже у бургомистра Дембовца, дабы расширить свой фольварк, а когда два члена городского магистрата отправились в трибунальский суд в Люблине, чтобы найти там управу на своего господина, то были схвачены по дороге людьми Мнишка и брошены в тюрьму, и, исходя из документальных свидетельств, подобные случаи повторялись очень часто³⁵. В 1603 и 1604 годах дембовецкие мещане жаловались королю на то, что пан староста вновь силой присвоил себе их землю и лес, приказав выкопать на этом месте пруд для разведения рыбы, а за прогон скота к реке по территории фольварка требовал плату. В желании увеличить собственные доходы пан Юрий не гнушался присоединить к фольварку поле, принадлежавшее дембовецкому костелу, засеяв его пшеницей. Самборские мещане жаловались Сигизмунду III в 1593 году, что Мнишек облагает их все новыми налогами, нарушает их права и запрещает бесплатную вырубку деревьев в королевских лесах, что издавна разрешалось им согласно королевским привилегиям³⁶. Вообще при сборе налогов представители администрации старосты не стеснялись не только в действиях, но и в выражениях даже по отношению к городскому магистрату. Например, в том же Дембовеце налоги в 1602 году от имени Мнишка собирал некий Петр Глуховский, обратившийся к бургомистру и членам совета со следующим предостережением: «Гнусные негодяи, собаки, изменники, вы недостойны того, чтобы занимать свои места, будете платить такие налоги, какие я захочу»³⁷.

В условиях слабости центральной королевской власти произвол старост, стремившихся максимально использовать свои должности в целях личного обогащения, вышеприведенные случаи можно назвать скорее обыденными и заурядными проявлениями тогдаш-

---

³⁵ *Sarna Wł. Opis...* S. 382.

³⁶ *Dorflerówna A. Materiały...* S. 86.

³⁷ *Sarna Wł. Opis...* S. 386.

ней действительности. «Больше получать, чтобы как можно больше тратить» — таков был негласный девиз и образ жизни шляхты в Речи Посполитой, начиная с самого бедного представителя этого сословия и заканчивая магнатом, жадность к деньгам объяснялась не столько накоплением богатства, а удовлетворением тщеславия и амбиций. Но как же было получить средства, дабы показать соседям весь блеск своего рода и положения? Продажа сельскохозяйственной продукции и соли, различного рода правые и неправые налоги и подношения от заинтересованных лиц (будь то от дворянина за предоставляемую протекцию, львовского купца за позволение продавать свои товары или же от участника судебного процесса, в чью пользу староста выносил решение) — таковы были источники доходов пана Юрия Мнишка, составлявшие около 300 000 злотых в год. Самолюбивый сандомирский воевода не желал уступать в блеске своего двора самым богатым представителям элиты Речи Посполитой (например, доходы князя Василия Острожского составляли 1 200 000 злотых в год) и с течением времени оказался в очень затруднительном положении.

Расходы польского сенатора столь высокого положения, которое занимал Мнишек, также были очень велики и во многих случаях просто неизбежны. Жизнь магната была у всех на виду и порой являлась предметом самых подробных обсуждений в обществе; показать свою скупость, экономность означало вызвать насмешки и покрыть себя позором. «Задолжай, но угости» — гласила старинная польская пословица, и польские паны соревновались друг перед другом славянской щедростью, хлебосольством и широким гостеприимством, устраивая многодневные приемы с сотнями знакомых и незнакомых гостей в своих резиденциях, где стремились превзойти соседей в изысканности и дороговизне стола, пышности одежды и убранства. Это было выражением господствовавшей тогда в польском обществе идеологии сарматизма, где главными ценностями являлись свобода, отвага, роскошь и изобилие во всем. Расточительность польского дворянства бросалась в глаза западноевропейским путешественникам, посещавшим Речь Посполитую, и порой казалась им совершенно лишеной смысла, как скажет впоследствии прусский король Фридрих II, поляки «выбрасывают червонцы за окно». Кроме огромных затрат на банкеты польский сенатор тратил не меньшие средства на выезды, так как везде должен был появляться в окружении многочисленной свиты из дворян, которым

он оказывал покровительство, собственных воинских отрядов и слуг, уподобляясь фактически удельному государю в своих землях. Двор магната, как и его войско, достигали нескольких сотен человек, каждому из которых нужно было платить, а также кормить и богато одевать (по одежде слуг нередко судили о достатке их хозяина), и чем многочисленнее была свита, сопровождавшая знатную особу, тем больший вес и почтение в глазах окружающих она приобретала, и порой знатные паны сокрушались о том, что вынуждены платить слугам только за то, что те едят и пьют за их же счет, не видя в них больше никакого прока³⁸. Крупные землевладельцы содержали десятки слуг на конюшнях, кухне и в личных покоях (особую популярность тогда приобрели покупаемые за огромные деньги негры — «арапы»), затрудняли множество людей, обслуживающих охоту для хозяина и его гостей, кроме того, выписывали из-за границы дорогостоящих профессионалов. Известно, например, что при дворе Мнишка служил французский повар, делавший модные в то время диговинные паштеты, а сын магната Станислав пользовался услугами итальянского шута Антонио Риати и содержал капеллу из двадцати музыкантов, услаждавшую слух хозяев во время трапез и торжеств³⁹, которая обходилась не менее чем в несколько тысяч злотых в год. Прибавить к этому услуги секретарей (страдавший подагрой и хирагрой пан Юрий не утруждал себя написанием писем и, как правило, только подписывал их), докторов, управляющих имениями шляхтичей, содержание на приличествующем уровне многочисленных членов семьи — и расходы магната приобретали совершенно фантастические масштабы, кои неспособны были покрыть доходы обширных и богатых земель. Супруга воеводы пани Ядвига Мнишек согласно своему статусу должна была быть окружена собственным штатом фрейлин, прислуги и охраны, дочери нуждались в немалом приданом, а сыновья — в дорогостоящем образовании в лучших университетах Европы, чему пан Юрий придавал очень большое значение. Что касается вопросов управле-

---

³⁸ Сохранился любопытный документ — жалоба королевских крестьян на старосту Юрия Мнишка о том, что он насильно забирает их из деревень, приказывает одевать в дорогое платье и заставляет сопровождать его в пышных выездах.

³⁹ Наверняка при дворе Мнишков звучали прежде всего произведения знаменитейшего в то время в Польше сандомирского композитора Николая Гомулки (1535 — ок. 1609), а именно его гениальные «Мелодии на польский Псалтырь».

ния многими сотнями деревень и местечек, разбросанных на территории Червонной Руси, доходы от которых наряду с соляными копиями составляли основу благосостояния семьи, то здесь Мнишек поступал традиционным для крупных землевладельцев способом: предоставлял их в аренду на условиях уплаты ему определенной денежной суммы. Совершенно невозможно было самому вникнуть в подробности положения дел на всех этих многочисленных землях, и, видимо, пан Юрий не очень к этому стремился, полагаясь на помощников, например, для управления Меденицким и Самборским староствами он пользовался услугами шляхтича Петра Слостовского, а Львовского — некоего «благородного пана Островского». Не исключено, что многие злоупотребления наместников совершались без ведома самого пана, однако и воевода требовал со своих подчиненных увеличения сбора податей, что те также вынуждены были исполнять. Порой в ответ на жалобы, которые подавали жители староств королю, Мнишек находил весьма удобный выход из ситуации и ставил все это в вину управляющим и арендаторам, якобы действовавшим без его ведома. Так произошло, когда в королевский суд обратились мещане из Глинянского староства (входившего в состав генерального Львовского староства) с жалобой, что пан Юрий присвоил себе налоги, которые они платили на содержание мостов. В ответ Мнишек отговорился тем, что ничего не знал о злоупотреблениях своего наместника Островского, и предложил управляющему из собственного кармана возместить ущерб подданным его величества. В управлении русскими соляными копиями, своего рода «золотыми россыпями» Прикарпатья, также проявлялась определенная нерадивость — сохранилось немало документов, где пана Юрия обвиняют в задержке поставок соли на территорию Польской Короны, что являлось его прямой и главной обязанностью в качестве администратора.

Как видим, сандомирский воевода Мнишек не обладал «финансовым гением» своего отца — трудолюбивого чеха-протестанта, скрупулезно приумножавшего личное состояние на новой родине и обеспечившего безбедное будущее для всей семьи. Несмотря на то что его талант политика и придворного способствовал получению им столь высоких должностей, благодаря чему можно было абсолютно не заботиться о завтрашнем дне и спокойно и размеренно наслаждаться жизнью, совершенное нежелание пана воеводы считаться с реальными финансовыми возможностями, которые, увы,

не были безграничны, привели к большим затруднениям, которые начали проявляться уже во второй половине 1590-х годов. Из-за финансовых проблем Мнишек не мог выплатить кварту королю, а это грозило по меньшей мере лишением данных ему в управление староств, секвестром личного имущества и полным разорением, необходимо было найти какой-либо выход из создавшегося положения, и магнат пытался решить свои неурядицы довольно традиционным путем. Он закладывал одно за другим личные имения, выкупая предыдущие за счет средств, полученных от очередного заклада, и даже обращался за помощью к блиставшему в то время при королевском дворе алхимику Михаилу Сендзивою. Сам Сигизмунд Ваза, увлекавшийся алхимическими опытами и мечтавший получить золото из чего бы то ни было, покровительствовал некоему ученому Сендзивою, который на глазах у монарха произвел опыт по превращению в золото серебряного талера императора Рудольфа II (очевидно, ловкий мошенник просто заранее посеребрил золотую монету). Этот эпизод был в последующем довольно популярен в польской истории, он отражен на картине знаменитого художника Яна Матейки, где рядом с Сигизмундом изображен сандомирский воевода Мнишек. Пан Юрий действительно заинтересовался деятельностью алхимика и даже дал на его опыты немалую сумму денег — 6000 злотых, в надежде стать обладателем столь заманчивого секрета, однако, как и следовало ожидать, его чаяния не оправдались⁴⁰. Выгодные браки детей стали очередным способом, к которому прибегнул пан воевода, спасаясь от финансового краха, и здесь пришло время рассказать о братьях и сестрах царицы Марины.

---

⁴⁰ Wiszniewski M. Bakona metoda. Tłumaczenia natury. Warszawa, 1876. S. 188.

ГЛАВА IV

Дети Юрия Мнишка и Ядвиги Тарло. Их воспитание, образование и супружество. Ян Стефан Мнишек. Анна Мнишек. Кристина Тереза Мнишек. Урсула Мнишек. Станислав Бонифаций Мнишек. Планы на замужество Марины. Семья Мнишек накануне появления Самозванца

У супругов Мнишек было многочисленное потомство. В браке пана Юрия и пани Ядвиги появилось на свет двенадцать детей: шесть сыновей и шесть дочерей, до совершеннолетия дожило десять из них (дочь Магдалена умерла ребенком в 1597 г., а пятилетний сын Флориан — в 1599 г.). Как уже отмечалось, сандомирский воевода придавал большое значение воспитанию и образованию своих детей, которые должны были соответствовать их высокому положению в обществе и знатности рода; причем от представительниц женской части семьи порой требовали мужского умения ездить верхом и метко стрелять (они даже участвовали в состязаниях по стрельбе), что становилось особенно значимо в условиях беспокойного Прикарпатья, где и слабый пол становился сильным во время неожиданного нападения противника. Современник Марины Мнишек Станислав Кобержицкий писал о ней, что, когда было необходимо, «она вела себя как солдат», и это следует приписать особенностям ее воспитания в родительском доме. Пан Мнишек по-своему видел счастье своих детей и довольно деспотично распоряжался их судьбой как своей собственностью, невзирая на личные пристрастия отпрысков, считая, что интересы семьи и рода в целом должны превалировать над какими бы то ни было чувствами. Испытывая немалые материальные затруднения, он устроил браки старших сыновей с богатыми вдовами, значительно превосходившими их по возрасту.

Первенец воеводы Ян Стефан вынужден был вступить в брак с немолодой венгерской аристократкой, графиней-протестанткой Ефросиной Дочи де Нагилуче, в прямом смысле годившейся ему в матери.

Ян Мнишек — статный и симпатичный юноша, которому не было и двадцати лет, незадолго до этого возвратился в родительский дом после учебы в Падуанском университете в Италии, получил в подарок от отца Саноцкое староство и, похоже, даже в мыслях не допускал послушаться воли грозного родителя. Ефросина Дочи уже дважды побывала замужем, наследуя богатейшее состояние от покойных супругов: судьи венгерского королевства графа Юрия Другета и генералиссимуса венгерской армии Кристофа Тефенбаха, теперь же ее прельстили молодость и красота знатного польского дворянина, и она готова была принести на алтарь этой страсти все свое имущество. В свою очередь сын воеводы вел себя как капризный и раздражительный ребенок, требовал у жены деньги и драгоценности, а его запутавшийся в долгах отец чересчур часто прибегал к кошельку своей новоиспеченной невестки. Финансовое положение пана Юрия в это время было довольно незавидно: он задолжал крупную сумму выплаты кварты королю и вынужден был заложить часть принадлежавшей ему Лящейской ординации — местечко Хиров — своему соседу, перемышльскому старосте и коронному референдария Яну Дрогоевскому. Выгодная женитьба сына на этот раз спасла его: под заклад замка и имения в Заложцах пан воевода получил от невестки 40 000 злотых, которые тут же ушли на выплату вышеназванных долгов. Щедрая венгерка покрыла и долг Мнишка в 5000 злотых перед землевладельцем Балцером Цетнером, иначе данное воеводой под обеспечение долга имение вот-вот должно было отойти к займодавцу.

Похоже, аппетиты новых родственников стали столь велики, что это вызвало беспокойство сына графини Юрия Другета, бывшего всего лишь на три года младше своего новоиспеченного отчима и вследствие его расточительности опасавшегося вообще остаться без наследства. Другет начал распространять в польском обществе слухи о том, что Ян Мнишек выкрал у его матери все долговые расписки, драгоценности и наличные деньги в размере 20 000 злотых, а также «с различными угрозами» забрал печати графини и его самого¹. По словам Другета, попытка матери прибегнуть к защите воеводы Мнишка ни к чему не привела: хотя пан Юрий и не отрицал, что взял у невестки деньги под заклад замка в Заложцах, обо всем же осталь-

---

¹ Łoziński Wł. Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku. Lwów, 1904. T. 2. S. 300.

ном предпочитал умалчивать. Действительно ли семья Мнишек вела себя столь бесцеремонно, или же граф Другет (в будущем показавший себя довольно коварным и бесчестным человеком) пытался представить дело так, что его мать отнюдь не добровольно выполняла капризы избалованного молодого мужа, и, следовательно, отчим завладел ее деньгами незаконно, при отсутствии достаточного количества источников остается загадкой. Одно представляется нам очевидным: неравный брак сделал первенца воеводы несчастным и расшатал психику молодого человека настолько, что даже на его последнем парадном портрете придворный живописец не смог скрыть физической боли и душевного смятения юноши². Описывая облик воеводича, львовские искусствоведы отмечают «нервное лицо молодого человека с напряженно-болезненным выражением, в котором прочитываются скрытая озлобленность и нетерпимость»³, представляющее резкий контраст с его статной фигурой и отражающее глубокие переживания чувствительной натуры.

В 1602 году в семье сандомирского воеводы происходит трагедия: 14 августа, во время очередного «морового поветрия», его двадцатидвухлетний первенец Ян умирает во Львове, в третий раз оставив вдовой безутешную венгерскую графиню. Столица Червонной Руси становится свидетелем его пышных похорон в часовне иезуитов львовского кафедрального собора, сопровождавшихся щедрым пожертвованием старшего Мнишка, вероятно, испытывавшего некоторое чувство вины перед сыном, для этого монашеского ордена в 10 000 злотых (предназначенных на постройку в городе иезуитского коллегиума).

Следующим ребенком, на которого была возложена миссия спасения семьи от разорения, становится третья дочь супругов Мнишек Урсула.

Судьбы двух ее старших сестер к тому времени были уже решены: первая из них, Анна, хрупкая и впечатлительная девушка, в которую, по выражению придворного поэта Я. Забчица, «влюбились бы и античные боги»⁴, в 1600 году была выдана за представителя

² Этот портрет хранится в замке Олеско, филиале Львовской картинной галереи. Помимо него облик Яна Стефана Мнишка запечатлен на портрете, хранящемся в Национальной библиотеке в Варшаве, который приведен в настоящей книге.

³ Цит. по: *Шамардина Н. В.* Федор Сенькович — художник переходной эпохи. Калининград, 2008. С. 186.

⁴ *Zabczyz J.* Poseł moskiewski. Kraków, 1605. S. 11.

знатного магнатского рода Малой Польши Петра Шишковского, однако же не продвинувшегося в своей карьере далее незначительной сенаторской должности войницкого кастеляна⁵. Вторая, Кристина Тереза, по воле родителей стала монахиней ордена босых кармелиток, приняв при постриге имя Деодиката (посвящение одной из дочерей Богу было в обычае польской шляхты, особа духовного звания замаливала семейные грехи и просила небесного заступничества за своих родных). Партия для третьей дочери, панны Урсулы, была тщательно продумана и мастерски реализована паном Юрием, обратившим свои взоры в сторону старинных и богатых православных семейств Червонной Руси (происходивших, как и московская правящая династия, от легендарного Рюрика), которые порой в избытке имели деньги, но не играли никакой роли в политической жизни Речи Посполитой. Сорокалетний очень богатый землевладелец, князь Константин Кобытун Вишневецкий, недавно овдовевший, страстно мечтал о быстрее карьере и ради этого перешел из православия в католичество, однако, несмотря на сей шаг, оставался пока чужим при королевском дворе. Брак князя Константина и юной Урсулы Мнишек был выгоден обеим сторонам: Вишневецкий получал доступ к связям тестя при польском дворе, а пан Юрий — к деньгам щедрого зятя. Сандомирского воеводу весьма тяготило то, что замок Заложцы, родовая твердыня Каменецких, находился в руках кредитора Другета, при помощи зятя Мнишку удалось его выкупить, после чего он отдал замок дочери в качестве приданого.

Пышное бракосочетание Константина Вишневецкого и Урсулы Мнишек состоялось 19 января 1603 года в Самборе, в церкви Успения Девы Марии при бернардинском монастыре, в честь этого события была даже издана брошюра, разошедшаяся по всему королевству, где придворный панегирист сандомирского воеводы Симон Вендзицкий в стихах прославлял молодоженов. Некоторые польские историки, например А. Андрусевич, полагают, что на этом семейном торжестве в Самборе в составе свиты Вишневецкого впервые появился Дмитрий Самозванец, а в предприимчивом уме

---

⁵ Источники сохранили сведения о весьма теплых сестринских чувствах, которые и после замужества Анна Мнишек продолжала питать к младшей сестре Марине. Она присутствовала на ее заочном обручении в Кракове с Лжедмитрием I, затем провожала Марину, сидя с ней в одной карете, при выезде из Кракова, долго и безутешно рыдая при расставании.

пана Юрия начала зреть мысль о возможной поддержке этого претендента на московский трон⁶. После свадьбы супруги Вишневецкие поселяются в Заложцах, где князь Константин содержит пышный двор, достойный этой великолепной резиденции, собирая на пиры и охоты многочисленную окрестную шляхту. Мощный Заложецкий замок был построен с полным знанием дела дедом Юрия Мнишка, гетманом и подольским воеводой Мартином Каменецким в 1516 году, на заболоченном и оттого неприступном для врага берегу реки Серет и являлся одним из лучших в этой части Подолья. И сейчас на месте когда-то великолепной крепости сохранились остатки стен и обширных подвальных помещений с высокими сводами, свидетельствующие о мощи и размахе всей огромной резиденции, построенной из кирпича и природного камня. Четырехугольный замок, укрепленный по бокам трехэтажными башнями с бойницами, одна из которых была увенчана часами и куполом, содержал в себе все для комфортной и безопасной жизни: великолепные просторные залы для хозяев на втором этаже, снабженные печами, украшенными белым кафелем; библиотеку, часовню, арсенал, кладовые, конюшни, каретные, кухни и др.

Эта резиденция была самым ценным частным имением Мнишка, и то, что ее получила именно панна Урсула, свидетельствует, несомненно, об особенно глубоких к ней чувствах со стороны отца. Пан Юрий часто посещал ее и зятя в Заложцах, порой в особенно сложных для него самых обстоятельствах, как, например, в феврале 1605 года, возвращаясь после неудачного поворота дел с самозванцем из Северной земли, будучи болен и морально подавлен, воевода останавливается у дочери, где она и ее супруг становятся первыми свидетелями его рассказа о сложившейся ситуации.

До наших дней дошло два портрета, запечатлевших княгиню Вишневецкую уже немолодой грузной дамой в чрезвычайно дорогих туалетах и платьях, внешне очень похожей на свою бабушку Барбару Мнишек (один из них приводится в настоящей книге, второй же опубликован в упомянутом труде Р. Афтаназы). Судя по всему, ее «брак по расчету» в конечном итоге оказался удачным: князь Константин Вишневецкий был почтительным зятем и заботливым мужем, за двадцать лет брака у супругов родилось трое детей: первенец Юрий, получивший имя в честь деда, второй сын Александр и дочь

---

⁶ Andrusiewicz A. Dymitr Samozwaniec i Maryna Mnischówna. Warszawa, 2009.

Теофилия. В этой семье воспитывалось также трое детей князя от первого брака с Анной Захоровской (сын Януш и две дочери — Марианна и Елена), но самым знаменитым жителем Заложецкого замка стал осиротевший дальний родственник — сын овручского старосты Михаила Вишневецкого Иеремия, вошедший в польскую историю как человек, непримиримо боровшийся с восставшими казаками во главе с Богданом Хмельницким. Он рос здесь вместе со своими троюродными братьями — Юрием и Александром, бывшими почти его ровесниками, и во многом под влиянием достаточно жесткого католического воспитания, царившего в семье благодаря княгине Урсуле, а также учебе в львовском иезуитском коллегиуме впоследствии перешел из православия в католичество⁷. В довершение довольно скудных сведений о старшей сестре царицы Марины можно сказать, что она скончалась в 1622 году и была похоронена в находящемся рядом с замком костеле, в 1639 году рядом с матерью упокоился сын Александр, а в 1641 году здесь же поместили останки пережившего ее на двадцать лет супруга Константина⁸. Костел этот — родовая усыпальница данной ветви князей Вишневецких, являющийся ровесником замка, многократно разрушался (например, при нападении казаков Хмельницкого и во время Первой мировой войны), но до наших дней дошли впечатляющие своей двухметровой толщиной каменные стены и в нескольких местах сохранившиеся величественные остроконечные готические перекрытия, все более погружающиеся в заросли деревьев, кустарников и густой травы.

В 1603 году состоялась свадьба второго сына Юрия Мнишка, Станислава Бонифация: согласно отцовскому выбору он женился на православной княжне Софии Головчинской, вдове богатого князя Григория Сангушко-Коширского, брацлавского кастеляна⁹.

Станислав вместе со старшим братом Яном в 1592 году был отправлен на учебу в Падуанский университет, где молодые люди с увлечением слушали лекции самого Галилео Галилея, но по возвращении на родину вели довольно праздный образ жизни, пока не понадобились отцу для реализации его планов. После смерти Яна Мнишка в 1602 году Станислав получил в управление Саноцкое

---

⁷ См.: Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki (1612–1651). Warszawa, 1933.

⁸ Dayczak W. Kościół parafjalny w Złożcach // Słowo Polskie. Rok. 27. 1922. N 152–154.

⁹ Этот магнат был активнейшим защитником православия на Волыни и в Червонной Руси после принятия Брестской унии.

староство, причем пан Юрий передал сыну только его часть, оставив за собой богатый город Кросно и прилегающие земли, выделив их в отдельное Кросненское староство. Приобретя благодаря родителю официальный статус в иерархии чинов Речи Посполитой, Станислав должен был выполнить отцовский приказ: жениться на недавно овдовевшей Софии Головчинской-Сангушко.

Князья Головчинские происходили от линии новгород-северских Рюриковичей, их предком был Матвей Никитич Головчинский, прибывший в Польшу в свите московской княжны Елены Ивановны, дочери Ивана III, вышедшей замуж за короля Александра Ягеллончика, на протяжении более ста лет его потомки сохраняли часть отеческих традиций и продолжали придерживаться православия. Княгиня София унаследовала от первого мужа большое состояние и земли на Волини, являвшиеся предметом зависти ее ближних и дальних родственников, и, видимо, стремилась поскорее обрести нового супруга, дабы обезопасить от различного рода посягательств себя и троих детей. Станислав был моложе Софии примерно на десять лет, но тридцатилетняя княгиня находилась еще в полном расцвете сил и чисто русской красоты: сохранилось три ее портрета, один из которых находится в Национальной библиотеке в Варшаве, второй — в замке Олеско, филиале Львовской картинной галереи, третий же — кисти неизвестного голландского художника — в музее города Тарнов на юге Польши. Портрет из Олеско, выполненный цветными красками, представляет румяную рыжеволосую женщину с добрым открытым лицом и наивными голубыми глазами.

Станислав Мнишек, веселый и легкомысленный толстяк, любящий роскошь, шумные приемы и толпы приятелей, был подобно отцу расточителен и вечно нуждался в деньгах, однако он не унаследовал ни отцовского ума, ни предприимчивости, ни сильной воли. Брак с княгиней Софией продлился всего два года (с 1603 по 1605 г.), супруги проживали в Саноцком замке, куда весной 1604 года по пути из Кракова в Самбор к ним наведалься сам «пан отец» Юрий Мнишек вместе с самозванным московским царевичем, дабы показать претендента местной шляхте и привлечь ее к походу на Москву. София, похоже, особенно расположила к себе Лжедмитрия, видевшего в ней почти соотечественницу — по крайней мере по вступлении своем в Москву он особым письмом пригласил княгиню на собственную коронацию. Возможно, в свадебном кортеже Марины в русскую

столицу Станислав Мнишек отправился бы с супругой, однако она скончалась в 1605 году, перед смертью приняв католическую веру под влиянием семьи мужа и самборских монахов-бернардинцев, и была погребена в часовне-мавзолее Святой Анны при их монастыре. Княгиня София поручила заботе и опеке супруга троих детей от первого брака: сына Адама и дочерей Анну и Александру, которые после смерти матери проживали в ее имении Полонка на Волыни. Однако несчастные сироты, а главное, доходы с принадлежавших им земель стали яблоком раздора между опекунами, а отчим, поглощенный делами самозванца, безответственно отнесся к их безопасности: в январе 1606 года дети были похищены из имения дальним родственником, троцким воеводой Александром Ходкевичем, забравшим также их движимое имущество и документы на право владения. Отныне Ходкевич был полноправным хозяином доходов с принадлежавших сиротам земель и не обращал никакого внимания на протесты со стороны Станислава Мнишка. Сандомирский воевода не вмешивался в дела сына, и тот ничего не мог поделать с воинственным Ходкевичем: пасынок и падчерицы оставались у него вплоть до совершеннолетия. Не имея собственных детей, пан Станислав искренне пытался им помочь, поддерживая затем весьма дружеские отношения с Адамом Сангушко.

Устроив браки сына и дочери с потомками Рюриковичей, воевода Мнишек весьма дальновидно просчитал партию для следующего ребенка, четвертой дочери — Марины (Марии Анны), решив соединить ее судьбу с молодым князем Юрием Корибутом Збаражским¹⁰. В глазах польского общества она уже считалась невестой князя и без пяти минут его женой. Свершись сей брак, и мир никогда не увидел бы московской царицы-польки и не стал бы свидетелем волшебного возвышения и трагического конца «сандомирской воеводянки», а Марина в какой-то мере повторила бы судьбу своей матери — супруги эксцентричного и вечно занятого политикой и карьерой сенатора, рожавшей ему детей и хранившей семейный очаг.

Князья Збаражские были дальними родственниками Вишневецких, они тоже происходили от Рюриковичей и владели обширными землями на Волыни и Подолье, центром которых являлся укрепленный Збаражский замок. Так же, как и старшие братья Марины,

---

¹⁰ См.: *Czerska D. Dymitr Samozwaniec*. Wrocław, 2004.

Ян и Станислав, Юрий Збаражский учился в Падуанском университете, затем принял католицизм (до этого являясь кальвинистом), а после возвращения на родину, получив Пинское староство в Брестском воеводстве, стал горячим сторонником короля Сигизмунда Вазы, в числе придворных сопровождал монарха в его поездке в Швецию в 1598 году. По всей вероятности, брак юной шестнадцатилетней панны Марины Мнишек и тридцатилетнего князя Збаражского намечался на 1603 или 1604 год, а решающими доводами в пользу жениха со стороны отца невесты было в равной мере его богатство и близость к королю.

Но с появлением в Самборе таинственного московского беглеца, выдающего себя за сына Ивана Грозного Дмитрия, планы Юрия Мнишка относительно будущего дочери меняются: стать тестем будущего московского царя представляется ему несравнимо более заманчивым, нежели породниться хотя и со знатным и богатым, но всего лишь княжеским родом. Однако, не зная наверняка об исходе дела Лжедмитрия, сандомирский воевода заключает с ним тайный брачный контракт, в котором потенциальному зятю дается только год на достижение «родительского престола», по истечении которого Марина вольна была разорвать помолвку «или ждать еще год». Вероятно, пан Мнишек не желал терять князя Збаражского в качестве «запасного варианта», и в случае провала предприятия самозванца, несомненно, выдал бы дочь за него (в фамильной картинной галерее даже успел появиться его портрет). Сложно сказать, испытывала ли Марина какие-либо чувства к обоим женихам и отдавала ли в душе предпочтение кому-либо из них, но брак с князем Юрием, молодым и недурным собой аристократом, преуспевшим в политике и на поле битвы (он участвовал, например, в молдавском походе Яна Замойского в 1595 году, посадив на молдавский трон господаря Иеремию Могилу), был залогом спокойного и безбедного существования для его супруги. Кроме владений в провинции Збаражский являлся хозяином великолепного дворца в центре Кракова¹¹, расположенного недалеко от краковского дома Юрия Мнишка¹², он сохранился в несколько перестроенном виде до наших дней, завораживая посетителей ренессансной аркадой внутреннего дворика, созданной по проекту

¹¹ Дворец Збаражских располагается по адресу: Главный Рынок, 20.

¹² Краковский дом Юрия Мнишка располагается по адресу: Главный Рынок, 9.

фламандского архитектора Генриха ван Пеене. К концу жизни князь достиг наивысшей светской должности в польском сенате — стал краковским кастеляном, о его могуществе и авторитете свидетельствует монументальная часовня-мавзолей при доминиканском костеле в Кракове, отделанная черным и белым мрамором, где память о нем увековечена в надгробии, украшенном княжеской митрой. Примечательно, что после разрыва помолвки с Мариной Мнишек Юрий Збаражский так и не женился, умер бездетным в 1631 году и на нем пресекался его аристократический род, а имущество и земли наследовала родственная ветвь князей Вишневецких. Вполне возможно, что это сознательное одиночество князя было вызвано душевной раной, нанесенной ему семьей Мнишек, отказавшей в руке Марины.

Итак, 1603 год, ознаменовавшийся появлением в Самборе претендента на московский престол, был отмечен двумя удачными браками в большой семье Мнишек, которые вполне могли помочь спасти положение и репутацию отягощенного долгами пана Юрия. Кварту, задолженную королю, сандомирский воевода пытался покрыть продажей части лично ему принадлежавших земель (что позволило получить наличными 28 000 злотых), однако это не погасило всей суммы. Под угрозой утраты весьма доходной Самборской экономии необходимо было прибегнуть к новым займам, которые Мнишку могли обеспечить прежде всего новые состоятельные родственники.

Еще одним способом выпутаться из долгов стала выдача векселей на определенное количество соли, добываемой на относящихся к Лящейской ординации соляных копях, в соли нуждались все, и в рамках того времени ее можно было сравнить со своего рода «универсальным платежным средством». Для доставки соли заказчикам в центральные районы королевства у Мнишка даже имелся собственный флот на реке Сан, состоявший из четырнадцати кораблей, каждый из них мог перевозить до 500 бочек, или 70 тонн, этого ценного сырья, погрузка которого начиналась близ Саноцкого замка, а затем оно следовало мимо Сандомира в Варшаву, Торунь и Гданьск¹³, поэтому финансовое положение пана Юрия нельзя назвать «ужа-

---

¹³ Например, в бумагах польского аристократа Збигнева Оссолинского, преемника Мнишка в должности сандомирского воеводы, сохранился вексель от пана Юрия на 10 бочек соли, датированный 1596 годом.

сающим», «катастрофическим» или «безвыходным», по крайней мере не настолько, чтобы пойти на смертельно опасную авантюру с мнимым московским царевичем.

Слава, возвышение семьи до положения ближайших родственников московских государей и еще большее материальное благосостояние — причины, которые повлекли гордого, властного и дерзкого аристократа на столь смелое предприятие. Современник событий, епископ Станислав Любенский, называл Мнишка человеком «большого ума и силы духа», «неустрасимым в бою», «искусным и превосходным вождем», и, судя по всему, такое суждение, высказанное через много лет после смерти воеводы, соответствует истине¹⁴. К тому же слава деда, гетмана Мартина Каменецкого, на примере которого пан Юрий был с детства воспитан, не давала ему покоя на протяжении всей жизни, и он мечтал о громких военных подвигах и лаврах полководца. Судьба предоставила Мнишку этот шанс, казалось, уже тогда, когда у него не оставалось сил и здоровья им воспользоваться. Пятидесятишестилетний вельможа страдал неимоверной тучностью, приступами подагры, постоянно жаловался на недомогания и боли в костях, а находившиеся в его распоряжении врачи не могли ничем облегчить состояние пациента. Пан Юрий уже с трудом, со специальной скамейки при помощи слуг мог сесть в седло, но был полон решимости доказать себе самому, семье и окружению свою способность на рыцарские подвиги.

---

¹⁴ *Lubeński S. Piśma pośmertne Stanisława Lubeńskiego biskupa, podkanclerzego koronnego. Petersburg i Mohilew, 1855. S. 52.*

ГЛАВА V

Появление Самозванца в Самборе. Причины, побудившие Юрия Мнишка поддержать его. Письма Мнишка Замойскому, «шесть причин» незамедлительной поддержки им Лжедмитрия. Морально-этическая сторона признания самозванца царевичем. Характеристика договоров Лжедмитрия I с Мнишкой. Взаимоотношения воеводы с самозванцем. Проект объединения России и Польши и включения России в церковную унию. Замыслы детронизации Сигизмунда Вазы. Отъезд Марины со свитой в Москву. Оценка пребывания поляков в русской столице. Культурный конфликт русских и поляков

Историческая реконструкция появления самозванца в Самборе и его знакомства с семьей воеводы в настоящее время не может быть проведена в деталях по причине отсутствия источников, за исключением свидетельства самого воеводы Мнишка, которое, мягко говоря, не заслуживает особого доверия. Когда речь заходила о приезде Лжедмитрия в Самбор, будь то на допросе пана Юрия московскими боярами после убийства самозванного царя или же в письмах сандомирского воеводы к польским сенаторам с просьбой поддержать его протее, — везде Мнишек повторяет одно и то же: встреча с самозванцем была случайной и произошла она именно тогда, когда князь Константин Вишневецкий, проездом через Самбор, направлялся с ним в Краков на прием к королю, куда якобы также невзначай ехал и Мнишек по своим особым делам, совершенно не касавшимся претендента на московский трон. С другой стороны, понятно, что приезд самозванца в Краков тщательно готовился князьями Вишневецкими именно через связи сандомирского воеводы при королевском дворе, поскольку собственных они при всем своем богатстве, увы, не имели. Поэтому совершенно очевидно, что пан Юрий, подробно изучив и взвесив все «за» и «против», склонился на сторону Лжедмитрия отнюдь не «случайно», но под влиянием князей Вишневецких и тех друзей само-

званца, которые неустанно слали ему из Москвы письма, где уверяли, каким долгожданным является для них приход «законного государя»¹. Однако полностью брать на себя ответственность за такое рискованное начинание Мнишек не хотел, он приложил максимум усилий, чтобы извлечь как можно большую выгоду от дела лично для себя, но исполнение его пытался переложить на короля, коронную армию и частные военные отряды добровольцев «из рыцарства».

Пану Юрию хватило дипломатического искусства склонить на сторону лжецаревича Сигизмунда Вазу, но гетманы Ян Замойский и Станислав Жолкевский, вопреки королевскому предложению возглавить поход на Московское государство, не желали ничего предпринимать без решения сейма. Как уже упоминалось выше, Мнишек и Жолкевский еще со времен молодости неприязненно относились друг к другу, пан Юрий обрушивался на польного гетмана с острой критикой в сенате и последний не оставался в долгу, поэтому шансы вовлечь этого военачальника в орбиту интересов «царевича» были равны нулю. Многие в делах Речи Посполитой зависело от позиции коронного гетмана и канцлера Яна Замойского, с которым сандомирский воевода лично и открыто никогда не ссорился (что, конечно же, не мешало ему в свое время поддерживать политику Сигизмунда III, направленную против Замойского). Но канцлер был изначально против всего того, что поддерживал король, он разочаровался в Сигизмунде раз и навсегда и теперь, как мог, действовал в пику монарху, в то же время не веря в успех «дела царевича». В ответ на многочисленные письма от самого Лжедмитрия и от его покровителя Замойский за глаза говорил: «Нужно будет бросить в огонь все летописи и читать только мемуары сандомирского воеводы, если его предприятие будет иметь хоть какой-нибудь успех». Но пан Юрий настойчиво продолжал писать канцлеру², причем с известной долей откровенности, делясь не только преимуществами поддержки кампании «царевича», но и трудностями и опасениями, которые могут появиться в этом рискованном предприятии. Это был тонкий психологический ход: Мнишек, казалось

¹ Подробнее об этом см.: *Эйльбарт Н. В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 15–81.

² См.: *Listy Stanisława Żółkiewskiego: 1584–1620.* Kraków, 1584–1620.

бы, ничего не скрывал от канцлера (и без него прекрасно обо всем информированного) и как бы между строк предлагал ему присоединиться к делу претендента, готового щедро вознаградить своих польских друзей. Одновременно сандомирский воевода старался играть на известных антигабсбургских настроениях Замоиского, в очередном послании передавая ему слухи, пришедшие к нему вместе со сторонниками «царевича» из русской столицы о том, что тиран Борис, не видя иного выхода, хочет обратиться к императору за военной помощью и готов уступить ему взамен «некоторые области Московского государства», в результате чего Польша окажется в окружении немцев. «Благоволите же рассудить, — вопрошает хитроумный пан, — не примет ли это дело крайне опасный для нашего отечества оборот?», выставляя себя таким образом еще и в роли спасителя славян от Габсбургов³. В одном из писем к Замоискому воевода выделяет шесть причин, по которым претенденту следует оказать поддержку (публикуется впервые, и, дабы более живо представить себе образ мыслей и ловкую игру пана Юрия, приведем его текст полностью)⁴.

Ясновельможный милостивый пан канцлер, милостивый государь и друг мой! Препоручаю мои нижайшие услуги вашей милости, моему милостивому государю и другу.

Меня весьма беспокоило то, что я не ответил на предыдущие письма вашей милости, моего милостивого государя, не иначе как по той причине, что долго находился в Люблине в Трибунале и в некоторых других местах, посему письма вашей милости, моего милостивого государя, нескоро достигли моих рук. Сейчас до меня дошло письмо вашей милости, затрагивающее те же дела [царевича], отвечаю на него вашей милости, моему милостивому государю.

Наверняка ваша милость изволите знать, что я почти случайно стал участником сих дел его милости царевича, потому как когда собирался в дорогу к его королевскому величеству, в то самое время приехал с ним [ко мне] его милость князь Константин Вишневецкий, мой зять, сопровождая оного к его королевской милости. Пребывание с ним там [в столице] закончилось тем, что после посещения его королевского величества он ехал назад вместе со мной с таковым решением, дабы,

---

³ Письмо Ю. Мнишка Я. Замоискому от 10 мая 1604 г. // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1907. С. 15.

⁴ Отметим, что текст письма сохранился фрагментарно, в нем отсутствует дата. Исходя из содержания, оно было написано в конце августа 1604 г.

усилившись, подступить к московским границам и, огласив свое справедливое дело, сноситься с доброжелательными себе [москвитянами] ради достижения наследственного государства. Он познал в том милость его королевского величества, который как государь христианский не желал быть ему помехой в сем его справедливом [деле], однако какой-либо помощи, какую желал, получить не мог. [Посему] положившись на Бога и справедливость, а также на тех, кто ему благожелателен в том [московском] народе, как выше уже было упомянуто, он принял решение встать на границе в таком сопровождении, на какое позволит *ex commiseratione Christiana*⁵. По причине недостатка [средств] он длительное время не мог этого сделать, однако надеясь, что его не оставят некоторые их милости сенаторы, кои обещали его спасти, приготовился и с сими [малыми силами] пуститься в дорогу. Как я искренне пишу вашей милости, моему милостивому государю, я не из желания как-либо помогать ему войском, но для того, чтобы как могу [обеспечить] ему в этом правом христианском деле более безопасный путь, из желания показать и свою человечность, и видя, что его уже долее трудно задерживать, и из многих [других] причин сам решил сопровождать [царевича вместе] с теми, с которыми он готовился в дорогу, пока ему Господь Бог не пошлет кого-либо в опекуны; и Господь Бог даст, мы двинемся в дорогу в будущий вторник. Также имеются известия, что уже отряды некоторых их милостей ожидают царевича, с которыми, дай Бог, он соединится со своими [людьми], [и] при таком сопровождении, на кое надеется, неприятель отступит и перейдет на его сторону; и на то он уповает в Господе Боге, что тех, кто ему доброжелателен, в их начинаниях будет усиливать, а тем, кто бы еще сопротивлялся при наступлении его, Господь Бог не даст столько смелости, чтобы поднять оружие против своего прирожденного государя. Описав вашей милости, моему милостивому государю, сии дела и его замыслы, не годится мне писать что-либо против тех соображений, которые ваша милость достаточно подробно изволили изложить в пользу дальнейшего промедления в поддержке справедливого дела его милости царевича. Однако же те причины, по которым долее в этом деле медлить не пристало, я пишу вашей милости, моему милостивому государю, на отдельном листе; из коих ваша милость изволите понять, как трудно было его отговорить от желания [отправиться] в эту дорогу, силой его также трудно задерживать. Не дать ему помощи в этом его справедливом деле и не показать иных сторон человечности представлялось бы [мне] вещью жестокой. Таким образом, в подобном отряде трудно управлять делами. И поскольку он уже находится в дороге, ваша милость, не извольте его оставить и позаботьтесь о его справедливом деле, и других [постарайтесь] склонить к тому, дабы

⁵ Христианское сострадание (лат.).

помогли ему сопровождением, потому как от этого зависит не только собственно дела военные, но и многие другие. Остальное [вручаем] Господу Богу, справедливому делу его, разуму и милости...

1. Нет ничего дороже времени, не пристало и ему задерживать эти дела, дабы из-за проволочек враг его [Борис] своей тиранией не уничтожил остатка доброжелательных ему и не получил поддержки от чужеземцев, а для спасения дел своих более оказии не имел.

2. Опасаясь своеволия на сейме, и наверняка уже зная о слабом согласии в решении наших собственных дел, он сомневается и в том, что на поддержку его дела может быть такое быстрое и идеальное согласие, какового требует его предприятие.

3. Дабы все те, кто теперь ожидает его с охотой, являя свою доброжелательность, из-за проволочек и сомнений в его приходе не изменили таковой своей благосклонности. А в сие время он уверен в том, что много из них таких, кто не только не поднимет оружия против него, но при наступлении его с каким-то сопровождением на границу, немало их встанет за него и, признавши его своим государем, будет поддерживать его справедливое дело.

4. Касаемо привлечения [к предприятию царевича] наших людей из рыцарства, [то] он в дальнейшем не имел бы такой удачи, как сейчас, когда они не состоят на службе.

5. [Царевич] отправил [людей] к донским казакам, кои выразили ему покорность через своих послов и в это время выступили (из-за коих он идет именно этой дорогой), [и они] были бы разочарованы, не будучи им поддержаны, засим и у других бы возросли сомнения.

6. Упаси Боже, из-за какой-либо недоброжелательности тамошнего народа (чего, как он на то надеется, сейчас не будет), [царевич] не исключает для себя того, чтобы вновь бежать к его королевскому величеству и просить о помощи»⁶.

В исторической литературе о Смутном времени, как польской, так и российской, много внимания уделено вопросу, знала ли семья Мнишек действительное имя и происхождение появившегося в Самборе «царевича», и, исходя из этого, дается характеристика моральных качеств сандомирского воеводы и его дочери. По нашему мнению, при взгляде на эту проблему необходимо учитывать прежде всего особенности той эпохи: наемник, служащий за деньги и меняющий своих хозяев и государей, не вызывал осуждения, вельможи с легкостью меняли политические воззрения в зависимости от конъюнктуры и не теряли при этом «дворянскую честь». Поэтому, собственно говоря, и поддержка человека, происхождение

---

⁶ Biblioteka Kórnicka PAN, syg. BK 01539, k. 169–170.

которого было непонятно, не выглядит чем-то из ряда вон выходящим, могущим раз и навсегда запятнать доброе имя дворянина. В случаях, когда Мнишка упрекали в протезировании Лжедмитрия, он отвечал, что русские сами признали его царевичем, и на этот аргумент действительно сложно что-либо возразить: если московских бояр не смущала комедия с мнимым Дмитрием, она тем более не смущала сандомирского воеводу, полагавшего, что раз русские сами желают самозванца, то пускай они его получают. В одном из писем Замойскому пан Юрий отмечал, что, если бы и возникло сомнение в правах «царевича» на трон, в любом случае «по известиям из Москвы там его признают за истинного государя и ждут с большой доброжелательностью». Таким образом, выпускник факультета правоведения Лейпцигского университета снимал все вопросы относительно законности притязаний «Дмитрия». Воевода воспринимал свою миссию как определенную услугу, оказываемую им партнерам — значительной группе московской правящей элиты, и эта услуга, сопряженная с немалым риском для него, требовала соответствующего вознаграждения. Несомненно, когда дошло до помолвки с Мариной, она могла спрашивать отца о настоящем имени лжецаревича, и весьма возможно, что оно было ему известно. В драматической поэме польского историка Ю. Шуйского «Марина Мнишек» на вопрос воеводянки: «Настоящий ли Дмитрий?» — пан Юрий как «хитроумный лис» отвечает дочери: «Если воевода Мнишек как перед царем склонил колени, там будет царь», — эта художественная интерпретация описываемых событий выглядит вполне в характере и духе гордых польских магнатов. На основании изучения многих источников, о чем уже писалось нами в книге «Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции», происхождение самозванца выглядит довольно ясным: это был русский человек из Московской Руси, из дворянского рода, тесно связанный с влиятельными боярскими кругами и ими же переправленный в Речь Посполитую в сопровождении немалого числа лиц, которые потом подтверждали князю Адаму Вишневецкому его царственное происхождение и всячески убеждали вмешаться в это дело. Вполне возможно, что таинственный молодой человек был действительно тезкой убиенного царевича Дмитрия, и игра с его выдвижением на московский престол приобретала для покровителей большую достоверность. Не исключена также действительная принадлежность самозванца к семье Ивана

Грозного: он мог быть незаконнорожденным отпрыском как самого царя, так и кого-то из его сыновей.

Для того чтобы понять, почему Юрий Мнишек поддержал первого Лжедмитрия и стал, по меткому выражению львовского историка М. Гембаровича, «*spiritus movens*» («движущим духом») всего предприятия, какие частные и общественные интересы он преследовал, необходимо выяснить, как польские политики того времени смотрели на Московское государство и его взаимоотношения с Речью Посполитой. Во времена бурной молодости пана Юрия, когда кончина последнего монарха из дома Ягеллонов поставила страну перед необходимостью выбора государя, и позже, после бегства короля Генриха Валуа из Польши, кандидатура царя Ивана Грозного не раз упоминалась на заседаниях парламента и в собраниях шляхты на сеймиках. Как писал современник событий, уже не раз цитируемый нами С. Ожельский, «если бы великий князь [московский] старался о короне, он с легкостью бы ее получил»⁷. Шляхта надеялась, что, перейдя под покровительство столь могущественного государя, можно будет не бояться за свою жизнь и имущество перед врагами внешними, а, несмотря на репутацию тирана, Грозный не будет деспотично поступать с поляками и сохранит их права и свободы. Таким образом, идея единения России и Речи Посполитой на основе персональной унии в обширное славянское государство была в определенной степени популярна, и, участвуя в судьбе Лжедмитрия, Юрий Мнишек видел будущее обеих стран именно в таком развитии событий, сравнивая этот союз с эталоном дружбы и братской любви — библейскими Давидом и Ионафаном⁸.

Мы совершенно убеждены, что материальный интерес сандомирского воеводы являлся весьма существенным, но не единственным стимулом в деле поддержки им самозванца: не последнюю роль играло желание оставить след в истории, быть в самом центре большой политики всего христианского мира и при помощи восточного соседа коренным образом пересмотреть соотношение сил в Европе. Здесь мы вплотную подходим к вопросу, обозначенному в качестве основной проблематики этой книги: что семья Мнишек с сандомирским воеводой во главе намеревалась осуществить в Рос-

---

⁷ Orzelski S. Bezkrolewia... Т. II. S. 212.

⁸ Об этом упоминает в своем «Дневнике» Мартин Стадницкий (см.: Русский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 149).

сии, и могло ли это в конечном счете обернуться благом для обоих славянских народов? М. Гембарович отмечал, что пан Юрий «оставил после себя легенду о... необычайной мудрости государственного мужа, который первым выдвинул идею политического союза между Польшей и Россией. В нимбе этого мифа он жил в памяти семьи и даже получил определенного рода амнистию со стороны истории»⁹. Безусловно, отец Марины Мнишек мыслил масштабно и неординарно, а его острый практический ум и искушенность в политике способствовали действительно оригинальным идеям, реализацией каковых он намеревался учесть интересы всех участников принятой рискованной игры с самозванцем. Конечно, пан Юрий осознавал всю степень опасностей, которым он подвергает себя и свою семью, встав на подобный путь, но, похоже, воевода верил в судьбу и полагал, что если она привела в его дом «царевича», значит, он «послан ему свыше», а, следовательно, все сложится удачно. В одном из писем к Замойскому Мнишек отмечал относительно «Дмитрия», что «Господь Бог посадит его на престоле предков, если это предопределено ему»¹⁰, и данная фраза наглядно показывает, что, будучи в молодости кальвинистом, пан Юрий продолжал верить в учение Кальвина о предопределенности, которая дана изначально и которую человек не в силах изменить, а может лишь следовать ей и уповать на то, что не ошибся в трактовке Божественной воли.

В исторической литературе традиционно принято упрекать сандомирского воеводу в алчности, в невероятных денежных и территориальных претензиях, которые он пытался удовлетворить при помощи будущего зятя, однако при более пристальном рассмотрении ни те ни другие не выглядят таковыми. В так называемом брачном договоре, заключенном с самозванцем в Самборе 25 мая 1604 года, Лжедмитрий при вступлении на престол обещал выплатить пану Юрию миллион польских злотых, сумму отнюдь не астрономическую для польско-литовской аристократии того времени (например, как уже упоминалось, годовой доход знаменитого поборника православия князя Василия Васильевича Острожского составлял 1 200 000 злотых, его сын Януш оставил после себя состояние более чем в два миллиона злотых, годовой доход князя

⁹ Gębarowicz M. Początki malarstwa historycznego w Polsce. Wrocław, 1984. S. 76.

¹⁰ Письмо Ю. Мнишка Я. Замойскому от 28 августа 1604 года // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 24.

Иеремии Вишневецкого составлял 600 000 злотых, канцлера Яна Замойского 700 000 злотых, а польского короля — около 7 000 000 злотых). Мнишек здесь руководствовался, скорее всего, соображениями тех реальных издержек, которые ожидали его в свете предстоящего похода в Московское государство, дабы, как он сам выражался, «проводить Дмитрия на царство», и они вовсе не являлись случайной и тем более запредельной цифрой по меркам польско-литовских магнатов того времени. Пожалование же Марине согласно этому же брачному контракту земельных владений (Новгорода и Пскова) было довольно распространенной европейской практикой: супруга монарха пожизненно получала в пользование владения на территории его государства, дабы обеспечить свои личные потребности. Сам сандомирский воевода признавался, что данный пункт мнимый Дмитрий включил в договор «не за тем, чтобы все это присоединить к Польской Короне или оторвать от Московского государства, а для соблюдения в этом простого обычая всех монархов: для оказания внимания к своей жене»¹¹.

Весьма нетривиально пан Юрий решает вопрос о земельном вознаграждении себя и своей семьи, которое прописано в следующем договоре, заключенном между ним и самозванцем 12 июня 1604 года. Этот договор о пожаловании семье Мнишек Смоленского и Северского княжеств почему-то вслед за претенциозной историографией XIX века трактуется как расчленение Московского государства и потеря им этих земель. А между тем данный документ имеет совсем иной, более глубокий смысл. Лжедмитрий дает будущему тестю «на вечные времена ему и потомкам его Смоленское и Северское княжества в нашем Московском государстве»¹². То есть речь здесь идет только о дарении на основе наследственного ленного права по-прежнему составляющих часть России княжеств, которые и в будущем останутся российскими на правах пожалования их царем пану Юрию и его наследникам, ближайшим родственникам правящей династии. По примеру того, как земли какого-либо

---

¹¹ Об этом упоминает в своем «Дневнике» современник событий Станислав Немоевский.

¹² См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 165. — Здесь и далее польские документы представлены в нашем переводе.

герцогства в европейском государстве, пожалованные монархом кому-то из родственников или приближенных, не переставали быть его частью, так и Смоленское и Северское княжества становились подобным же вознаграждением. Таким образом, Мнишек убивал двух «политических зайцев»: возводил себя в ранг одного из крупнейших землевладельцев Европы и в то же время устранял извечный очаг русско-польских конфликтов и войн, которые вспыхивали именно из-за этих спорных территорий. Вторую половину Смоленского княжества (без самого Смоленска, остававшегося за Московским государством) по указанию пана воеводы самозванец отдавал «его величеству королю польскому и всему королевству, на будущие вечные времена для согласия и мира между народом польским и московским»¹³. По-видимому, уже в то время, когда успех начатого им дела с самозванцем казался еще довольно неопределенным, в тонком уме пана Мнишка уже зрела мысль о возможности объединения России и Польши под одним скипетром, а в случае реализации такого плана территориальные споры соседей за часть Смоленского княжества выглядели бы уже менее актуальными.

Юрий Мнишек с самого появления в его доме претендента на русский трон, конечно же, оказал на молодого человека сильное влияние не только в политическом, но и в психологическом смысле. Молодого лжецаревича пленяла широкая эрудиция и изысканность вкусов воеводы, его такт и внешняя культура общения — вещи довольно необычные для той среды, в которой ему до сих пор приходилось бывать. Если прибавить к этому разнообразие развлечений, царившее при дворе пана Юрия благодаря его детям — почти ровесникам самозванца, то можно понять, почему Лжедмитрий столь полюбил польские обычаи и польский образ жизни, в особенности музыку и танцы, которые старался укоренить в России после вступления на престол. В своих письмах к Мнишку он всегда почтителен и по-родственному тепел, и такое отношение нельзя объяснить только соображениями дела и политической выгодой: молодой человек искренне полюбил семью, в которой его приняли и поддержали. «*Intimus filius Demetrius*»¹⁴, «*Demetrius filius et amicus*»¹⁵, так он

¹³ Там же.

¹⁴ Преданный сын Дмитрий (лат.).

¹⁵ Дмитрий, сын и друг (лат.).

подписывает письма к «пану отцу», который действительно немало потрудился, участвуя в его деле.

В свою очередь письма сандомирского воеводы к уже сидящему на троне зятю мало походят на обращения простого дворянина к царствующей особе: в них Мнишек, совершенно ничем не стесняясь, читает царю нравоучения личного и политического характера и порой без обиняков высказывает свое недовольство, как будто наставляя провинившегося ребенка. «Я отдал свое дитя Вашему императорскому величеству, отсюда надеюсь на великую радость не только для моей семьи, но и для моей отчизны», — пишет воевода в Москву после обручения Марины в Кракове с царским послом Афанасием Власьевым¹⁶. Эта «великая радость» виделась ему в объединении двух соседних монархий в огромное евразийское государство славян, и, пользуясь своим влиянием на зятя, Мнишек намеревался это осуществить, привнеся на русскую почву черты политического устройства европейских государств. Обезопасить и усилить Польшу за счет могущественного соседа и в то же время европеизировать и демократизировать Московское государство, сделав его равным игроком среди западных соседей, — вот та грандиозная цель, реализация которой, с точки зрения сандомирского воеводы, совершенно изменила бы ход развития европейской истории. Намеки на эту смелую политическую программу содержатся в многочисленных панегириках польских поэтов, написанных к обручению Марины Мнишек и посла Лжедмитрия I Афанасия Власьева в Кракове, публикация которых щедро оплачивалась паном Юрием и призвана была не только прославить семью воеводы, но и сформировать своего рода «положительный образ» России в глазах поляков и Европы в целом. Это стало тем редким в истории случаем, когда о «Московии» в Польше вспоминали не как о тирании и стране диких и вероломных варваров (что еще так недавно, во времена Ивана Грозного, твердили при большинстве европейских дворов), а как о великом и братском славянском народе. Показателен в этой связи панегирик приближенного к кардиналу Бернарду Мациевскому ксендза-поэта Станислава Гроховского, написавшего в честь бракосочетания Марины «Песнь на радостный праздник двум великим народам: польскому и московскому». В нем подчеркивается важность русско-польского мира, судьбоносного для истории:

---

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров... С. 243.

Цветет Москва, соединившись кровно с братской Польшей;
 Мечи исчезли, отступил зубастый Марс...
 И ты, о Гименей, воззри на то согласие,
 Внеси меж двух народов вечный мир,
 И пусть от их грозы дрожит язычник¹⁷.

Примечательно, что Гроховский особо подчеркивал слово «славяне», называя Мнишка «славянским героем», о котором «хроники мира станут петь вовеки»¹⁸, а Марину — «прекрасной дочерью славян». Такое определение не случайно: оно призвано было еще и еще раз отметить общность двух народов и показать естественность их союза и единения.

Однако действительное положение вещей было очень далеко от представленной панегиристом идиллии: исторически сложившаяся неприязнь и недоверие поляков и русских друг к другу могли стать камнем преткновения, что впоследствии и произошло. Но тогда, во время краковского обручения Марины, ее отец считал возможным реализовать этот союз путем проведения в России преобразований, которые приблизили бы ее к европейской культуре, опираясь на желание молодого царя следовать по пути реформ. Сам Лжедмитрий неоднократно высказывал мысли о создании в Москве университета, разветвленной сети школ, свободе торговли и вероисповедания. Однако даже волей абсолютного монарха, без широкого круга сторонников преобразований внутри страны осуществить таковое не представлялось возможным. Понимая это, когда речь заходила о реформах в Московском государстве, Юрий Мнишек любил повторять: «Все насильственное — недолговечно», поэтому с присущей ему энергией и настойчивостью принялся за «подготовку почвы» к реализации своих намерений.

Первым его шагом стала попытка сближения с членами Боярской думы, со списком которой, предоставленным ему на польском языке, воевода знакомится самым внимательным образом. 21 июля 1605 года он пишет в Москву весьма эмоциональное и дружелюбное письмо, которое можно расценить как своего рода политическую программу (до наших дней дошел русский список этого документа, опубликованный в Собрании государственных грамот и договоров).

¹⁷ Poezje ks. Stanisława Grochowskiego. Kraków, 1859. T 1. S. 103–104.

¹⁸ Ibid. S. 106.

В нем пан воевода щедро расточает комплименты России, называя ее «великой и большой частью христианства», отмечая при этом, что «с младых лет» полюбил эту страну и ее народ (имея, очевидно, в виду свое первое знакомство с ней во времена похода под Псков короля Стефана Батория, когда польских воинов так восхитила красота и богатство Московского государства). Мнишек не забывает подчеркнуть перед боярами и свои заслуги, за которые они должны быть ему благодарны, называя себя «началом и причиной возвращения вам вашего прирожденного царя». Видимо, желая войти в их круг на правах «первого среди равных» и, подобно большинству европейцев, считая, что московская аристократия тяготится деспотизмом и неограниченной властью государей, пан Юрий заявляет, что «желает быть помощником приумножения прав» дворянства, по-видимому, надеясь на то, что пример государственного устройства Речи Посполитой будет весьма заманчив для них. Он завершает письмо совершенно замечательной подписью, которая должна была показать русским то, что сандомирский воевода и его семья вовсе не чужды Московскому государству, а наоборот, становятся его частью: «Всех вас, думных бояр, братьев моих, и всего рыцарства и тамошнего народа доброжелательный Юрий Мнишек из Великих Кончиц, воевода сандомирский, староста львовский и самборский»¹⁹.

Называя русских братьями, облачаясь в одежду московского боярина и обещая свое содействие в расширении их прав и свобод, следующий шаг в направлении европеизации страны Мнишек видел в церковной унии, отмечая при этом, что она будет выгодна обеим сторонам. Почти всю свою жизнь пан Юрий управлял землями с преобладающим на них православным населением, очень тактично и гибко умел обходить острые углы в конфликтах католического и православного духовенства и не считал лишним периодически показывать свое благорасположение к «греческой вере» и ее иерархам щедрыми пожертвованиями. Читатель помнит, как осторожно и предусмотрительно он поступал после заключения Брестской унии и не предпринимал никаких насильственных действий по отношению к отказавшимся от вступления в нее православным церковнослужителям и их пастве. В отношении России воевода намеревался действовать постепенно, дабы не спровоци-

---

¹⁹ Собрание государственных грамот и договоров... С. 210–211.

ровать противостояние и раскол, которые могли бы поставить под угрозу жизни его дочери и зятя. Однако, как мы видим из переписки Юрия Мнишка и Дмитрия Самозванца, последний не вполне разделял идеи своего тестя, боясь сопротивления подобной политике. В письме от 25 декабря 1605 года пан воевода недовольно отчитывает зятя: «Мне представляется необходимым напомнить вашему царскому величеству, чтобы ваше царское величество не изволили забывать своими письмами его милость ксендза кардинала, он доброжелателен и очень любит Вас как сына... Также если ваше царское величество (как перед сим Ваши предки) изволите посылать в Рим, я желал бы того, дабы ваше царское величество изволили делать дела свои через него, [так как] будучи у Святого Отца в большом уважении, он может оказать великую помощь в делах вашего царского величества»²⁰.

Кардинал Бернард Мациевский, один из инициаторов и проводников Брестской унии, жаждал снискать громкую славу объединителя Восточной и Западной церквей, однако, как видим, самозванец вяло и неохотно следовал подобным рекомендациям, но это вовсе не означает, что такая нерешительность соответствовала его желаниям. Вероятнее всего, молодой человек чувствовал шаткость собственного положения и откладывал реализацию своих намерений на более поздний срок. Его опасения были отнюдь не безосновательны: он не предпринял никаких шагов к церковной унии, но сразу же после переворота и смерти 27 мая 1606 года вместе с польским окружением был обвинен в желании обратить Московское государство в католичество.

Что же позволило противникам самозванца это утверждать? После переворота Василий Шуйский и его сторонники обнаружили в бумагах царя упоминавшийся уже выше брачный контракт, заключенный между ним и Мнишком в Самборе 25 мая 1604 года. Он был написан на польском языке, однако, чтобы доказать «измену» и «еретичество» Лжедмитрия, его «перевели» на русский язык с добавлением несуществующего в нем текста. Польский вариант договора гласит: «Всецело постараемся о том, дабы и все Московское государство привести к единению со вселенской римской католической церковью». Клевреты Шуйского основательно «обработали» этот документ и, видимо, в предназначенный для широкой огласки

²⁰ Там же. С. 244.

вариант добавили следующие строки: «И станем о том накрепко промышляти, чтобы все государство Московское в одну веру римскую всех привести и костелы римские устроить... Всех русских людей в веру латинскую привести»²¹. Именно этот «перевод» лег в основу многих исторических работ о Смутном времени и демонизировал суть тех замыслов и планов, которые, возможно, и намеревался реально осуществить Дмитрий Самозванец. Когда после его убийства бояре по указанию Шуйского принялись допрашивать Мнишка, допытываясь, почему самозванец хотел унии, воевода довольно искренне высказался по этому поводу: «Он видел униатскую церковь в Польше и на Руси, существовавшую без всякого ущерба для благочестия. И учредить ее покойный у себя желал, чтобы здешнее государство с государствами христианскими такую общность имело, какая может быть без нарушения порядка греческой веры, и напротив, на великую радость христианству. Чего, однако, без вас, бояр своих думных, сделать он не мог, а также (как видно) начинать не хотел»²².

Итак, весьма рискованная игра в «политические шахматы», связанная с возведением на престол царевича-самозванца, заканчивается для семьи Мнишек трагически. Справедливости ради нужно сказать: сандомирский воевода хорошо осознавал, насколько быстро и непредсказуемо может измениться ситуация в России, и поэтому затягивал свой отъезд из Польши после заочного обещания Марины с московским послом Афанасием Власьевым, состоявшегося в Кракове 22 ноября 1605 года, под различными предложениями пытаться выиграть время и проверить, действительно ли прочно положение его зятя на троне и существует ли против него боярский заговор. Даже секретарь Лжедмитрия Ян Бучинский сообщал самозванцу в январе 1606 года, что его собственный посланец в Польшу Иван Безобразов намекал сенаторам: «Царь в Москве скоро сменится». В Самбор доходили тревожные слухи о возможном заговоре против Лжедмитрия, однако действительная обоснованность этой информации, кажется, оставалась для воеводы не вполне ясной. На сейме 1611 года он упрекал коллег-сенаторов и даже самого короля в том, что они из зависти не предупредили его обо всей серьезности положения, несмотря на то, что он

---

²¹ Собрание государственных грамот и договоров... С. 161–162.

²² Дневник Марины Мнишек. Рязань, 1995. С. 65–66.

публично высказывал тогда свои опасения. Но время шло, нужно было на что-то решаться, тем более что Лжедмитрий, чувствуя шаткость своего положения и надеясь на польских друзей, слал тестю все более нетерпеливые письма. «Мы уверяем, — писал он Мнишку 22 декабря 1605 года, — ваша милость не только не будете сожалеть о своем постоянстве к нам, но также чем дальше, тем большую радость и пользу получите отсюда, с вечной славой своего дома»²³.

Видя явное и умышленное промедление воеводы с отъездом, самозванец пытался воздействовать на него через Станислава Мнишка, прося саноцкого старосту поторопить отца. У сандомирского воеводы даже возникла идея сначала отправить в Москву Станислава, дабы сын на месте оценил ситуацию и сообщил семье, насколько безопасно будет ее прибытие в Россию. Вообще, пан Юрий вел себя по отношению к царственному зятю довольно пренебрежительно, он даже не разрешал Марине писать своему уже законному супругу, вводя тем самым последнего в крайнее раздражение. Воевода чувствовал, что необходим царю, ощущавшему себя в своей столице уже очень неуверенно и осознававшему враждебность значительного числа бояр; поэтому совершенно безбоязненно делал то, что считал нужным. Что касается общественного мнения в Польше, то пан Юрий пытался создать вокруг своей семьи ареол радетелей об общественном благе и Родине более, нежели о своих собственных интересах. Как он писал впоследствии Сигизмунду III, «будучи весьма болен, прежде всего заботясь об общественном благе, нежели усматривая собственную выгоду, не хватаясь за это счастье и конечно его опасаясь... отправился [в дорогу] со своими [людьми]»²⁴.

Союз России и Польши против Швеции и Турции — вот та официальная версия миссии, с которой пан Юрий ехал в Москву, однако лишь немногие родственники и друзья были посвящены в подспудную часть этого плана: сей союз подразумевался без Сигизмунда Вазы. Несмотря на все милости, полученные Мнишком от этого короля, воевода не был сентиментален и, по-видимому, считал, что некогда оказанные им монарху услуги того стоили, нисколько не смущаясь изменить ему, когда это представлялось

²³ Собрание государственных грамот и договоров... С. 237.

²⁴ BNIO, Rkps. 2686/II, k. 7.

более выгодным решением. Возможно, самолюбие вельможи оскорбил королевский отказ проводить обряд обручения Марины с послом Лжедмитрия в монаршей резиденции на Вавеле, чего воевода страстно желал и что придавало бы данной церемонии более официальный и значимый в государственном отношении смысл. Но Сигизмунд мнил себя государем от Бога и не считал нужным так снисходить до польского дворянина, в итоге он только посетил бракосочетание, которое частным образом было совершено в доме Мнишка в Кракове. Однако пан Юрий проглотил это, как ему казалось, оскорбление и внешне продолжал вести себя как самый верный подданный его величества, вместе с дочерью Мариной на коленях угодливо благодарил государя «за великие благодеяния», но на деле вынашивал планы детронизации надоевшего значительной части шляхты «упрямого шведа».

Мнение сандомирского воеводы разделял родственник, житвульский староста Станислав Стадницкий (жестокий и вероломный авантюрист), приходившийся двоюродным братом пани Ядвиге, супруге Мнишка, и нередко навещавший вельможную семью в их резиденциях. Стадницкий, считавший себя обделенным королевскими милостями, а также враждебные Сигизмунду краковский воевода Николай Зебжидовский и подचाший Великого княжества Литовского Януш Радзивилл, при негласной поддержке гнезненского архиепископа кардинала Бернарда Мациевского — вот тот круг аристократии, который намеревался избавиться от своего государя и посадить на польский трон московского царя — зятя Мнишка. Сохранившиеся документы показывают, что Лжедмитрий финансировал это предприятие, сосредоточил у западной границы войска²⁵, готовясь поддержать восставших, и начал вести себя по отношению к Сигизмунду столь дерзко, что пан Юрий даже счел нужным осадить пыл неопытного в политике молодого человека. Считая непозволительной для государственного мужа роскошью раньше времени обнаруживать свои замыслы, он и в письмах к зятю просит не предпринимать до его приезда в Москву никаких решительных шагов и цинично восклицает: «Какое же бы было для меня огорчение прийти в немилость у его королевского величества, надеющегося на верную дружбу вашего царского величества!»²⁶ Действи-

---

²⁵ Более подробно см.: *Эйльбарт Н. В.* Смутное время... С. 160–181.

²⁶ Собрание государственных грамот и договоров... С. 244.

тельно, пану Юрию трудно отказать в чрезвычайной ловкости: он настолько убеждает короля в своей верности и доброжелательности, что Сигизмунд издает даже особый универсал, согласно которому все судебные дела и иски против сандомирского воеводы на время его отсутствия в Польше прекращаются, дабы «из-за услуг обществу он не потерпел какого-либо ущерба в собственности»²⁷.

Вышеизложенное показывает, что, задумав возложить польскую корону на голову московского царя, Мнишек скорее намеревался действовать во благо России, которое в данном случае совпадало с интересами его семьи, а посему обвинения воеводы в планах «расчлениить и уничтожить Московское государство», которые после смерти Лжедмитрия I на него так рьяно возводило окружение Шуйского, а вслед за ним и пропаганда Романовых, не соответствуют исторической правде. Подобные замыслы пана Юрия, с другой стороны, можно трактовать как действия в ущерб «вольности» собственно отечества, поскольку под скипетром московского царя Польша неизменно бы теряла некоторые атрибуты политической независимости. В подобном же ключе таковые замыслы Мнишка и его зятя виделись и современникам-иностранцам. Например, голландец Элиас Геркман в своем «Историческом повествовании» писал, что царь Дмитрий, сандомирский воевода и их союзники хотели «уничтожить Польшу», имея прежде всего в виду ее политическую самостоятельность. Даже польские послы Николай Олесницкий и Александр Гонсевский после переворота 27 мая 1606 года не преминули заметить думным боярам, что Мнишек, «давая дочь свою в жены вашему государю, как самому государю и дочери своей, так и вам всем не краха, но умножения желал»²⁸. Примечательно, что проект личной унии Речи Посполитой и России (а отнюдь не ее уничтожение) поддерживал глава польской католической церкви ксендз-кардинал Бернард Мациевский, и остается только предполагать, как и где этот иерарх намеревался короновать формально православного царя короной католической Польши и рассчитывал ли получить на это согласие Рима. Нам представляется более вероятным, дабы избежать подобных противоречий и не вводить в затруднение римского первосвященника, Мнишек, Мациевский и их сторонники предназначали польский

²⁷ Там же. С. 240.

²⁸ Эйльбарт Н. В. Смутное время... С. 75.

венец для Марины, коронованной московской царицы (подобно тому, как «королем Польши» была некогда провозглашена Анна Ягеллонка), а ее супруг автоматически становился королем-соправителем. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с уникальной в своем роде ситуацией, когда польское католическое духовенство в лице своего главного представителя желало видеть на троне формального схизматика. Исходя из изложенного, можно понять поведение самозванца, так торопившего воеводу и его дочь с приездом в Москву: он чувствовал враждебность окружения и полагал, что польский трон для него и Марины спасет от угрозы боярского переворота.

Сложно сказать, что же явилось для Мнишка самым убедительным аргументом в пользу решения ехать в Россию при всех доходивших в Польшу неблагоприятных слухах о заговоре против самозванца. К тому же воеводе действительно нездоровилось: терзаемому подагрой вельможе было нелегко пуститься в столь трудный и длительный путь. Но пан Юрий был смелым и выносливым человеком, в то же время самоуверенным и надменным: вероятно, он считал, что при любых обстоятельствах ему удастся удержать ситуацию под контролем, что бы ни случилось в политике и в частной жизни. Кардинал Мациевский уступил кузену своего личного врача — светило польской медицины того времени, известнейшего профессора Краковского университета доктора Себастьяна Петрици, который отныне должен был заботиться о здоровье сандомирского воеводы и вместе с прежним его лекарем — хирургом, самборским монахом-бернардинцем Петром, отправиться с вельможным пациентом в Московское государство. Судя по слухам, распространившимся в это время в Польше и, возможно, пущенным самим воеводой, он намеревался остаться в России на год, сопроводив дочь (так писал итальянец Нери Джиральди Веллизарию Винта, секретарю великого герцога тосканского, заинтересованному в заключении торгового соглашения с Московским государством при посредничестве Мнишка).

26 января 1606 года огромный свадебный поезд московской царицы двинулся из Прондника (находившейся близ Кракова резиденции Бернарда Мациевского) в сторону Самбора²⁹. В начале февраля

---

²⁹ В Пронднике Мнишки пребывали после обручения Марины, здесь же кем-то из львовских живописцев был написан ее первый портрет в качестве московской

на три дня так называемого мясопуста он остановился в Саноцком замке, где семья Марины провела, как оказалось, последние беззаботные и счастливые минуты. По старинному польскому обычаю за три дня до начала Великого поста следовало безудержно предаваться всяческому удовольствиям: шумным застольям, танцам и веселью, дабы после не так страдать от ограничений, связанных с сорокадневным воздержанием. На мясопуст в Саноке собралось большое количество родственников и друзей Мнишков, а окрестные величественные горы озарились праздничным светом факелов, звуками музыки и салюта. В Кракове на обручении Марины присутствовала вся семья, включая почтенного возраста бабушку царицы Ядвигу Стадницкую-Тарло, которая жила с дочерью и с рождения воспитывала своих многочисленных внуков³⁰. Здесь также были родственники со стороны пана Юрия, последовавшие с ним в Московское государство, — его старший брат Ян с сыном Николаем и племянник Павел Мнишек, луковский староста, сын покойного Николая Мнишка, надевавшийся на блестящую карьеру при дворе царственной кухни.

В Самбор свадебный поезд прибыл 11 февраля 1606 года, откуда через три недели, 2 марта, при большом стечении жителей города двинулся в сторону Люблина, а затем через Брест и Минск в Россию. Лжедмитрий действительно приложил немало усилий к встрече дорогих гостей: на пути их ожидало 540 мостов, наведенных по случаю весенней распутицы, многочисленные депутации, а на одной из остановок дорогих родственников инкогнито посетил сам царь.

Мы не будем останавливаться здесь на подробностях путешествия и прибытия Мнишков в Москву, коронации и венчании Марины — все это многократно описано как в открытых на данный момент польских источниках, так и детально проанализировано в исторических монографиях. Рассмотрим лишь вопрос, связанный с оценками пребывания свадебного кортежа в Москве и сопутствующие этому негативные характеристики поведения поляков в русской

государыни, украшенный двуглавым московским орлом, несущим на груди фамильный герб царицы. Портрет этот, долгое время хранившийся у потомков сандомирского воеводы графов Потоцких, находится ныне в музее на Вавеле в Кракове.

³⁰ Она умерла через несколько недель после отъезда Марины из Самбора и была похоронена в часовне Святой Анны при самборском бернардинском монастыре. Эта дама, несмотря на возраст, отличалась незаурядной воинственностью: в 1602 г. ее люди силой заняли деревню Поток, спорное имение, и выгнали оттуда шляхтичей братьев Енджеевских.

столице, часто присутствующие в российской исторической литературе. Много в ней говорилось об оскорблениях, нанесенных поляками русским обычаям и православной вере, об их наглом поведении в церквях и на улицах — все это являлось попыткой правительства Шуйского оправдать переворот и резню, произошедшие 27 мая 1606 года, и придать этому нелицеприятному факту, мало соотносящемуся с понятиями славянского гостеприимства, более позитивный смысл. Смотря на вещи с точки зрения норм и правил, принятых в высшем обществе Речи Посполитой, где считался абсолютно нормальным брак между людьми, принадлежавшими к различным христианским конфессиям (примером тому служили браки детей Юрия Мнишка), сандомирский воевода, мало понимавший особенности русской ментальности, полагал, что венчание самозванца с Мариной послужит в глазах московского общества шагом к большей веротерпимости и толерантности, тем более что подобный пример существовал уже в истории двух народов. О нем упоминали польские послы Николай Олесницкий и Александр Гонсевский, прибывшие на свадьбу от имени короля, отвечая московским боярам на обвинения в желании «уничтожить православную веру» уже после убийства Лжедмитрия. Речь идет о браке между великим князем литовским и в последующем королем польским Александром Ягеллончиком и дочерью великого князя московского Ивана III Еленой Ивановной, заключенном в 1495 году. Православная Елена Ивановна, королева католической Польши, имела собственную православную часовню в кафедральном соборе краковской резиденции королей на Вавеле, где ее священники беспрепятственно могли служить литургию. И это происходило за столетия до интересующих нас событий, когда отношения между греческой и римской церквями на польско-литовских землях отличались довольно большой степенью непримиримости. Наверняка у поляков возникал вопрос: почему католичка не может иметь в России те же права, что были предоставлены православной великой княжне в качестве королевы Польши?

Как видим, и Лжедмитрий I, достаточно долгое время проведенный среди польского дворянства, воспринял дух свободы и предался иллюзии постепенно реализовать этот порядок вещей в Московском государстве. Даже папский нунций в Польше Клаудио Рангони писал ему, что брак между разнoverцами — «обычное дело». Если в целом говорить об обрядовой стороне православного христиан-

ства, то польским гостям, а в частности семье Марины, она была очень хорошо известна, и мы уже приводили этому доказательства. Вообще, атрибуты так называемой греческой веры с давних времен органично вплетались даже в интерьеры католических соборов и не вызывали отторжения у папистов. Малоизвестный факт, но еще в конце XIV века король польский и великий князь литовский Владислав II Ягелло приказал расписать православными греко-византийскими фресками многие католические польские храмы, вероятно, в память о своей матери — православной тверской княжне Юлии Александровне, и поручил это приглашенным из Руси мастерам. Чудесная роспись, представляющая сцены из Священного Писания, украсила тогда и кафедральный собор на Вавеле, и готический кафедральный собор Сандомира, и капеллу Люблинского королевского замка, где она продолжала присутствовать и в описываемое нами время.

Таким образом, порой вопреки политике западная и восточная ветви христианства ранее объединились в искусстве, и православие не воспринималось в Речи Посполитой чем-то чуждым, «еретическим» или «поганым». В то же время приехавшие с Мнишками члены свиты (среди них многие были православного вероисповедания) действительно заходили в московские церкви с оружием, затем будучи обвинены москвичами в осквернении святынь, но и здесь свадебных гостей нельзя упрекнуть в неуважении: в Речи Посполитой шляхта не расставалась с оружием, и в храмах не было принято его снимать (так же поступали и во всей христианской Европе). Не остановившись на обличении поляков в качестве «богохульников», пропаганда Шуйского позже представила приезд более чем двухтысячной свиты Марины в Москву как попытку «поляков и литвы захватить государство», о чем Юрий Мнишек возмущенно писал королю: «[Москвитяне] клеветуют на его королевское величество, на Польскую Корону, на их милостей господ послов, на пана воеводу и на весь народ польский, якобы [помышлявших] об уничтожении их веры, так и о грабеже и даже о насильственном захвате Московского царства под предлогом приезда на свадьбу»³¹. Сам факт того, что в огромном городе польские гости были размещены порознь, на значительном расстоянии друг от друга, говорит о том, что они в определенной степени доверяли хозяевам и не предполагали столь

³¹ BNIO, Rkps. 2686/II, k. 7.

страшного исхода этого путешествия, хотя и встречали определенные знаки неприязни со стороны россиян еще на пути в Москву. Примером может служить следующее происшествие: когда свадебный поезд остановился в Смоленске, перед желающим осмотреть крепость братом царицы Станиславом и его спутниками захлопнули ворота, как перед врагами. Таким образом, на наш взгляд, сами того не желая, польские гости спровоцировали жителей Москвы самым фактом своей культурной инаковости, тем более что в истории русской столицы, по сути закрытой от западного мира, это был первый случай одновременного приезда такого большого количества иностранцев-европейцев, к которым традиционно относились с недоверием и не могли им простить даже самых малых проступков, но это не имело бы столь кровавых последствий, не будучи подогрето сверху противниками самозванца — консервативной боярской группировкой с Василием Шуйским во главе.

ГЛАВА VI

Убийство Лжедмитрия I. Ссылка семьи Мнишек в Ярославль. Стойкость Марины и ее отца. Гордость Мнишковых. Отношение в польском обществе к их падению. Занятия узников. Тайные письма из Ярославля в Польшу. «Мемориал» Мнишка. «Воскрешение» Дмитрия. Николай и Сигизмунд Мнишки. Умонастроения в Польше после появления Тушинского вора. «Антимосковская пропаганда» Мнишковых и Олесницкого. Планы Юрия Мнишка в отношении Лжедмитрия II. «План преобразования России»

Произошедшие в Москве кровавые события, во время которых убили около пятисот (по другим источникам — около тысячи) поляков, гибель самого царя, разграбление имущества семьи Мнишек и само их поистине «чудесное спасение», о котором во время бунта сandomирский воевода молился перед православной иконой Богоматери (по свидетельству автора «Дневника Марины Мнишек», пана Юрия едва не убила выпущенная из толпы бунтовщиков стрела, воткнувшаяся в стену чуть выше его головы), превзошли самые худшие опасения. Как писал очевидец событий краковский купец Себастьян Лиффель в поэме «Московские празднества», «на этой свадьбе пролилось более крови, нежели вина»¹. Но, по-видимому, в первые дни после переворота Мнишек не до конца понимал суть произошедшего, мысля совершенно по-европейски: ему казалось, что по всем законам здравого смысла, дабы легитимизировать свою власть, новый царь Василий Шуйский должен жениться на Марине — уже коронованной государыне, однако тот не только не отпустил на родину царицу и ее родственников, но в прямом смысле заточил их в тюрьму².

¹ Liffel S. Gody moskiewskie tamże na Moskwi opisane. Kraków, 1607.

² Судя по всему, Юрий Мнишек не был одинок в своем понимании ситуации, сложившейся в правящей политической элите России после убийства Лжедмитрия I. Современник событий голландец Элиас Геркман писал, что, если бы брак

Вся глубина нетерпимости и ненависти к иностранцам-иноверцам в полной мере проявилась во время двухлетней ссылки в Ярославль, которую семье царицы предстояло пережить. «Принципал изменников» — как презрительно называл пан Мнишек Шуйского, обращался с польскими пленниками грубо и бесцеремонно, им постоянно лгали и держали в страхе и неведении. «Нарушено было слово царя, — пишет автор «Дневника Марины Мнишек», — который пообещал ранее пану воеводе, что тот не двинется из Москвы, так как здоровье не позволяло ему ехать в дорогу»³. Пан Юрий действительно был очень нездоров, начавшееся еще в Польше обострение его болезни не прекращалось, несмотря на усилия двух личных врачей, к которым вскоре присоединился со своими снадобьями львовский аптекарь Станислав Колачеквич. Но новое правительство не на шутку опасалось польских пленников, власть царя Василия с первых же дней колебалась уже самими слухами о спасении «Дмитрия» (кои поддерживались, конечно же, и Мнишками), поэтому семье воеводы приказано было выехать в Ярославль, куда она со всей свитой в более чем триста человек прибывает 4 сентября 1606 года и размещается в четырех тесных огороженных домах (впоследствии их перевели в один дом)⁴.

Здесь начинается череда запугиваний и унижений, которые используют приставы для того, чтобы сделать пленников более сговорчивыми. Бесспорно, ярославская ссылка была самым тяжким испытанием для семьи Мнишек, в силу своего положения привыкшей к определенному уровню жизни и комфорта. По нескольку дней пленникам могли не давать пищи и не позволяли слугам ходить на реку за водой, не выпускали Марину и ее родных за пределы ограждения даже на прогулку, отобрали верховых лошадей и использовали их на пашне, угрожали отправить на север в Вологду, если они добровольно не отдадут оружия. В этих обстоятельствах пан Юрий как глава находившихся в Ярославле пленников держался мужественно и с большим достоинством, а на подобные требования

Марины и Шуйского состоялся, последний удержал бы корону, а Россия избежала бы дальнейшей смуты.

³ Дневник Марины Мнишек. С. 72.

⁴ По нашему мнению, скорее всего, эти постройки располагались где-то возле церкви Николы Рубленого, на берегу Которосли, неподалеку от ее впадения в Волгу.

отвечал: «Оружие отдадим вам вместе с жизнью». Наконец Шуйский решает махнуть рукой на упрямого шляхтича и 12 января 1607 года через приставов объявляет, что оставляет его в Ярославле. Удивительно, но пан Юрий ведет себя вовсе не как пленник, а как владетельный государь, к которому прибыло посольство от равного: в ответ на радостное известие он дарит прибывшим людям царя дорогие, оправленные в серебро палаши, которые те сначала не хотят брать, но затем принимают. На содержание пленников из казны отпускались довольно скудные средства, но у ограбленных панов оставалось еще столовое серебро и дорогие одежда, оружие и конские сбруи, которые они, несмотря на запрет, могли постепенно продавать и несколько смягчать в материальном смысле свое существование. В основном реализацией таких операций занимался львовский аптекарь и купец Станислав Колачевич, которому московские власти, видимо в силу его православного вероисповедания, доверяли и даже позволяли приезжать в столицу для продажи своих товаров.

Ярославских пленников Колачевич снабжал по их заказу различными продуктами и лекарствами (среди прочего это были конфеты и изюм для царицы и женской части ее свиты, шафран для приправы блюд, лечебные настойки корицы и росянки для пана воеводы и его серьезно больного брата Яна)⁵. Несмотря на то что Колачевич, казалось бы, должен был поддерживать своих соотечественников в таких жизненных испытаниях, он вел себя как чисто коммерческий человек и завышал цены привозимых в Ярославль товаров чуть ли не в четыре раза. Пан Юрий громко «ругал и проклинал» своего посыльного, однако другого выхода у него не было — за неимением альтернативы приходилось терпеть и далее пользоваться его услугами. Вообще, касательно своего привезенного из Польши окружения Мнишки оказались в очень тягостном положении: готовые служить хозяевам при благоприятных обстоятельствах, в сложившейся после переворота и убийства самозванца ситуации слуги разбегались, переходили на сторону противника и выдавали известные им тайны и секреты семьи, оставшиеся же находились на грани того, чтобы вообще перестать подчиняться. Надо отдать должное сандомирскому воеводе: он достаточно крепко держал

⁵ Записки львовского аптекаря о событиях 1606 года в Москве // Журнал министерства народного просвещения. 1895. № 5.

в руках «бразды правления» этой своего рода небольшой колонией и ему удалось сохранить ее от окончательного разложения и гибели, жестко пресекая ставшие ему известными попытки измены (в «Дневнике Марины Мнишек» сохранилось упоминание о том, как он приказал заковать в цепи слугу-татарина, пробовавшего перейти на сторону «москвитов»).

В непростых обстоятельствах ярославской ссылки еще более проявляются гордыня, высокомерие и упрямство, вообще свойственные польскому дворянству, а в семье Мнишек представшие в самом гипертрофированном виде, будучи осуждаемы порой даже соотечественниками. «Суд Божий — великая бездна. Господь Бог чудесным образом умеет карать гордыню», — с нескрываемым злорадством пишет о судьбе вельможной фамилии входивший в окружение Сигизмунда III дворянин Станислав Домарайтовский⁶. Однако чаще судьба семьи и ее характер вызывают у современников сочувствие и симпатию. «Несчастный старик», «проливающий слезы» в заточении, — так участливо пишет о сандомирском воеводе в одном из своих стихотворений поэт Каспер Мясковский в 1607 году⁷. Уже упомянутый выше С. Кобежицкий, в какой-то степени преклоняясь перед характером Марины, отмечал, что «с неизменным выражением лица, преисполненным величия, она принимала и удары, и подарки судьбы», и «при таких превратностях жизни ее не оставило высокомерие и благородная гордость»⁸. «Кто захочет лишить меня короны, пусть сначала лишит жизни», — эта фраза московской царицы стала поистине хрестоматийной. Неудивительно — ей было с кого брать пример. Самборский монах-бернардинец Павел Ленчицкий, очевидец всех московских событий, писал, что Юрий Мнишек, человек «мудрый и мужественный», был «дивно испытан судьбой, но не побежден»⁹; личный же врач сандомирского воеводы Себастиан Петрициставлял его примером младших Мнишков — братьев Марины Николая и Сигизмунда, отмечая, что пан Юрий «так мужественно

---

⁶ Письмо С. Домарайтовского Л. Гембицкому от 15 марта 1610 года // RaS. *Extranea Polen*. Vol. 96.

⁷ *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego*. Kraków 1916. T. 1. S. 299.

⁸ *Kobierzycki S. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego*. Wrocław, 2005. S. 211–212.

⁹ *Relatae powszechne albo nowiny pospolite. Część V*. Kraków, 1609.

выносит на плечах своих трудности, как будто ничего нового с ним не случилось, помня о том, чему учит Гораций: разум побеждает людское несчастье»¹⁰. В «Дневнике Марины Мнишек» упоминается о том, как приставы находившихся в Ярославле пленников по указанию Шуйского пытались убедить пана Юрия написать прошение царю, «повиниться и покаяться в своих грехах», видимо, обещая ему облегчение положения. Но воевода не поддался ни на какие уговоры, а в своем кругу сказал, что не будет «раболепствовать и унижаться перед теми, кто наутро может его казнить».

В таких напряженных обстоятельствах действительным утешением для узников стали духовные медитации или какого-либо рода интеллектуальные упражнения, которые могли бы немного отвлечь их от мрачной окружающей действительности. Вместе с представителями фамилии Мнишек в Ярославле оказались два монаха-бернардинца: уже упоминавшийся выше брат Петр, хирург и врач пана воеводы, а также сам глава бернардинского ордена в Польше отец Бенедикт Гонсеровский (Анзеринус). Несомненно, их присутствие помогало сохранить хрупкое равновесие и послушание среди членов свиты, направить ожесточение и ярость в русло религиозного экстаза. «Дневник Марины Мнишек» среди прочего упоминает и о том, что в годовщину убийства самозванца и московской резни узники молились в течение сорока часов и, бичуя себя, просили Бога об освобождении.

Умственные занятия являлись неотъемлемой частью повседневной жизни польской аристократии того времени, и порой даже обед или прием в доме магната не проходил без ученых бесед и дискурсов, прежде всего поддерживаемых знающими духовными особами. Несколько самборских монахов-бернардинцев после убийства самозванца пребывали под арестом на посольском дворе в Москве, и один из них, отец Павел Ленчицкий, предложил заняться переводом знаменитой в то время книги итальянского иезуита Джованни Ботеро «Всеобщая география» на польский язык: это было поистине энциклопедическое издание в пяти частях, содержащее в том числе и первое статистическое описание Польши. Почти все образованные узники, включая и самого посла пана Николая Олесницкого, разделили между собой этот ученый труд

¹⁰ *Petrycy S. Horatius Flaccus w trudach więźnia moskiewskiego. 1609. Kraków, 1914. S. 12.*

и сообща выполнили перевод, который был издан в Польше в 1609 году, а затем переиздан еще два раза. Примечательно, что пятая часть книги, в которой описаны народы Нового Света и история их крещения в католическую веру, посвящена Павлу Мнишку, луковскому старосте и племяннику сандомирского воеводы, образованному молодому человеку, который наряду с Оленицким финансировал издание перевода. Такое посвящение выглядит весьма символично: оно наталкивает на определенную аналогию с семьей Мнишек, желавшей открыть для Европы и западного просвещения своего рода Новый Свет — Московское государство.

Вполне возможно, что чем-то подобным было занято время и ярославских узников, однако не следует забывать: главной их страстью оставалась большая политика, от которой напрямую зависела дальнейшая судьба. Пережитые потрясения и неурядицы сильно ожесточили как Марину, так и ее отца, и они априори были готовы на многое ради отмщения прежних обид. Пану Юрию, обладавшему неиссякаемым запасом всяческих ухищрений, удалось преодолеть внешнюю изоляцию, прежде всего при помощи подкупа приставов, благодаря чему стало возможно тайно переправлять в Польшу письма, а также получать известия из внешнего мира. Вероятно, польские пленники встречали и искреннее сочувствие со стороны охраны, которое было связано в том числе и с нелюбовью к царю Василию Шуйскому, и с надеждами на «возвращение» Дмитрия. В «Дневнике Марины Мнишек» упоминается о некоем приставе Афанасии, который «всегда относился дружелюбно и сочувственно, обычно исправно присылал пищу и был к нам необыкновенно привязан» (факт этот позволил позднейшим российским романистам создать легенду о том, что он без памяти влюбился в сверженную царицу). В свою очередь Мнишек старался поддерживать видимость своего дружеского расположения к охране и время от времени приглашал приставов и стрельчих голов к себе на обед, неизменно извлекая пользу из таких встреч в виде сообщаемых ему известий, которые, однако, порой носили весьма фантастический характер (например, о том, что его супруга пани Ядвига подступила к Москве с двадцатью тысячами войска).

В сущности, соблюдая только видимую строгость, на деле охрана не обеспечила информационную изоляцию пленников, а сандо-

мирский воевода не устал писать в Польшу, прося о помощи некоторых магнатов и «воскрешая» Дмитрия. В Несвижском архиве князей Радзивиллов историк Н. И. Костомаров обнаружил «целую кучу» (как он выражается в своей «Автобиографии») писем Мнишка к одному из представителей этого рода, по словам историка, «написанных бледными чернилами и крайне неразборчивым почерком» (это был один из тех редких случаев, когда пан Юрий собственноручно брался за перо из соображений секретности) и относящихся к периоду его пленения. Несомненно, подобная корреспонденция была куда более обширна, и со временем очередные открытия в архивах должны сказать нам об этом гораздо больше.

Особенно интересен в плане освещения пребывания Мнишков в Ярославле «Дневник» доктора Себастьяна Петрици, о существовании которого личный врач воеводы упоминает в своем письме к князю Николаю Кристофу Радзивиллу осенью 1607 года, отмечая при этом, что, будучи отпущен на родину раньше патрона, вынужден был оставить свои записки у кого-то из пленных поляков в Москве, опасаясь обыска и изъятия этих бумаг¹¹. Остается только мечтать, что манускрипт этот будет обнаружен и станет ценным подарком для историка Смуты. Но из периода нахождения семьи царицы в Ярославле до нас дошел другой любопытный документ, названный Костомаровым «Мемориалом Мнишка», — целый политический трактат, обращенный к королю Сигизмунду III и написанный в манере пана Юрия последовательно и лаконично. В нем воевода по пунктам излагает свои взгляды на произошедшие в Москве недавние события, которые вельможа называет «московской революцией», призывает короля помочь польским пленникам, находящимся в российском заточении, а также поддержать «царя Дмитрия», доказывая выгоды таковых действий для Речи Посполитой. Вероятно, этот документ широко разошелся по королевству, поскольку и был для этого предназначен: один из его списков (к сожалению, неполный) сохранился в той части архива Мнишков, который находится ныне в Национальной библиотеке имени Оссолинских во Вроцлаве (именно с него нами выполнен перевод данного

¹¹ Maciejowski W. A. Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Warszawa, 1852. Т. 3. S. 226.

исторического свидетельства эпохи Смуты, изложенный в настоящей книге).

Этот документ с полным названием «Напоминание и причины, представленные его милостью паном воеводой сандомирским его королевскому величеству в целях освобождения из тюрьмы его милости пана воеводы и польских послов» призван был не только убедить короля в необходимости помочь вельможной фамилии, которая прежде предала его и которую монарх не горел желанием спасти, но и пробудить патриотические и религиозные чувства польского дворянства, с которым Сигизмунд III в конечном итоге вынужден был бы считаться. Исходя из содержания, «Мемориал» был написан весной 1608 года и переправлен в Польшу скорее всего так же, как и дошедшие до нас письма к королю послов Н. Олесницкого и А. Гонсевского из московского плена: через тайных посланцев в зашифрованном виде¹². Хотя в его строках порой чувствуется горечь отчаяния; не зная, что ждет его самого и семью завтра, пан Юрий полон очередных идей касательно уже «воскресшего» к тому времени зятя и предстоящего русско-польского союза. Из этого документа, на наш взгляд, выразительно следует и то, что Мнишек имел непосредственное отношение к появлению второго самозванца и, возможно, уже тогда состоял с ним в переписке (первое письмо Тушинского вора к «тестю», опубликованное в «Собрании государственных грамот и договоров...», датируется 27 января 1608 г.). Обращаясь же к королю, воевода пытался понять, как монарх отреагирует, «если Господь Бог даст царя Дмитрия», тонко намекая, что в его глазах идущий на Москву во главе вооруженных отрядов самозванец уже таковым является. Пан Юрий убеждал Сигизмунда и в том, что наиболее политически верной формулой в отношении «спасенного царя» будет «братство–договор–союз», поскольку это обезопасит Речь Посполитую от враждебных соседей. «Сам по себе крепкий союз с наследственным государем — вещь немалая против татар, турок и любого неприятеля!» — восклицает Мнишек в этом обращении. Будучи тонким психологом, имея особый подход к каждому политическому оппоненту, сандомирский воевода пытается играть на религиозных чувствах короля: «Обычай и обязанность христианских государей спасти тех, кто терпит угнетение за католиче-

---

¹² См.: Эйльбарт Н. В. Смутное время... С. 101–121.

скую веру», — пишет он в «Мемориале», представляя себя и своих спутников именно в «мученической» ипостаси за веру и «общественное благо», и далее добавляет: «Справедливо также вспомнить ожидания всего христианства, дело святого отца для сохранения целостности христианства и распространения католической веры. Воскресить все это — в руках его королевского величества и Речи Посполитой. Редкий случай для всего христианства и святой веры, пренебречь им сейчас означает великое бесславие». По его словам, ради этих святых целей польские пленники готовы пожертвовать собой: «Пусть нам придется напрасно умереть здесь в тюрьме или же погибнуть иной позорной смертью, однако же его королевское величество не должен упускать великолепного случая способствовать общественному благу и славе».

Мнишек пробует задеть и родственные чувства короля, или по крайней мере намекнуть ему на официальный предлог для поддержки «спасенного Дмитрия», отмечая, что в московском плену по вине Шуйского умер принц Густав Ваза, хотя и нелюбимый кузен Сигизмунда, но все же член монаршей семьи¹³. Далее лукавый пан Юрий пытается убедить монарха в том, что только при помощи «Дмитрия» возможно присоединение к Польской Короне Северского княжества (хотя по тайному договору с Лжедмитрием I его как раз должен был получить сам сандомирский воевода), а также как бы между строк переходит к тому, что ждет короля в случае отказа от его «напоминаний» освободить польских пленников. «Ingratia Patria vale»¹⁴, — восклицает он на латыни, «отчаяние приводит к удивительным вещам», и эти слова становятся в последующем его девизом, когда Мнишек делает все возможное, чтобы лишить Сигизмунда трона, невзирая на реки польской крови, которые должны пролиться во имя его амбиций. Итак, предлагаем читателю полностью ознакомиться с текстом «Мемориала», представляющим собой весьма любопытный памятник эпохи.

¹³ Густав Эрикссон Ваза (1568–1607) — сын свергнутого шведского короля Эрика XIV и его морганатической супруги Карин Монсдоттер. Изгнанный из Швеции, он некоторое время скитался по Европе, приглашен в Россию Борисом Годуновым в качестве жениха царевны Ксении, однако после изменения политических планов царя насильно удерживался в России, где вскоре умер.

¹⁴ Прощай, неблагоприятная Родина (лат.).

Напоминание и причины,
представленные его милостью паном воеводой
сандомирским его королевскому величеству
в целях освобождения из тюрьмы
его милости пана воеводы и польских послов

[Часть I]

Напоминание об обидах,
кои Речь Посполитая и его королевское величество
претерпели от московского народа

1. После отъезда [московского посла] в Корону и к его королевскому величеству (о чем знала вся Московская земля), познавши дружбу, получив петицию, именем его королевского величества и Речи Посполитой на свадьбу и коронацию [в Москву] отправили послов его королевского величества, то есть его милость пана [кастеляна] малогоского и пана старосту велижского, кои конечно имели глейт¹⁵ и сопровождение от знатнейших московских господ со всяческими обещаниями безопасности. Пренебрегши сим их нимало как два года держали в тюрьме с постоянной опасностью для здоровья, вконец моря голодом, и держат до сих пор, вопреки праву всех народов, вопреки мирному договору, заключенному с Польским королевством.

2. Уверив [в безопасности] тех, кто под защитой посольского глейта, собственных грамот его королевского величества и Речи Посполитой [прибыли на свадьбу]: управителей и ближних слуг его королевского величества, людей шляхетского достоинства, из благородных фамилий, притом многих купцов, которые ни о какой измене не помышляя, приехали сюда свободно, — [москвитяне] заключили в тюрьму. Все они чуть ли не дочиста ограблены; других, заверив присягой и под этим предлогом забрав оружие, подло перебили, а трупами убитых кормили псов.

3. Также и другого сенатора польской короны, его милость пана воеводу сандомирского, со многими почтенными людьми духовными и светскими, управителями, старостами, секретарями и ближними слугами его королевского величества, со многими другими из благородного шляхетского сословия почти со всех уголков Польской Коро-

---

¹⁵ Глейт — охранная грамота.

ны, [москвитяне] выманили через своего посла под предлогом дружбы и союза с Польским королевством, прося об этом публично его королевское величество и сенат. Также [поступили] и с самим его милостью паном воеводой, к которому по этому же вопросу был особый посол и грамоты от господ думных [бояр], кои еще находятся в руках его милости [воеводы]. Получив сие при позволении его королевского величества и их милостей господ сенаторов, свершив свадебный обряд, всенародно принеся присягу дочери его милости пана воеводы как своей государыне здесь же в Москве, на всех вышеупомянутых [москвитяне] насильно набросились, безо всякого объяснения причины, чиня явный разбой, нападая на дома, дочиста грабя, многих вероломно убили, [ранее] присягнув [сохранить им жизнь]. Пообещав безопасность, остальных бросили в тюрьму и так без малого два года держат в заточении, моря голодом и мучая различными напастями вопреки всем правам и договорам, особенно с Короной и его королевским величеством.

4. У людей столь почтенных, представляющих Речь Посполитую и его королевское величество, а также у разных [иных] лиц отобра- ны и оглашены письма его королевского величества и других монархов.

5. Богохульство оскорбляет более, нежели собственная обида или обыденная светская. Капеллана и секретаря его королевского величества¹⁶ убили возле алтаря, святую жертву отобрали, других [священнослужителей] раздели и ободрали донага, дозволив и уверив [прежде], что богослужения будут отправляемы безопасно.

6. [Москвитяне] клеветают на его королевское величество, на Польскую Корону, на их милостей господ послов, на пана воеводу и на весь народ польский, якобы [помышлявших] об уничтожении их веры, так и о грабеже и даже о насильственном захвате Московского царства под предлогом приезда на свадьбу.

7. Также нанесение обиды его величеству царю Дмитрию, учинившему родственный союз с польской короной, по совету, воле, участию и помощи его королевского величества; заключившему частным образом особые пакты с его милостью паном воеводой, направленные к выгоде Речи Посполитой, является оскорблением Республики и его королевского величества. Справедливо спасти страждущего [Дмитрия], если Бог сохранил его [живым и] здоровым, а тем паче уже связанного [с Польшей] дружбой, к тому же это может послужить к немалой

¹⁶ Речь идет о ксендзе Франциске Помасском.

общественной пользе, и тем более, когда наследственный государь страдает от изменников и клятвопреступников.

8. Также [нанесена] общая обида для всех монархов, каждому из них своя, но более всего следующим. Несколько лет здесь находятся в задержании испанцы, а именно один значительный человек из орденa с[вятого] Августина, который с важными делами от С[вятого] Отца и испанского короля, весьма полезными Церкви Божьей, ехал из Индии и Персии и иных тамошних стран, в коих пребывал несколько лет. Получив охранную грамоту от москвитян, имея охранные грамоты и письма папы и многих королей, возвращаясь посланцем к Святому Отцу из тех краев, он дочиста ограблен и брошен в тюрьму. Этот испанец не открывает тех дел, которые имеет in secretoria¹⁷, и упаси Боже нам умереть в этой тюрьме, сие было бы великой утратой для Церкви Божьей¹⁸. Есть и немцы. Есть итальянцы, кои терпят те же oppresia¹⁹, что и наши. Также сие недавно постигло некоего шведа Густава, который умер тут в тюрьме перед Пасхой, во время прошлого поста 1607 года.

9. Слышно и то, что по наущению и вознаграждению «Принципала изменников», татарское, а также шведское войско вторглось в Польшу, о чем есть слухи между самими же противниками.

Итак, если бы все это Речь Посполитая и его королевское величество могли признать и [решить]: либо сомневаться, либо обсуждать [дело], то сомневаться в сем не стоит. Речь Посполитая должна защищать свою целостность, особа его королевского величества — свой царственный престол, соблюдение прав и внешних договоров, дабы для всех общественное право в государстве оставалось нерушимо; если Речь Посполитая [хочет отомстить за] своих оскорбленных сенаторов и послов, и ограбленных подданных, убитых, брошенных в тюрьму, а государь [за] своих ближних слуг, оскорбленных капелланов, [то] должно все это учесть. Наконец, если в этом сомневаться, то надобно пренебречь славой и обязанностью государева престола. Нет ни одного столь грубого и примитивного народа, который не принял бы это во внимание.

---

¹⁷ В секрете (лат.).

¹⁸ Речь идет об испанском миссионере Николае де Мело. Согласно «Дневнику Марины Мнишек», он тайно пересылал Юрию Мнишку письма в Ярославль из Ростова, где был заточен в Борисоглебском монастыре, и сообщал о себе и о последних событиях в Московском государстве.

¹⁹ Притеснения (лат.).

[Часть II]

Некоторые причины, по которым Речь Посполитая и его королевское величество должны справедливо стараться о спасении своих [граждан], здесь задержанных

1. Их милости господа послы приехали сюда от имени Речи Посполитой и его королевского величества, представляя собой его особу, отправленные от Речи Посполитой и его королевского величества, поэтому что бы они ни вытерпели — все это ради Речи Посполитой и его королевского величества. И поскольку те, кто приехали, страдают, посему также справедливо, чтобы Республика и его королевское величество старались об их освобождении. И пока они и те, что с ними, не на свободе, до тех пор Речь Посполитая и его королевское величество терпят неуважение и обиду.

2. Его милость пан воевода также при позволении его королевского величества и по совету сената заключил брачный договор своей дочери с его милостью царем и после, будучи весьма болен, прежде всего заботясь об общественном благе, нежели усматривая собственную выгоду, не хватаясь за это счастье и конечно его опасаясь (о чем он говорил publice²⁰), отправился [в дорогу] со своими [людьми].

3. Дело их милостей господ послов и его милости пана воеводы едино, тогда как к этому договору, который заключил его милость царь с паном воеводой, то есть о свадьбе и коронации и решении других дел к выгоде Речи Посполитой, даны были их милости господа послы, дабы сообща служить к добру и пользе Речи Посполитой.

4. Об обиженных и задержанных купцах. Любой монарх и любое государство говорит [о таковом] и тем, чем может, [помогает] в деле их освобождения и награды. Не годится молчать, когда оскорблено и задержано так много купцов, некоторых приближенных слуг его королевского величества и так много добродетельных людей шляхетского достоинства, секретарей, управителей, старост, наконец, два великих сенатора, [и] послы, представляющие собой особу его королевского величества. И если не для общественного [блага] Республики о том следует позаботиться, то [принимая во внимание] *Crimenlaesae Majestatis, lesae senatoriae dignitati*²¹. Таким образом [ради] *fidei publicae*²² не годится молчать о нарушении свободы, прав, мирного договора.

²⁰ Публично (лат.).

²¹ Оскорбление монаршего престола и senatorского достоинства (лат.).

²² Общественного доверия (лат.).

[Польская] Корона никогда не прощала захват крепости или нарушение границ, посему одна крепостица не должна быть дороже столь многих почтенных людей, кои являются гражданами Речи Посполитой.

5. Кому как не государю подобает говорить об обиде подданных; о насилии же над посольством, оскорбленном сенате, нарушении мирного договора — [кому как] не Речи Посполитой. Обязанностью всякого христианина является спасти тех, кто находится в какой-либо опасности для здоровья, но более из соображений справедливости государю и Речи Посполитой [следует] спасти своих подданных и граждан.

6. Гарантийная [грамота], или глейт, всем тем, кто приехал сюда, была не от частного лица и не являлась тайной, но публичной посольской *Authoritas Patenti*²³. Все это является неременным поручительством от Речи Посполитой и его королевского величества тем, кто оказался здесь брошенным в тюрьму.

7. Представляется великолепная возможность для возвращения всего того, что отпало от Короны, либо того, на что Корона имеет право, посему и для расширения государства. Сам по себе крепкий союз с наследственным государем — вещь немалая против татар, турок и любого неприятеля!

8. Как из этого вытекает великая надежда к пользе Речи Посполитой, так при пренебрежении таковым [следует] великая беда и ущерб, засим и самой славе, которая прежде у польского народа оставалась нерушимой. Всему миру известно, что происходило в Кракове, так как во время этого акта присутствовало много иноземных господ послов. Что они скажут, если здесь, где произошла явная и великая обида, [у Польши] не будет никакого преимущества? Кто потом выберет службу в посольствах Речи Посполитой? Какой авторитет потом будут иметь письма его королевского величества? А те фамилии, чьи родственники здесь убиты, ограблены, брошены в тюрьму, в какой великой скорби должны оставаться? Не следует пренебрегать и отчаянием (которое приводит к удивительным вещам), дабы кого-нибудь, упаси Бог, не подвигло к чему-либо такому, о чем Отчизна будет сожалеть, если забытому в этой тюрьме придется сказать: «*Ingratia Patria vale*». И уже немало их перебежало, как у панов послов, так и у нас! Также следует принять во внимание и то, что после освобождения отсюда каждый из нас желает быть обязанным Отчизне, нежели кому-то еще. Да и та измена, которая учинена его королевскому величеству и которая пошла из Польши от русских духовных лиц, является великой причиной сего столь значи-

²³ Государственной охранный грамотой (лат.).

тельного оскорбления для польского народа со стороны Москвы²⁴. Если его королевское величество оставит нас здесь, то не столько похоронит нас, сколько (от чего Боже упаси) сохранит на погибель Речи Посполитой во второй раз. Не менее правильная вещь, дабы добились справедливости у его королевского величества и Речи Посполитой от изменников те, кои по их делам с недругами Короны потеряли имущество, свободу и здоровье. Справедливо прибавить к этому ущерб, связанный *in foro Dei*²⁵, добрая совесть не позволит замалчивать Божью обиду, которая [нанесена в лице] капелланов, и об обидах Речи Посполитой, и о столь многих убитых и брошенных в тюрьму.

9. Справедливо и то, чтобы его милость царь нашел спасение от изменников в соседнем государстве, хотя бы по одной причине: ради христианского братства. Тем более, когда он прибегнет к защите Польского королевства. Итак: братство — договор — союз.

10. Обычай и обязанность христианских государей спасать тех, кто терпит угнетение за католическую веру. Примерами служат короли испанский, португальский и пр. А здесь, как признают и сами изменники, его милость царь и все мы страдаем за католическую веру, несмотря на то, что они возводят неслыханную клевету на Божью Церковь и пишут об этом по своему государству. Если дело дойдет до того, что [сюда] подойдет польское войско, его королевское величество подвергнет нас опасности, но то же самое будет, если он [от сего] отступится. Пусть нам придется напрасно умереть здесь в *тюрьме*²⁶ или же погибнуть иной позорной смертью, однако же его королевское величество не должен упускать великолепного случая способствовать общественному благу и славе. К тому же они, имея гражданскую войну, разбежались во все стороны, и быстрее дали бы склонить себя ко всему, но не иначе, как узрив [польскую] армию. В противном случае они будут затягивать [переговоры], задерживать послов, по обыкновению лицемера и творя измену.

11. Справедливо также вспомнить ожидания всего христианства, дело святого отца для сохранения целостности христианства и распространения католической веры. Воскресить все это — в руках его королевского величества и Речи Посполитой. Редкий случай для всего христианства и святой веры, пренебречь им сейчас означает великое бесславие.

12. Если этим заговорщикам посчастливится и тем самым истинный государь не получит помощи от Короны. Во-первых: будем ли мы

²⁴ По-видимому, Мнишек имеет здесь в виду православных иерархов Речи Посполитой, отказавшихся от вступления в унию.

²⁵ С богоухульством (лат.).

²⁶ Это русское слово записано в документе латинскими буквами.

в таком случае правы перед Господом Богом, церковью и всем христианством, а потом и перед своими, оставленными [в плену соотечественниками]? Во-вторых, что за *taedera*²⁷: Корона будет заключать договор с теми людьми, кои показывали и теперь показывают явную измену. Определенную помощь от них (как от подобных себе [изменников]) будет иметь Карл Сюдерманский²⁸, тем более что и сейчас при помощи их привел войско [в Инфляндия]. И если он еще и далее учинит с ними какой-либо договор за деньги, либо союз, либо [получит от них в дар] земли, которые сам не может занять, то этим весьма затруднит дела его королевского величества. [Потеряна] Швеция, затем Инфляндия, а о Северной земле [можем] даже не думать. И конечно же, при первой возможности [москвитяне попытаются] возвратить то, что утратили во время войны со славной памяти королем Стефаном. Посему, если сейчас мы оглядываемся на расходы и *impensi*²⁹ на войско, то к этому придет. А если Московия сама будет пребывать в мире, то потянет за собой других [соседей]. А такой надежды на приобретение [земель], как сейчас, [для Речи Посполитой] не будет никогда.

[Часть III]

Касательно спасения нас и его милости царя военными людьми

1. Если его милость царь имеет достаточно денег на польских людей, тогда трудностей нет. Сии средства, будь то при нем, будь то на стороне, могут принести спасение. И кажется, безопаснее бы было, чтобы [он получил таковую помощь] отдельно на нашей стороне. Сила бы здесь сейчас решила [все], когда [московское] войско разогнано.

2. Несправедливо было бы не принять во внимание значительное *accessio*³⁰ для Короны, возвращение Северского государства, предупреждение больших затруднений в будущем, спасение столь многих уважаемых людей, граждан королевства, поддержание славы польской [и] отмщение столь великих обид, потому как ранее считались и с меньшими причинами.

3. Когда его царская милость возвратится в государство, он имеет чем вознаградить траты, которые бы ради этого понесла Корона. Для

---

²⁷ Гнусность (лат.).

²⁸ Речь идет о дяде Сигизмунда III герцоге Карле Зюдерманландском, отнявшем у племянника наследственную шведскую корону.

²⁹ Издержки (лат.).

³⁰ Приращение (лат.).

сего Речь Посполитая наверняка могла бы [что-либо] заложить или же одолжить под какой-то залог, или воспользоваться помощью с[вятого] отца, будь то посредством его милости царя или же иным способом. Его царская милость мог бы *de facto* предоставить Короне обязательства или же как только овладеет государством, уступить [Речи Посполитой] определенные земли.

4. Его королевское величество владеет соляными копиями, таможенными, мытами и экономиями. Имея депозит, тем легче было бы спасти [царя], если бы на то была милость его королевского величества с оговоркой, что ему все это возвратится.

5. Их милостям духовенству в особенности надлежит заботиться о благе Церкви Божьей и о приобретении людских душ, и здесь на это будет великая надежда, если Господь Бог даст царя Дмитрия, дабы спасти заключенных, особенно тех, кто терпит угнетение от изменников и клятвопреступников во имя католической веры. Немало есть примеров святых людей, кои не только молились за спасение заточенных, но и сами садились в тюрьму...»³¹

Таким образом, еще задолго до своего прибытия в Тушинский лагерь семейство Мнишек «готовит почву» как в Польше, так и вообще в Европе к «официальному воскрешению» и признанию выкреста еврейского происхождения, которому довелось сыграть роль московского царя, и призывает поддержать его дело. По меткому выражению В. О. Ключевского, противники Шуйского «обратились к пану Мнишку в его мастерскую русского самозванства с просьбой выслать им какого ни на есть человека с именем царевича Дмитрия»³². Но еще до персонификации этого воскресшего призрака путешествующие по Европе в сопровождении своего воспитателя, доктора философии Симона Вендзицкого, средние сыновья сандомирского воеводы Николай и Сигизмунд в конце 1607 года являются перед очами римского папы Павла V и передают ему послание их матери, пани Ядвиги, в котором она сообщает святому отцу, что получила собственноручное письмо от Дмитрия и, следовательно, зять жив.

Здесь пришло время коротко сказать об этих молодых людях, которым отец постарался дать самое серьезное европейское образование и прочил им блестящую политическую и дипломатическую карьеру, которой, увы, не суждено было состояться.

³¹ BNIO, Rkps. 2686/II, k. 6–8.

³² Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2004. С. 333.

По-видимому, разница в возрасте между братьями была около года или двух, по крайней мере известно, что Сигизмунд Мнишек появился на свет в конце 1587 или в начале 1588 года, был крещен в Кракове, а его крестным отцом стал по просьбе пана Юрия сам новоизбранный король Сигизмунд Ваза, в честь которого и назвал сына ищущий расположения государя ловкий родитель. Николай и Сигизмунд начали свое образование подростками в Краковском университете, где их всячески наставлял и опекал родственник, в то время уже краковский епископ Бернард Мациевский. Но амбиции отца простирались столь далеко, что он надеялся сделать из юношей профессиональных политиков высочайшего класса, поэтому около 1600 года отправил их за границу, в Вюрцбургский университет, а затем благодаря деньгам воеводы его сыновья объехали почти все страны Европы, слушая лекции в университетах и академиях Германии, Франции и Италии.

В течение долгих восьми лет братья провели в путешествиях, изредка заглядывали в родительский дом и скорее всего не посвящались паном Юрием в дела с первым самозванцем. В то время, когда старший Мнишек, возглавив войско «царевича Дмитрия», отправился в Россию, Николай и Сигизмунд учились в Париже, постигая философию и теологию в самом известном подразделении Парижского университета — Наваррском коллеже, где одновременно с ними овладевал науками их ровесник — герцог Арман дю Плесси, известный истории как знаменитый первый министр Франции кардинал Ришелье. О незаурядных успехах воеводичей свидетельствуют четыре опубликованных на латинском языке политических трактата, и тем более примечательно, что они были написаны в самом верноподданническом духе по отношению к королю Сигизмунду Ваза и наверняка призваны были доказать ему преданность семьи трону. Пан Юрий финансировал издание этих книг в Париже и, конечно же, стремился убедить государя в том, что Мнишки всецело разделяют политику короля и видят в качестве его наследника только сына, королевича Владислава, не допуская передачу престола кому-либо еще.

Осенью 1604 года Николай Мнишек опубликовал свою речь, произнесенную на ученой дискуссии студентов коллежа, где рассмотрел текущие взаимоотношения Польши и Турции³³, посвятив ее «не-

---

³³ *Mniszek M. Invictissimo ac potentissimo Sigismundo tertio Regi Poloniae Nicolaus de Magna Concice Mnischek Palatinidae Sandomiriensis. Parisiis, 1604.*

победимейшему и сильнейшему Сигизмунду Третьему, королю польскому». Не отставал от брата и Сигизмунд Мнишек: на вышеупомянутой дискуссии он выступил с характеристикой важного политического события в тогдашней Европе — Лондонского мирного договора, заключенного в августе 1604 года в Сомерсет-хаусе между английским королем Яковом I, с одной стороны, и испанским королем Филиппом III и его наместником в Нидерландах эрцгерцогом Альбертом Австрийским — с другой. По сути это был мир между католиками и протестантами, сделавшими уступку своим религиозным убеждениям во имя экономических выгод³⁴. Юный Мнишек посвятил данную речь «наияснейшему принцу Владиславу, сыну могущественнейшего и непобедимейшего Сигизмунда Третьего»: кажется, в семье тогда еще рассчитывали на то, что в свое время Владислав будет царствовать, и посвятивший ему речь аристократ обратит на себя внимание наследника, что поможет его карьере³⁵.

Неизвестно, присутствовали ли братья Мнишек в Кракове во время заочного обручения Марины с царским послом, скорее всего, столь знаменательное событие требовало, чтобы вся большая семья собралась вместе. В то время, когда свадебный поезд московской царицы направился на восток, ее братья вернулись в Париж и уже в апреле каждый опубликовал по небольшой политической речи, вероятно не без указания отца, пытавшегося в то время отвести от себя подозрения в измене королю и в желании возвести на польский трон Лжедмитрия I. Сигизмунд Мнишек посвящает самые напыщенные строки королевичу Владиславу, давая ему советы касательно будущего правления Польшей, развивая свои рассуждения в духе 71-го псалма Давида, гласящего: «Боже! Даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, да судит праведно людей Твоих и нищих Твоих на суде; да принесут горы мир людям и холмы правду; да судит нищих народа, да спасет сынов убогого и смирит притеснителя, и будут бояться Тебя, доколе пребудут солнце и луна, в роды родов»³⁶.

³⁴ В данной речи также упомянут и «турецкий вопрос».

³⁵ *Mniszek Z. Serenissimo Principi Ladislao Potentissimi ac Invictissimi Sigismundi tertii Dei Gratia Regis Poloniae et Sueciae, Magni Ducis Lituaniae, Russiae, Prussiae etc. Filio, Suecorum, Gottorum, Vandalorumque haeredi, Domino suo clementissimo Sigismundus de Magna Concice Mnischek Palatinidae Sandomiriensis. Parisiis, 1604.*

³⁶ *Mniszek Z. Oratio suassoria Sigismundi de Magna Concice Mnischek, Palatinidae Sandomiriensis ad Serenissimum Principem Vladislaum Regis Poloniae et Sueciae Fil-*

Появление этого небольшого произведения свидетельствует о том, насколько дальновидным и осторожным политиком был сандомирский воевода, насколько он мог учитывать многие обстоятельства и условия, прежде чем сделать какой-либо шаг. В это же время Николай Мнишек выступает с печатной речью, посвященной польскому государю, под названием «О продолжении польской войны с Карлом Зюдерманландским, шведским узурпатором», в которой выражает поддержку монаршим намерениям продолжить вести борьбу с дядей, захватившим шведскую корону³⁷.

Скорее всего, средние сыновья сандомирского воеводы находились во Франции, когда произошел московский переворот и убийство самозванного Дмитрия, и довольно скоро их мать Ядвига Мнишек использовала знакомство детей с европейскими дворами для того, чтобы распространить известие о «спасении» зятя. До нас дошли портреты молодых людей, представленные в настоящей книге и происходящие из фамильной галереи Мнишков в Ляшках Мурованых. Николай Мнишек изображен статным юношей крепкого телосложения с лихо закрученными усами и по старопольскому обычаю завитым чубом, внешне очень напоминающим батюшку в молодости. Сигизмунд — хрупкий молодой человек болезненного вида, одетый в немецкий костюм, с правильными чертами лица и большими темными глазами, лицом схожий со своей царственной сестрой. Николаю и Сигизмунду не суждено было дожить и до тридцати лет, оба воеводича скончались раньше своего отца, повторяя в этом судьбу старшего брата Яна Стефана. Польский гербовник Каспера Несецкого упоминает, что Сигизмунд был женат на девушке из магнатского рода Оссолинских, происходящего из Сандомирского воеводства, дочери книшинского старосты, и имел от нее сына Яна, в последующем носившего титул жидачевского подстолия (скорее всего, на нем и пресеклась эта ветвь рода Мнишек).

После появления на политическом горизонте новой ключевой фигуры в политических шахматах — Тушинского вора (однако еще до прибытия к нему Мнишков) благодаря друзьям и родственникам

---

ium, De VVladislao Principe in Regem Poloniae inaugurando. Deus iudicium tuum regida, & iustitiam tuam filio Regis. Psal. 71. Parisiis A. D. 1606.

³⁷ *Mniszek M. Oratio Nicolai de Magna Concice Mniszek Palatinidae Sandomiriensis exercitatoria: An Poloni bello persequantur Carolum Sudermannum Sueciae usurpatorem. Parisiis A. D. 1606.*

задержанных свадебных гостей, в Польше формируется своего рода «общественное мнение»: необходимо наказать поступки восточных соседей и отомстить за их вероломство. Произведения авторов, переживших московский плен, полны призывов и весьма нелестных характеристик «москвитян». Здесь уже и речи нет о «вечном мире» и «славянском братстве»: только «погибель изменников» может искупить смерть соотечественников. В произведении краковского купца Себастиана Лиффтеля «Московские празднества» (1607) русские названы «потомством злого Гериона» — античного чудовища, владевшего огромными количествами золота и серебра. Согласно популярной в Европе «Генеалогии Богов» Джованни Бокаччо, Герион «кротким лицом, ласковыми речами и всем обхождением улеживал гостей, а потом убивал доверившихся его радушию», Данте же в «Божественной комедии» ставил его стражем восьмого круга ада в качестве «символа омерзительного обмана». В таком свете виделась автору «Московских празднеств» суть произошедших событий, которые, однако, не были единственными в своем роде в истории (вспомним хотя бы избиение гостей-гугенотов на свадьбе Генриха Наваррского и Маргариты Валуа, о которых Лиффтель, разумеется, умалчивает). К мести призывал и доктор С. Петрици в произведении «Гораций Флакк в переложении московского пленника» (1609), открыто без обиняков предлагая поддержать Дмитрия против изменников во главе с Шуйским. В предисловии к означенному выше переводу «Всеобщей географии» Ботеро бернардинский монах Павел Ленчицкий рассказывает о чудесном «пророческом» сне, который видел в Москве Павел Мнишек, кузен Марины, и которым счел нужным поделиться с соотечественниками. Молодому человеку якобы привиделось, что двуглавый московский орел падает на землю под натиском других птиц, и Ленчицкий трактует пророчество следующим образом: «Недаром таковые видения являлись перед сборами у испанцев в Новом Свете и сбудется сей сон, посланный вашей милости Богом»³⁸. Примечательно, что многие авторы такого рода произведений оплачивались и публиковали свои сочинения на деньги либо семьи Мнишек, либо посла Николая Олесницкого, родственника вельможной фамилии, женатого на кузине Ядвиги Мнишек Маргарите Тарло и принимавшего участие в делах первого

³⁸ Цит. по: *Tazbir J. Recepcja polskiego przykłądu Relazioni universali // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1990. 35/2–3. S. 211.*

самозванца, а впоследствии поддержавшего дело Тушинского вора, получив от него жалованную грамоту на город Белую.

Семейство Мнишек и Олесницкий щедро оплатили бойких работников пера — от «антимосковской пропаганды» зависело их освобождение из плена: антирусские настроения сената и депутатов сейма должны были повлиять на Сигизмунда и заставить его быстрее пойти на переговоры с Шуйским. Когда же пленников наконец освободили, и, по условиям перемирия 1608 года между Московским государством и Речью Посполитой, они обязаны были отправиться домой согласно давно уже задуманному Юрием Мнишком плану, разделяемому Олесницким, необходимо было добиться того, чтобы польский король объявил России войну. В конце 1608 года тушинские поляки находились в таком положении, что, ожидая шведских наемников царя Василия, весьма опасались за дальнейшую судьбу лагеря. В подобной ситуации необходима была, и Мнишек это хорошо понимал, некая третья сила, которая бы смогла наконец уничтожить «милого пана Шуйского» (как называл его в своем кругу Олесницкий), — это польская коронная армия. Но чем дальше, тем больше сандомирский воевода осознавал (видя равнодушную реакцию государя на написанный им «Мемориал»), что Сигизмунд не будет поддерживать самозванца, не удовлетворится Смоленском или Северским княжеством: ему нужна русская корона. В такой ситуации дочь Марина могла получить от государя в лучшем случае обещанное Лжедмитрием I приданое: Новгород и Псков, но, скорее всего, и эти княжества были бы заменены для нее староством в пределах Речи Посполитой. Однако пан Юрий надеялся, что ему удастся переиграть политически близорукого короля.

Как нередко до этого в своей политической биографии, Мнишек одновременно реализует несколько комбинаций и предстает на политической арене во многих образах. Взяв в Тушино гарантийную грамоту самозванца на триста тысяч рублей и предложив дочери играть роль любящей супруги (хотя, безусловно, Марина и сама понимала необходимость такого шага ради возвышения семьи), в течение почти пяти месяцев воевода оставался под Москвой, что вызывало насмешки в лагере регалистов, в том числе и иронию самого Сигизмунда. «Мнишек сидит в Тушино и ждет у моря погоды», — говорил король о почтенном сенаторе. Но положение под Москвой становилось все более сложным и 17 января 1609 года пан

Юрий покидает лагерь, дабы участвовать в заседаниях сейма в Варшаве и перейти к реализации следующей партии игры.

Склонить парламент к войне с Шуйским, еще более подогреть честолюбивые намерения Сигизмунда, заставить его увязнуть в войне с Россией, а тем временем, пользуясь отсутствием государя, лишить «шведа» трона — вот его дерзкая цель. Мнишек заявляет королю частным образом, что в Тушино находится не «спасенный царь», а самозванец, который, по-видимому, вследствие своего происхождения якобы готов удовлетвориться малым и довольствоваться милостью его величества. О самозванстве Лжедмитрия II открыто заявляет на сейме и Олесницкий, призывая Сигизмунда, сенат и сейм воспользоваться смутой в Московии. Но польское дворянство не так легко склонить к войне: шляхтичи не спешили покидать свои имения и многие представители этого сословия вообще не выезжали далее близлежащих городов и весей. И здесь мы видим пример довольно грубой и примитивной пропаганды, которая должна была пополнить ряды нелюбящих Россию и желающих отомстить за прошлые и настоящие обиды польского народа: 1 января 1609 года в Кракове издается весьма любопытное сочинение товарища Олесницкого по московскому плену, шляхтича Павла Пальчовского «Московская песнь». В то время регулярные газеты отсутствовали, и Пальчовский «от азов» разъяснял неискушенным шляхтичам-домоседам, почему Московское государство есть зло, почему русских нужно ненавидеть и зачем с ними необходимо воевать. Делается это довольно традиционным способом: от гротескного запугивания «страшным» восточным соседом до обещаний небывалых богатств и высокого положения для тех, кто пойдет против, по выражению автора, «наследственного врага», «московских каннибалов», «слабого и никчемного народа». Нарочитый пафос сочинения Пальчовского был столь примитивен, что искренность автора не представляется правдоподобной: он пытается играть общественным мнением польского дворянства, говоря ему о слабости «москвитов», а также, согласно задумке своего «благодетеля» Олесницкого, подогревает королевское честолюбие, чуть ли не возлагая на него на бумаге московскую корону. (О том, что бывший польский посол Николай Олесницкий являлся вдохновителем и «идейным руководителем» этого труда, свидетельствует то, что Пальчовский местами буквально цитирует его обвинения, содержащиеся в сохранившемся в Государственном архиве

Швеции документе «Ответ московским думным боярам на переговорах в Москве поданный»³⁹.)

Итак, Пальцовский начинает свое сочинение с урока элементарной географии, хвастаясь тем, что «проехал по России столько, сколько не составляет Польша и Литва со всеми провинциями» (хотя это утверждение выглядит неправдоподобным — все время своего плена он был на посольском дворе в Москве вместе со своим патроном Олесницким). Волгу (возможно, со слов содержащихся в Ярославле Мнишков или кого-либо из их спутников) он сравнивает с Индом или Нилом, восхищается «дивно урожайными» плодородными землями и чистым воздухом, где в отличие от Европы никогда не слышали о «моровом поветрии». Далее Пальцовский переходит к фантастическому описанию богатств московских царей, бесчисленной золотой посуды, виденной им на свадьбе «Дмитрия» и Марины, драгоценных одежд и мехов, затрагивает и особенное благосостояние Новгорода и его торговых людей, плативших ежегодную дань Великому княжеству Литовскому в размере ста тысяч червонных злотых.

После описания заманчивых перспектив владеть всем этим изложены и дополнительные причины, по которым необходимо завоевать московитов: «Нужно осадить их гордыню, улучшить веру и скверные обычаи». Несмотря на то что Московия богата, Пальцовский находит, что в ней «очень плохие государи, потому как [люди] не уверены в плодах своего труда и стараний, так как государь по своей воле у одного все заберет, а другому даст». Воплощением «скверных обычаев» русских служит прежде всего царь, чей собирательный образ в лице Ивана Грозного автор награждает столь живописными эпитетами, что они должны вызвать у читателей омерзение и презрение: «Это животное, пахнущее луком, водкой и потом, как несколько дней назад подошедший пес». Под стать царю и его народ, вероломный и жестокий: «Мы приехали, чтобы учинить с ними вечный мир против язычников и басурман, а они войско, которое должно было идти против варваров, обратили против нас. Можно ли найти народ хуже и изменчивее?»

Далее автор сочинения переходит к описанию «ничтожности» московитов, которая позволит полякам без труда «отомстить за невинно пролитую кровь» и завоевать их государство легче, чем испан-

---

³⁹ RaS. E-8596. P. 41–68.

цы и португальцы получили «Индию». «Своими собственными глазами, — пишет Пальчовский, — мы видели их великую слабость и никчемность в той гражданской войне, которую они ведут между собой. Как ничтожны люди, как безоружны, какие у них кони, какое оружие! У нас крестьянин приличнее идет в церковь, чем там каждый второй солдат идет на войну... Эта гражданская война весьма открыла перед нами их наготу». Московских стрельцов автор называет «русскими янычарами», по его словам, они только сидят без дела и играют в шахматы. К тому же все оружие и военные советники в России заграничные, и это дополнительный довод в пользу того, что сами москвиты ни на что не способны. Он поет хвалебную оду Юрию Мнишку и даже приводит письмо «одного знакомого французского дворянина», слышавшего об истории Лжедмитрия I и отметившего, что «этот ваш сенатор воистину доказал великую вещь».

Изображая путь Мнишка во главе войска самозванца как череду блестящих побед польского оружия, он делает следующий вывод: «Если один сенатор польского королевства смог посадить Дмитрия на это государство, так и далее его королевское величество со всей Речью Посполитой докажет, что сам может получить его». Безусловно, Пальчовский совершенно неискренен в своих оценках и призывах, ему, как человеку Олесницкого, было прекрасно известно, что польские вооруженные отряды при первом самозванце сыграли минимальную роль, которую более можно оценить как роль телохранителей, а не завоевателей. Обличая «ничтожность» восточных соседей и чрезмерно увлекшись их очернением, он неизбежно входит в противоречие с самим собой: возможно, даже у неискушенного читателя того времени, мало разбиравшегося в политике, истории и географии, возникал вопрос: почему «никчемный народ» владеет тем, что является предметом мечтаний для любого европейского государя, как смог он держать в страхе поляков при своих прежних правителях и почему сразу, осознав свою ничтожность, не падет к ногам Сигизмунда? «Мы их боимся, — признает Пальчовский, но тут же добавляет: — а они нас боятся еще больше». Почему москвитяне не просят милости у короля? Да потому что «боятся за свои прошлые поступки», королю же «они нужны менее, чем он им».

Автор не обходит своим вниманием и Тушинский лагерь, где к моменту публикации его произведения находились Мнишки и Олесницкий, призывая воспринимать тушинцев не как соперников, а как союзников короля, поскольку там «много добродетельных

людей, любящих отчизну», и эта фраза, на наш взгляд, выдает заказчиков данного сочинения, стоявших за спиной Пальчовского.

В завершающей части «Московской песни» бойкий «идеолог войны» живописует план устройства Московского государства после его присоединения к Речи Посполитой. Еще ранее он сокрушается, что в Польше порой «на одну деревню приходится несколько десятков претендентов». Нужно успокоить отечество путем раздачи шляхте московских земель на наследственном ленном праве, однако их в равной мере стоит пожаловать и русским, предоставив им «права и вольности», так как «общество, которое живет в справедливости, в мире и имеет достаточно хлеба, не может жаловаться и думать о бунте». Но прежде всего Пальчовский предлагает предоставить магдебургское право наибольшим русским городам, среди которых он называет Смоленск, Великий Новгород, Псков, Великие Луки, Ярославль, Казань и Астрахань, сравнивая их с прусскими городами Гданьском, Торунью и Эльблонгом, признающими верховную власть польских королей. Вольные города на русской территории, заселенные польскими колонистами по примеру португальских поселенцев в Мавритании, по мнению автора, удержат монарха от тирании и послужат гарантией прав и свобод в государстве. Итак, с присоединением Московии «падет Швеция» (т. е. власть над ней дяди Сигизмунда герцога Карла Зюдерманландского), будет наконец успокоена Лифляндия, а в Скандинавию граждане Речи Посполитой смогут «ездить посуху», так как большинство из них «непривычны к морским путешествиям». Если же упустить время и выжидать, «полагает» автор, то Москву вновь завоюют татары, и тогда Польша получит ужасное соседство. В довершение ко всему Пальчовский успокаивает совесть и развеивает сомнения православной части шляхты, уверяя ее словами своего патрона Олесницкого, что вовсе не грешно поднять меч против христиан, так как этот народ «недостойн называться христианским», и большими христианами являются даже жители Африки.

Представим на суд читателя весьма любопытный альтернативный польский проект, касающийся будущего России, составленный автором, скорее всего, во время ссылки в Ярославль: проект весьма осторожный и более близкий к политическим и историческим реалиям, без присутствующих у Пальчовского утрированных гротескных элементов, рассчитанных на неискушенного в политике «внутреннего потребителя» (к коим в некоей мере относился и сам

король). Но в нем имеются и некоторые предложения, близкие к приведенным в «Московской песне», например предоставление москвитянам «прав и вольностей», которыми издавна пользовались граждане Речи Посполитой. По-видимому, во время долгого задержания поляков в Московском государстве, вероятнее всего в 1607 или 1608 году, и рождается этот весьма любопытный план преобразования России, выдающий в авторе крупного политического деятеля, искушенного в европейской политике, обладающего богатым жизненным опытом и уверенного в цивилизаторской миссии западного христианства, могущего, с его точки зрения, открыть для поляков широкие перспективы службы в России.

Содержание данного документа передано Н. И. Костомаровым и С. М. Соловьевым с польского оригинала, хранившегося во второй половине XIX века в библиотеке им. Красинских в Варшаве и, скорее всего, утраченного во время Второй мировой войны. Он представляет собой ряд пронумерованных пунктов (вспомним, что для эпистолярного наследия Мнишка характерна такая особенность), в которых изложены причины необходимости европеизации России и предложены к этому оригинальные способы. Н. И. Костомаров считал, что проект этот принадлежал какому-то иезуиту и трактовал его исключительно с точки зрения угрозы «окатоличивания» и «полонизации» Московского государства происками Ватикана. Однако известно, что Рим был равнодушен к судьбе второго самозванца, для которого и предназначался документ, и проявлял к нему еще менее интереса, чем к его предшественнику. Проект мог выйти только из-под пера кого-то из близких польских сторонников Тушинского вора. К тому же в нем высказано столько озабоченности судьбой Марины Мнишек, что заставляет нас предположить: кому, как не ее батюшке, проект этот обязан своим появлением. К тому же некоторые фразы из цитированного нами «Мемориала Мнишка» полностью повторяются в «Проекте», поэтому сомнений в авторстве документа не остается⁴⁰.

Суть данного плана преобразований состоит в том, что в нем предлагалась тактика сближения Речи Посполитой и Московского государства в религиозном и культурном смысле, которое подвинуло бы их к слиянию в единое государство на основе не только личной, но и церковной унии. В этом отношении Мнишек не был

⁴⁰ Соавтором этого проекта вполне мог быть кардинал Бернард Мациевский.

одинок в своих взглядах: начиная со второй половины XVI века то с польской, то с российской стороны раздавались голоса политиков в пользу объединения, которое развязало бы гордиев узел противоречий между двумя монархиями и прекратило бы конфликты (в свое время появилась даже идея усыновления сына Ивана Грозного Федора Сигизмундом Августом, после смерти которого русский царевич становился бы польским королем, а в дальнейшем и московским царем, а также параллельный вариант унии — женитьба Федора на сестре последнего Ягеллона, принцессе Софии)⁴¹. Но все благие намерения разбивались о культурные и религиозные противоречия, и сандомирский воевода видел возможность их преодоления в унии православия и католичества, тем более что первый шаг к ней формально был уже сделан: официально православный царь женился на католичке.

В проекте Мнишек утверждает, что Московскому государству всесторонне выгодна уния с католической церковью, более того — это единственное средство сблизиться с Европой и стать не только равным, но и ведущим игроком в ее политике. Ведь немецкие курфюрсты погрязли в ереси и исповедуют протестантизм, и если в один прекрасный момент они изберут императором еретика-протестанта, римский первосвященник ни за что не признает это избрание и передаст корону Священной Римской империи принявшему церковную унию с католичеством московскому царю — «защитнику веры». «Кто знает, — пишет автор, — не наступило ли время, когда императорское достоинство, перенесенное при Карле Великом с востока на запад, будет перенесено с запада на север?» Итак, двуглавый орел Габсбургов уступает место московскому двуглавному орлу, а русский царь вполне легитимно получает титул императора, который невозможно не признать на Западе. Этот император, объединив католическую Европу, разгромит Турцию и тем самым не только спасет православных греков, пребывающих под гнетом османского ига, но избавит от многовековой угрозы весь христианский мир. Принятие унии также будет способствовать внедрению европейского образования и общему «улучшению нравов» в России. Поскольку «молодые люди не получают образования, большие доходы духовенства

---

⁴¹ См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. / отв. ред. В. Д. Корольук. М., 1978.

не обращаются на дела полезные», необходимо открыть училища, семинарии и коллегииумы, искоренить предрассудки и невежество, отправлять молодых москвитян учиться в университеты за границу, прежде всего в Вильно, Италию и Рим; государству нужны ученые, юристы, медики, политики, историки, богословы, ораторы, математики, люди, способные к посольскому делу; на их образование и необходимо обратить доходы духовенства.

Далее автор проекта переходит к практическим вопросам и предстает в качестве незаурядного стратега и тактика. Как внедрить унию и европейские обычаи в жизнь и не вызвать очередной бунт фанатичных приверженцев схизмы? Возможно ли применить силу? Отнюдь, ибо «если все будет делаться силою и страхом, то надобно опасаться, что благие намерения государя относительно преобразования веры, народа и государства обратятся в ничто». Мы помним, как взвешенно поступал Мнишек в деле церковной унии в Червонной Руси, какими осторожными и постепенными были его действия и как нередко он оказывал значительные знаки внимания православной церкви, не желая враждовать ни с ее иерархами, ни тем более с православной шляхтой. Он столь же нетороплив и в описываемом проекте. С его точки зрения, власть ни в коем случае не может позволить себе первой высказывать идею реформ: к ней должны подойти сами москвитяне, по крайней мере наиболее приближенные к трону. Государю же вообще желательно воздерживаться от разговоров об унии, редко допускать к себе католическое духовенство, царице же Марине целесообразно иметь в том числе и греко-униатских священников, которые отправляли бы богослужение согласно православному обряду, но при этом осторожно вели со своими прихожанами речи о соединении церквей. Пусть москвитяне увидят преимущество европейских обычаев, пусть они захотят есть с тарелок, как это делает царственная чета, пусть пожелают учиться за границей и пользоваться свободами. Тогда они сами заговорят о преобразованиях и церковной унии, государь же как бы поддержит исходящее не от него начинание и выступит скорее судьей или посредником, чем инициатором. Можно также под предлогом следствия о бывшем заговоре против царя, в котором участвовало и духовенство, удалить его неугодных представителей и поставить на их место людей, склонных к принятию унии, обещая им привилегии, светским чинам — повышение по службе, народу — облегчение работы. Вообще, что касается светских должностей,

то их следует раздавать не по знатности рода, а по заслугам, дабы «доблесть, а не происхождение получало награду», а вельможи вернее служили. Следует убрать из придворной жизни пышный восточный церемониал с огромным количеством участвующих в нем чинов и заменить их «простыми и учтивыми людьми». Народ необходимо расположить к себе справедливостью, пусть челобитные принимают самые верные секретари и отвечают на просьбы как можно скорее, тем более что в них могут содержаться предостережения о возможном заговоре. Делопроизводство же пусть пока ведется на русском языке⁴², дабы лишний раз не раздражать москвитян, считающих латынь «поганой», однако же при дворе иметь сведущих ученых, владеющих ею.

Для сближения двух народов, московского и польского, автор проекта предлагает полякам, служащим при царском дворе, брать к себе мальчиков-слуг из россиян, царице Марине приблизить к себе представителей лучших московских фамилий обоого пола, а сыновей знатных бояр отправлять на воспитание и постижение наук в Польшу и католические страны Европы. В то же время касаясь служащих в Москве поляков сандомирский воевода высказывает определенные опасения, поскольку многие из них покидают свое отечество не по доброй воле и им нечего терять, а вследствие «безнравственности и буйства они в великой ненависти у москвитян», а их поведение только компрометирует как католиков, так и идею унии. Раздавать придворные чины полякам нужно крайне осторожно, дабы не вызвать ненависти москвитян, лучше высшие и почетнейшие должности оставлять за русскими, полякам же давать возможно менее заметные, но ближайšie к государю. Для царицы и находящихся при ней католиков пусть будет построен в Москве католический костел и монастырь, на богослужения возможно приглашать и желающих русских.

Но Мнишек вполне допускает сопротивление москвитян нововведениям, а вследствие этого заговоры и бунты, и предлагает далее средства к тому, дабы обезопасить Марину и ее супруга. Первое и самое главное: перенесение столицы из Москвы к западной границе, пусть царская семья живет там, однако официально перемену не провозглашая («пусть живут где угодно, но только не в Москве»).

---

⁴² В Речи Посполитой того времени делопроизводство велось преимущественно на латыни.

В случае бунта легче будет получить помощь от союзных государей, царице выехать с драгоценностями в Польшу, а также проводить в стране преобразования религии, быта и нравов. Вообще же, по мнению автора, московский народ «читит государя, вдалеке находящегося, но буйствует в присутствии государя и мало его уважает». Во-вторых, необходимо запретить всякие собрания и несанкционированный доступ во дворец, пусть царь окружит себя телохранителями, наполовину набранными из иностранцев, наполовину из москвитян, склонных к принятию унии. В-третьих, нужно провести тайное расследование, касающееся прошлого заговора и покарать виновных. В-четвертых — обеспечить царицу Марину приграничными с Польшей русскими землями, под чем подписались бы члены Думы и куда она могла бы сама назначать чиновников, а все подданные Московского государства должны принести ей присягу на верность отдельно от присяги государю⁴³. Царице возможно приобрести и земли на территории Польши, где она могла бы укрыться в случае опасности.

Кажется, в этом проекте Мнишек учел все возможные трудности к принятию Россией унии, которая бы, с его точки зрения, обеспечила полякам-католикам службу и карьере в Московии, а Московскому государству — вхождение на правах равного в семью европейских народов, расширение его могущества и влияния, всяческое развитие на основе достижений западного просвещения, а тем и другим — взаимовыгодное совместное существование и процветание и, наконец, превращение России в империю.

Вероятно, проект этот, обнаруженный в виде нескольких списков (кроме варшавского Н. И. Костомаров указывает также на хранившийся в архиве Министерства иностранных дел Российской империи⁴⁴), стал широко известен в тогдашней Польше, а канцлер Л. Гембицкий даже писал в одном из частных писем, что Юрий Мнишек, «похоже, сам думает стать царем»⁴⁵. Как бы то ни было, европеизация России представлялась процессом неизбежным,

⁴³ Как видим, ни коронация, ни присяга Марине со стороны чинов Московского государства, принесенная отдельно от первого супруга, не гарантировали ей царствования, но, внося пункт об этом в данный проект, создатель его надеялся, что таковой акт обезопасит царицу-польку.

⁴⁴ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1994. С. 391–393.

⁴⁵ Polak W. O Kreml i Smoleńszczyźnie. Gdańsk, 2008. S. 68.

и в вышеозначенном проекте был предложен оригинальный его вариант. Уже одно то, что автор предлагал не действовать деспотично сверху, а ожидать воли и инициативы самих русских, говорит о демократичном и довольно мягком подходе к делу, стремлении предложить Московскому государству ту систему общественных ценностей, которая была принята в Речи Посполитой.

Кроме того, это свидетельствует о том, что Мнишек и его единомышленники реально смотрели на ситуацию и прекрасно понимали, насколько труден процесс объединения, и стоит только реформаторам — сторонникам унии оступиться и вызвать недовольство россиян каким бы то ни было насилием, это повлечет за собой еще больший раскол, неприязнь и очередную войну вместо «братского союза». Весьма интересной представляется и антинемецкая направленность данного документа: несмотря на то что в юности пан Юрий получил немецкое образование, а еще каких-нибудь десять лет назад до описываемых событий рьяно поддерживал прогабсбургскую политику Сигизмунда III, что приносило ему существенные дивиденды в глазах короля, в душе, скорее всего, он мыслил совершенно так же, как и подавляющее большинство польской шляхты, считавшей, что легче договориться с русскими, нежели с немцами. Вероятно, под влиянием тестя роль «восточного Габсбурга» примерял на себя и Лжедмитрий I: вспомним, что двуглавый орел на его печатях впервые изображается в стиле императоров Священной Римской империи — с поднятыми крыльями, в отличие от такового на гербе Ивана Грозного, где крылья византийского орла опущены. Завершая разговор о проекте Юрия Мнишка по включению Московского государства в церковную унию, хочется подчеркнуть, что он был написан в самом уважительном и благонамеренном духе, но насколько автор его был искренен и насколько сам проект мог быть выполнен и действительно выгоден России, мы предпочитаем оставить на суд читателя.

ГЛАВА VII

Освобождение Мнишков из московского плена. Имущественные претензии сандомирского воеводы к правительству Шуйского. Марина с отцом и братом в Тушинском лагере. Причины отъезда Мнишка в Польшу. Его взаимоотношения с дочерью. Воевода на сейме 1609 года: неудавшиеся переговоры с королем и Римом. Планы Мнишка по свержению Сигизмунда Вазы — розыгрыш «венгерской карты». Ефросина Мнишек — возможная королева Венгрии и Польши. Крах тушинцев. Находчивость и упрямство Марины. Мнишек на сейме 1611 года. Поддержка им конфедератов. Последнее письмо Мнишка королю. Смерть сандомирского воеводы

В предыдущей главе мы упомянули, что, будучи узником в Ярославле, сандомирский воевода сумел остаться активным участником большой политики: он задействовал все возможные рычаги, которые смогли бы повлиять на освобождение из «египетского плена», как образно называли поляки свое задержание. Сигизмунд Ваза, неприятно удивленный двуличием и изменой Мнишка, внешне представлявшегося королю преданным сторонником, на деле же финансировавшего через самозванного царя Сандомирский рокош, могший закончиться детронизацией «упрямого шведа», не спешил теперь прикладывать какие-либо усилия к спасению этой семьи. Но король оказался в плену условностей и давления, оказываемого на него с разных сторон. Во-первых, кардинал Мациевский не устал писать римскому папе Павлу V и просил святой престол помочь столь ревностным сторонникам католической веры, как Мнишки, а папа, в свою очередь, убеждал короля в необходимости скорейшего разрешения вопроса. Во-вторых, не снижался накал страстей в польском обществе и прежде всего среди родственников и друзей пострадавших во время московских событий в мае 1606 года (а среди них многие принадлежали к богатейшим и влиятельнейшим сенаторским родам), которые требовали отмщения за «невинно пролитую польскую кровь». Пани Ядвига Мнишек в своих письмах

в Рим и к папскому нунцию в Польше Клаудио Рангони, некогда покровительствовавшему Лжедмитрию I, заклинала оказать помощь плененному супругу и детям. В этих обстоятельствах Сигизмунду просто невозможно было без ущерба для собственной репутации не реагировать на раздающиеся с разных сторон призывы, и он отправляет к царю Василию Шуйскому посольство для мирных переговоров во главе с Яном Соколинским и Станиславом Витовским, которое прибывает в Москву в октябре 1607 года.

Ход этих переговоров, а также все возрастающие успехи «воскресшего» Дмитрия сказываются на положении ярославских узников: с ними начинают обращаться лучше и даже заискивают. В июне 1608 года семью Мнишков с частью свиты привозят в столицу, куда также постепенно стягиваются их родственники и друзья из разных мест ссылки. Переговоры о мире несколько тормозят имущественные претензии, которые поляки предъявляют московскому правительству через послов, в том числе сандомирский воевода оценивает причиненный ему ущерб в 154 604 злотых, о чем составляет соответствующий документ. Как свидетельствует современник событий голландский купец Элиас Геркман в своем «Историческом повествовании», сначала Шуйский и его окружение, не желая упустить возможной выгоды, требовали от Мнишка своего рода «выкуп» за освобождение и возмещение суммы, истраченной на содержание пана Юрия и его спутников. Деньги воевода должен был взять у уже стоявшего под стенами столицы в Тушино «зятя», и с целью переговоров по этому вопросу в лагерь самозванца отправили Станислава Мнишка. Но Тушинский вор повел себя довольно дерзко: он прекрасно осознавал свое превосходство, весьма стесненное положение столицы и в то же время не спешил кредитовать семью мнимой супруги, не зная наверняка, состоится ли его официальное признание «родственниками».

Самозванец показал пану Станиславу лагерь и войско, а возвратившись в Москву, санокский староста сообщил отцу о той реальной силе, которую олицетворял собой «вор»¹. С этого момента ободрен-

---

¹ По свидетельству другого очевидца событий, Мартина Стадницкого, гофмейстера двора Марины, Шуйский отправил в Тушино Павла Мнишка для «изобличения» самозванца, но последний не выпустил назад «родственника» (см.: История Дмитрия, царя московского и Марины Мнишек, дочери сандомирского воеводы, царицы московской // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 6. С. 180.

ный Юрий Мнишек вновь проявляет свойственную ему решительность и идет ва-банк: на переговорах в Боярской думе он наотрез отказывается от предложенных Шуйским условий и, наоборот, требует возместить ему материальный и моральный ущерб: он насильно содержался вдали от отечества да еще вынужден был истратить на собственное содержание за это время 20 000 злотых (видимо, здесь воевода исходил из принципа, что «в тюрьме сидят бесплатно»). Отобранные у него во время убийства первого самозванца дорогостоящие предметы он описал в особом документе, упомянув между прочим о драгоценных конских сбруях на 30 000 злотых, трех десятках бочек итальянских и венгерских вин на 6858 злотых, драгоценностях дочери на 42 113 злотых, за которые он еще в Польше не успел расплатиться с неким евреем Натаном. Кроме того, перечислил некоторые особо ценные вещи (бриллиантовые четки, яхонтовые, алмазные и золотые цепи, расшитые драгоценными камнями чепцы Марины (великолепно изображенные на нескольких ее портретах)). Не забыл пан Юрий и про своих любимых верховых лошадей, самых лучших из них было шестнадцать, каждый такой конь оценивался в несколько сотен злотых, и хозяин даже перечислил их клички (любопытно, что самого дорогого венгерского скакуна он назвал Бочкаем, по имени правящего князя Трансильвании, возможно, им и подаренного воеводе). Мнишек ежедневно бывал в Думе и, по-видимому, уже ощущал свое превосходство над людьми, которые стали причиной его столь долгого унижения, моральных и физических страданий, и предвкушал реванш: можно только представить себе ту степень негодования и страстей, которые кипели в этом самолюбивом и высокомерном аристократе, до поры до времени вынужденном их сдерживать. Тот же Геркман упоминает, что бояре не переставали задевать его, ставили у дверей Думы каких-то людей, которые при виде воеводы насмешливо трясли пустыми мешками и кричали: «Пан, дай денег», на что шляхтичи из свиты воеводы отвечали тем же самым: «Москаль, дай денег»².

В конце концов часть вещей и денег были возвращены Мнишку, а он, согласно заключенному русско-польскому мирному договору на три года и одиннадцать месяцев, обещал не признавать Тушинского вора Дмитрием, не выдавать за него Марину, а также,

² Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 243–244.

по словам Геркмана, обязался способствовать его удалению из Московского государства. Однако возврат имущества вызвал не столько удовлетворение, сколько очередную вспышку гнева вельможи: поляки были возмущены, что от их прекрасных лошадей остались «кожа и кости», экипажи были обветшалыми и ободранными, а драгоценности отдали далеко не все. Зная характер пана Юрия, нетрудно предположить, что он не желал оставаться в проигравших и не считал обещания, данные своим обидчикам, обязательными к выполнению. Невзирая ни на какие трудности, собственный, уже далеко не молодой для военных лишений и политических баталий возраст и усугубившиеся болезни, он до конца жизни упрямо продолжает идти по пути, который мог вновь привести его к вожделенному положению тестя московского царя.

Но как же он реагировал на явное бесчестье собственной фамилии, связь дочери с заведомым обманщиком из так называемых низов тогдашнего общества, о чем было широко известно в Польше, где «царька» называли не иначе, как «жидком» или «талмудом», намекая на определенное происхождение? Ответ, на наш взгляд, кроется в словах сandomирского воеводы, написанных им некогда королю еще из Ярославля в «Мемориале»: «Пусть нам придется напрасно умереть здесь в тюрьме или же погибнуть иной позорной смертью», — пишет пан Юрий и тут же добавляет, что, невзирая на это, не стоит «упускать великолепного случая способствовать общественному благу и славе» (между строк подразумевая в том числе «благо и славу» собственной семьи). В конце концов, для столь самолюбивых людей не меньшим позором, чем признание Тушинского вора, было оставаться проигравшей стороной, лишенной того материального и общественного положения, которые они могли бы приобрести в России в случае удачного развития событий. Нам не представляется также справедливым утверждение, что Марину «вынудили» и «заставили» сделать то, что она сделала, став венчанной женой второго самозванца. Мы помним, как много черт мужского воспитания дочерей присутствовало в этой семье, как много честолюбия, амбиций и желания взять от жизни лучшее отличало Мнишковых, поэтому гордую «сандомирскую воеводянку» вовсе не нужно было принуждать: она желала воспользоваться шансом вернуть престол вкупе с «цариком», возвысить собственную, любимую ею семью, однако же в тот момент не представляла себе, как много опасностей и унижений таил в себе этот выбор.

Покинув Москву в начале августа 1608 года в сопровождении вооруженного отряда-конвоя князя В. Т. Долгорукого, в дороге пан Юрий вступает в переписку с усвятским старостой Яном Петром Сапегой, который ведет в Тушино из Польши свои вооруженные отряды. К сожалению, до нас дошел только факт данной переписки, хотя, возможно, в будущем эти документы будут обнаружены (в одном из реестров бумаг Сапеги значится его письмо к Мнишку от 28 августа 1608 года и весьма оперативный ответ воеводы, данный им на следующий же день)³. Сандомирский воевода очень хорошо понимал, что Тушинский вор не является самостоятельной фигурой, и, чтобы иметь хоть какое-то влияние на ход дел, в его лагере нужны собственные военные силы, коими на тот момент ни Мнишек, ни едущие с ним родственники, увы, не обладали. Скорее всего суть переписки с Сапегой заключалась в том, поможет ли усвятский староста семье царицы занять соответствующее положение в лагере и станет ли он гарантией ее безопасности. В хранящемся в Государственном архиве Швеции фрагменте рукописи неизвестного шляхтича из окружения Сапеги под названием «Краткий ход завоевания Московии его милостью паном Яном Петром Сапегой, старостой усвятским» сказано, что тушинцы не могли «покинуть лагерь из-за трудного добывания продовольствия», поэтому «его милости» пришлось «проводить царицу» к «царю Дмитрию», а координируя переговоры между ее окружением и тушинцами, он добился того, чтобы «примирили царя и царицу и вновь их обвенчали»⁴. Скорее всего, уже в конце сентября 1608 года Ян, Николай и Павел Мнишки, а также бывший посол Николай Олесницкий уезжают в Польшу и поддерживают там дело самозванца, отец же и брат Марины остаются при ней в надежде, что Москва и Шуйский скоро падут к их ногам. Вскоре сандомирский воевода посылает и за своими спутниками, оставшимися в Ярославле и затем препровожденными в Вологду, так как города эти признали власть «Дмитрия» и отложились от Шуйского. Среди призванных паном Юрием был и автор дошедшего до нас знаменитого дневника, условно названного «Дневником Марины Мнишек», написавший по этому поводу следующее: «Всемогущий Господь Бог не желал уже дольше

³ Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005.

⁴ RaS. Skokloster Samlingen, E-8596. P. 18–22.

задерживать свое правосудие и подчинил нашей власти врагов наших, которые попирали нашу жизнь и жаждали выпить нашу кровь. Но мы не желали мстить, забыли обиды и не подняли на них своих рук». Однако справедливости ради следует сказать, что месть являлась пока непозволительной роскошью для Мнишков и их сторонников, гораздо выгоднее для них было расположить к себе и самозванцу как можно большее число русских, заставив их отложиться от Шуйского. Как отмечал шляхтич Павел Пальчовский, автор сочинения «Московская песнь», в какой-то мере ссылка не без пользы прошла для польских аристократов и их окружения, они лучше стали понимать менталитет русских и то, как следует себя с ними вести, дабы достигнуть желаемого.

Несомненно, уже с первых дней пребывания в Тушинском лагере Мнишки почувствовали на себе верность библейского изречения «Наши слуги правят нами». «Рыцарство» вело себя своевольно, считая, что, проливая кровь за обманщика и таким образом жертвуя своей честью, имеет право на все, в том числе и на распределение добычи через головы непосредственного начальства. Главный гетман самозванца литовский князь Роман Ружинский большей частью был нетрезв, совершенно не церемонился с «цариком», порой занимаясь рукоприкладством по отношению к «монаршей особе», и, судя по всему, очень ревниво относился к его новоявленным «родственникам», опасаясь их влияния. В то же время тушинское воинство было неприятно удивлено неблагодарным и презрительным отношением к себе высокомерного отца царицы, казалось, в любой момент готового «сдать» их кому угодно, будь то король Сигизмунд или Василий Шуйский, если это послужит интересам фамилии. «Не хватило бы места, если бы вздумалось описывать те порядки, которые мы тут застали», — сетует на происходящее «Дневник Марины Мнишек».

Уже в начале декабря 1608 года пан Юрий принимает решение ехать в Варшаву на сейм, заседания которого должны были начаться 18 января и грамоты о котором переслала ему супруга. Этот шаг выглядит вполне логичным: пан воевода мало чем мог помочь делу «вора» под Москвой, но надеялся, что присутствием на сейме склонит часть шляхты в свою пользу, а также сможет договориться с королем. «Войско противилось его отъезду, — говорится в «Дневнике Марины Мнишек», — но воевода все же собирался в путь, желая присутствовать по крайней мере при заключении сейма».

Безусловно, ни тушинцы, ни «царик» не доверяли ему, у Мнишка была своя игра с королем, и если бы карты в этой игре выпали не в пользу табора, рассчитывать на его содействие не приходилось. Отъезд пана Юрия омрачила своевольная шляхта, которая не позволила ему взять сумму в 50 000 рублей, которая собиралась, видимо по приказу «царика», для тестя во Пскове (скорее всего, такой интерес к финансовому положению Мнишка тушинцы проявили с подачи Ружинского), а также ссорой с Мариной. На сейме 1611 года пан Юрий скажет, что, уезжая из лагеря, «хотел взять с собой и дочь», предупреждая ее, что «этот человек не удержится», однако «ее милости не угодно было стараться об этом». Зная деспотичный характер воеводы, в эти слова невозможно поверить: послушания в своей собственной семье он не допускал. Скорее наоборот, всю свою жизнь опекаемая могущественным родителем, Марина боялась остаться без него среди разнузданных толп тушинского табора в грубых объятьях супруга и осмелилась упрекнуть батюшку в недостаточном участии в ее судьбе. Реакция пана Юрия была довольно жесткой: уезжая из лагеря 17 января 1609 года, грозный вельможа не благословил дочь и лишь холодно с ней попрощался. Как всегда, он был полон грандиозных политических планов и, по-видимому, воспринял упреки Марины как оскорбление, как возможную помеху его далеко идущим замыслам. Покинь тогда царица Тушино вместе с отцом, трудно даже предположить, какой ущерб это принесло бы движению Лжедмитрия II, а пан Юрий все еще надеялся, что ворота Москвы в конце концов откроются самозванцу.

Обратный путь был сопряжен для воеводы с немалой долей опасности: в Москве стало известно о его отъезде, а в Тушино пришел слух о том, что Шуйский уже выслал наперехват вооруженный отряд. Но пан Юрий, будучи человеком решительным и весьма неробкого десятка, усилив своих людей охраной из 150 донских казаков, вечером 17 января 1609 года стремительно выехал в санях из лагеря, под покровом ночи преодолел значительное расстояние и вскоре был уже вне опасности. 21 января он даже специально остановился в Калуге и не отказал себе и спутникам в отдыхе и в удовольствии осмотреть ее фортификационные укрепления, которые Шуйский безуспешно осаждал полтора года, и лишний раз утешиться слабостью заклятого врага. Калуга вызвала интерес воеводы и по другой причине — согласно распределению «кормлений» в Тушинском лагере, этот город и окрестности были приписаны Марине (ее же

брату Станиславу — Владимир с уездами). Далее через территорию Белоруссии пан Юрий по самому короткому пути едет в Варшаву и успевает к последним заседаниям сейма, на которые он весьма символично является в костюме русского боярина, с длинной бородой по московскому обычаю, и, судя по его последнему известному портрету и бюсту, остается в этом образе до конца жизни.

На первый взгляд такое поведение может показаться странно-стью пожилого эксцентричного вельможи, но если всмотреться в вопрос глубже, то станет понятно, насколько это был продуманный и тонкий политический шаг. Мнишек без лишних слов показывает этим, что он отец *русской* царицы и в равной мере настолько *русский* вельможа, насколько и польский, и явился на сейм не только как сенатор, но и как боярин, имеющий полное право говорить о будущем России от имени русских. Подчеркивая таким образом свое исключительное положение, он в частных беседах с королем пытается склонить его величество к вступлению в Московское государство, к совместным действиям с Тушинским вором против Шуйского, в душе, как уже было сказано, надеясь, что король не продвинется дальше Смоленска, а самозванец тем временем займет столицу. Но влияние пана Юрия на государя практически сводится к нулю: Сигизмунд, не раз убедившись в двуличии воеводы, опираясь на своих советников и сторонников, ведет собственную игру, и, вскоре поняв это, Мнишек переходит к запасному рискованному плану — детронизации короля, о котором мы подробно скажем ниже.

Во времена дела первого самозванца большую роль в снискании для претендента благосклонности Сигизмунда и папского престола сыграл Бернард Мациевский, но глава католической церкви Польши еще в январе 1608 года неожиданно скончался от простуды, и его смерть сильно ослабила положение Мнишка как в политической элите Речи Посполитой, так и в глазах апостольской столицы. Среди польского католического духовенства у пана Юрия имелся другой высокопоставленный родственник — коронный референдарий ксендз Генрих Фирлей, сын сестры воеводы, Барбары, поддерживающий отношения с дядей и даже предоставивший ему свой дом в Кракове на время заочного обручения Марины с первым самозванцем⁵.

---

⁵ В описи архива Мнишков, находящегося в составе ЦГИА Украины, значатся письма коронного референдария ксендза Генриха Фирлея пану Юрию. См.: Ульяновский В. И. Мнишки. С. 10.

Фирлея хорошо знали в Риме, к нему благоволил бывший папа Климент VIII, но этот кузен Марины менее всего подходил для политических интриг: погруженный в духовные медитации и в изучение трудов отцов церкви, совершенно лишенный честолюбивых амбиций, он более размышлял о смысле бытия, нежели о мирской суете. Дабы как-то заручиться благосклонностью папы, Мнишек пытается действовать через его представителя в Речи Посполитой — нунция Франческо Сермонте. К нему он привозит из Тушинского лагеря письмо дочери, в котором Марина обещает всеми силами способствовать распространению святой католической веры. Однако, как оказалось, попытка эта была тщетной: в Ватикане уже не воспринимали серьезно воскрешение Дмитрия, а на письма его супруги накладывали лаконичную резолюцию: «Не требует ответа».

Вместе с сандомирским воеводой в Варшаву прибывает тушинское посольство во главе с «думным дьяком» самозванца Федором Нехорошим-Лопухиным, однако Сигизмунд не желает иметь с ним никакого дела и по своему обыкновению просто молчит. Мнишек увозит посольство к себе во Львов и размещает его в Нижнем замке, все же надеясь, что в конце концов короля удастся склонить к переговорам, и в апреле довольно льстивым письмом тонко намекает на такого рода сотрудничество канцлеру Л. Гембицкому: «Москвитянин, который приехал со мной на сейм, очень для меня обременителен с несколькими десятками людей и коней, с коими не знаю, как его королевское величество хочет поступить. Я уже пишу об этом его королевскому величеству, однако прошу и вашу милость, милостивого моего государя, извольте по поводу него объявить мне волю его королевского величества. За все эти услуги, которые в том получу от вас, всеми способами желаю быть обязанным вашей милости, [и] прошу, дабы ваша милость изволили пребывать ко мне в расположении»⁶. Эти строки красноречиво показывают, в какой политической изоляции при монаршем дворе оказался сандомирский воевода, вынужденный просить отнюдь не близкого себе канцлера посвятить его в решения, которые принимались Сигизмундом.

В Тушино Марина и ее супруг пребывали в неведении относительно судьбы посольства. 12 апреля Лжедмитрий II пишет тестю,

⁶ Письмо Ю. Мнишка Л. Гембицкому от 10 апреля 1609 г. // RaS. Extranea Polen, Vol. 99.

что удивлен долгим отсутствием от него известий и посылает ему жалованную грамоту на 12 городов Северского княжества (в дополнение к данному еще в октябре 1608 года обязательству на выплату 300 000 рублей после достижения престола). Но дело отнюдь не в отсутствии желания у пана Юрия поддержать «царика», а в реальном неимении у него рычагов влияния на политику двора, к тому же он озабочен сбором податей и расчетом с королевской казной, причем здоровье воеводы вновь ухудшается, на что он жалуется даже в одном из писем канцлеру Гембицкому.

Мнишек долго не отвечает «вору» и даже почти год не пишет дочери, несмотря на ее частые послания и жалобы на трудное положение и просьбы «не забывать» как о ней самой, так и о «московских делах». Кажется, пан Юрий не питал «сентиментов» к женским слезам и считал абсолютно излишним словесно утешать дочь и тратить на это время, предоставив это ее матери⁷. В действительности же сандомирский воевода делает все, чтобы защитить права дочери и вернуть ей прежний высокий статус, и остается только удивляться упорству вельможи, не желавшего выходить из игры, несмотря на болезнь, плачевное материальное положение и духовный надлом, столь ясно отраженный в его облике на последнем портрете, о чем мы еще скажем ниже. После демонстративного отказа короля вести переговоры с тушинским посольством сандомирский воевода решает, невзирая ни на какие затраты, отправить в Тушино вооруженный отряд, который должен был возглавить следующий по старшинству после находившегося под Москвой Станислава сын Николай. По-видимому, дабы финансировать это предприятие, а также послать Марине значительную сумму денег почти в 100 000 злотых для удержания на службе солдат, Мнишку пришлось прибегнуть к помощи родственников (скорее всего, зятя Константина Вишневецкого, брата Яна Мнишка и многочисленных племянников), в очередной раз перезаложить собственные имения и еще более усугубить долги. В королевском окружении, готовящемся к войне с Московским государством, подобное упорство вызывает издевки и насмешки. «Пан воевода сандомирский бушует по-старому, — пишет в начале августа 1609 года близкий к монарху ксендз Иероним Телецкий

---

⁷ В письме Марины к отцу в январе 1609 года она упоминает об отдельном «очень срочном» письме к матери.

Рис. 1

Рис. 2

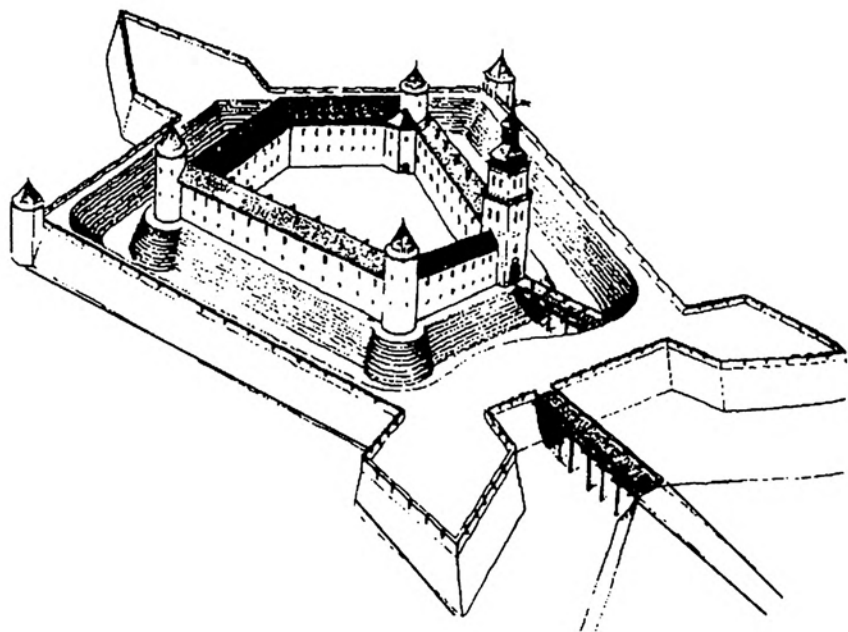

Рис. 3

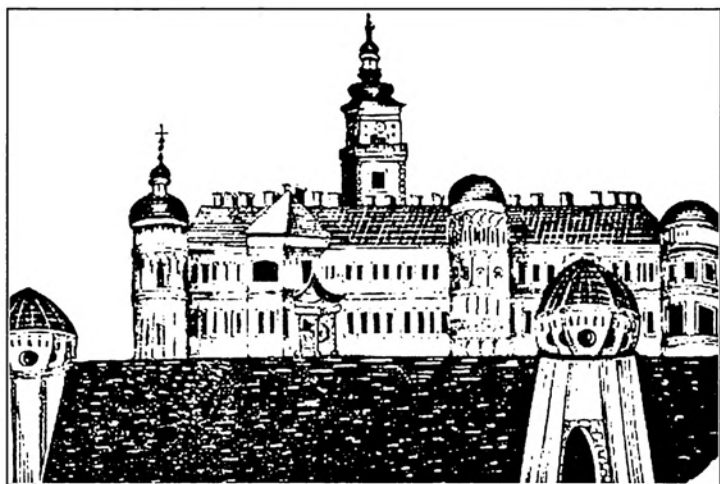

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

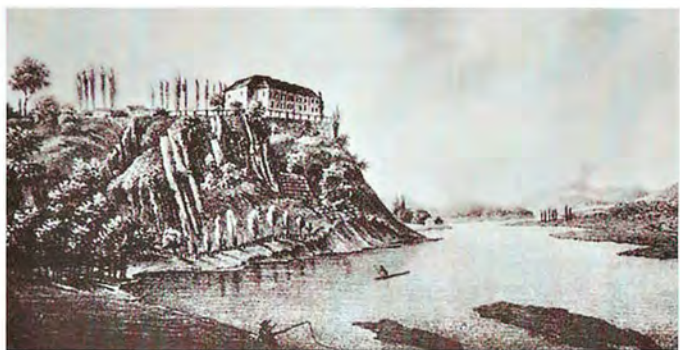

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

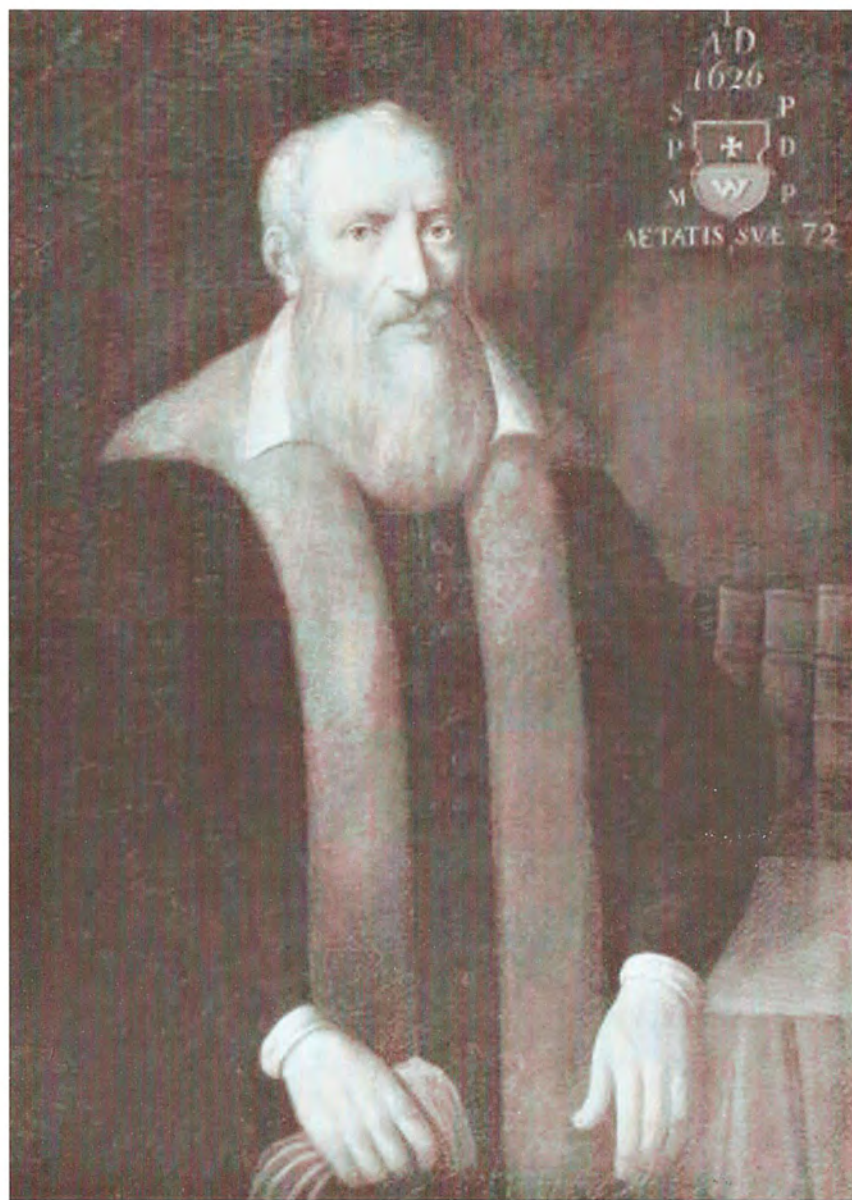

Рис. 28

- [illegible]

nom co také optacyam, takže. práz inkomodam zadněs abý m. nom. Conscasse
 ha. Summow. Summshé. Ach. Grolenoka. Mose, Mluna. Vharac. naverz. P. Tolbnet.
 nym. rarié. odnias. do. brizymasi. Muid. mero. Kue. Pasa, me. nase. od. Lagnit. y. co.
 volastui. nuz, nappas. iat. pomnen. be. d. It. terak. s. urby. nase. Muid. manu.
 Muidomu. Lenu. inkomapitacy. od. d. 15. Jan. 1644.

Im. mege. meke. Muid. Lenu

ponotins. Lays

Lenu. f. b. d. Muid. f. b. d.

королевскому секретарю Кристофу Дечеку, — он посылает своего сына к пану Дмитрию с [отрядом] в 600 гусар и 100 [человек] пехоты, но мне кажется, наши его удивят»⁸. В последней фразе Телецкий намекал на то, что Сигизмунд III после перехода московской границы сразу же попытается склонить тушинцев на свою сторону и это станет довольно неприятным сюрпризом для Мнишка, что, в сущности, и произошло: Сигизмунду нужна была вся Россия, и он по своей политической близорукости полагал, что, склонив тушинских поляков на свою сторону, быстрее достигнет цели⁹.

Вероятно, отряд, о коем писал Телецкий, или какая-то его часть пришла в лагерь под Москвой, в письме от 13 января 1610 года Марина называет отца своим «великим благодетелем», и дабы удержать на службе у самозванца польских солдат, раздает им огромную сумму в 100 000 злотых (о чем упомянуто в записках современника и родственника Мартина Стадницкого) присланную ей батюшкой. Но пан Юрий Мнишек не был бы самим собой, если бы не играл в политические шахматы сразу на нескольких досках. В сентябре 1609 года польский король осадил Смоленск, и вслед за этим Мнишек ожидал штурм Москвы самозванцем, ее скорое падение и триумф тушинцев. Но этого не происходит: дело затягивается, Шуйский все еще держится на царском троне, а король пытается переманить польских солдат, служащих у «царика», на свою сторону. Тогда сандомирский воевода переходит к следующему плану: играя роль верного подданного, он пытается выторговать у Сигизмунда обеспечение приданого Марины, Новгорода и Пскова, обещанное еще первым самозванцем. Когда к осаждавшему Смоленск польскому королю в ноябре 1609 года прибывает тушинское посольство со своими «кондициями», данное условие прописано в них в первом же пункте, а интересы вельможной фамилии в этой депутации представляет доверенное лицо пана Юрия — бернардинский монах Авраам Рожнятовский¹⁰,

⁸ Письмо И. Телецкого К. Дечеку от 3 августа 1609 г. // RaS. Extranea Polen. Vol. 114.

⁹ Об этом подробнее см.: *Эйльбарт Н. В.* Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции // Вестн. ЗабГУ. 2012. № 11 (90). С. 3–10.

¹⁰ По одной из версий, именно он являлся автором знаменитого «Дневника Марины Мнишек».

вероятно, и озвучивший это условие перехода тушинских поляков на сторону короля. Ответ Сигизмунда III, согласно упомянутому уже нами С. Кобежицкому, прозвучал довольно холодно: не время обсуждать приданое Марины, он воздержится от каких-либо действий, а с ее супругом намерен поступить в зависимости от того, как тот будет себя вести. Можно только догадываться о той гамме нелицеприятных эпитетов, какими после этого наградил монарха в своем кругу взбешенный отец царицы. Теперь разделаться с «упрямым шведом», лишив его польской короны при помощи старых союзников — рокошан, которые так и не примирились с королем (Николая Зебжидовского, Станислава Стадницкого и Януша Радзивилла), становится для сандомирского воеводы делом принципа.

Для претворения в жизнь этого поистине неординарного замысла Юрий Мнишек сделал ставку на еще одну политическую фигуру, которая по своему авантюризму и дерзости ничуть не уступала Тушинскому вору, зато превосходила его по возможностям и была вполне, если можно так выразиться, легитимна. Пан воевода, ведущий политическую игру оригинально и изощренно, к тому же с психологической точки зрения будучи весьма опытным человеком, избирает для осуществления своих политических планов богатейшего венгерского магната Валентина Другета, носящего титул судьи Венгерского королевства и являвшегося хозяином обширнейших земель Закарпатья и огромных богатств. Читатель помнит, что старший сын пана Юрия Ян Стефан был женат на вдове магната Юрия Другета Ефросине Дочи де Нагилюче и формально являлся отчимом своего почти ровесника, ее сына от Другета, также Юрия. Таким образом, семьи Мнишковых и Другетов уже были связаны родственными узами, хотя их отношения складывались отнюдь не просто. Вообще браки между польской и венгерской аристократией того времени, как и всяческого рода контакты между двумя соседними народами, были столь тесными, что на этот счет у поляков даже появилась поговорка: «Венгр с поляком два брата для рюмашки и стакана», а после избрания на польский трон Стефана Батория связи стали еще более тесными.

Валентин (Балинт) Другет, кузен Юрия Другета, ярый кальвинист по вероисповеданию, в 1604 году поддержал венгерское восстание против Габсбургов, возглавляемое Стефаном Бочкаи, а после того как последний сделался князем Трансильвании и Венгрии и добился

относительной независимости от Вены, стал его главным военачальником, под чьим предводительством, заручившись поддержкой турецкого султана, гайдуки опустошали австрийские земли. Согласно завещанию Бочкаи, наследовать трон должен был Другет, но чины Трансильвании, вероятно, опасаясь его жестокого нрава, избрали князем сначала Сигизмунда Ракоци, а затем племянника Стефана Батория Габора. В отместку оскорбленный магнат на семнадцати возах вывез в свое имение Гуменное в Закарпатье все сокровища Бочкаи, среди которых — огромный рубин размером с голубиное яйцо и две короны, одной из которых, присланной турецким султаном, гайдуки и короновали своего вождя, провозгласив его королем Венгрии. Валентин Другет делал все, чтобы официально занять трон Трансильвании, даже вновь обратился к недавно так ненавидимым им Габсбургам и в 1608 году присутствовал на коронации императора Матиаса II в Вене вместе с кузеном Юрием, однако расположить государя в свою пользу ему не удалось. В то время, когда пан Мнишек возвращается домой из Московского государства, Валентин Другет пребывает в своем замке в Ужгороде и ищет пути реализации неумных амбиций. Судя по описаниям современников, он был человеком дикого и жестокого нрава, о чем свидетельствует хотя бы следующий случай. Как-то раз Другет проезжал в карете мимо униатского монастыря базилиан, был праздник сошествия Святого Духа и вдоль святыни следовала процессия верующих и духовенства. Испугавшись толпы, кони, запряженные в экипаж магната, понесли, тот перевернулся, в результате чего пассажир сломал руку. В ярости он приказал своим гайдукам сжечь монастырь и храм при нем, уничтожить все его внутреннее убранство, а чудом спасшихся монахов разогнать. Таким образом, личность Валентина Другета как нельзя больше подходила для реализации самых невероятных нападений и политических переворотов.

В 1609 году воевода Мнишек посылает Другету весьма символический подарок: крытую соболями горностаевую мантию и несколько великолепных горностаевых шапок как знаки монаршей власти, предлагая венгру помочь овладеть польской короной, а союз обоих семейств закрепить женитьбой Другета на младшей дочери пана Юрия, юной Ефросине. Факт этого посольства становится известным в польском обществе, об этом возмущенно пишет супруга гетмана Станислава Жолковского Регина в частном письме

к вдове Яна Замојского Барбаре¹¹. Очень возможно, что, обладая огромными богатствами и командуя хорошо обученной профессиональной армией, Валентин Другет смог бы свергнуть Сигизмунда Вазу, короноваться польской короной, а затем и короной Трансильвании, а быть может, и всей Венгрии, и дабы отблагодарить за помощь сандомирского воеводу и не казаться чужим в Польше, женился бы на Ефросине Мнишек, а позднее оказал бы помощь ее сестре Марине в возвращении Москвы. Но казавшаяся безупречной эта шахматная партия проигрывается по, казалось бы, досадной и нелепой причине: осенью 1609 года тридцатидвухлетний граф Валентин Другет неожиданно умирает в своем замке в Ужгороде, будучи отравлен кем-то из многочисленных врагов. Однако сандомирский воевода не падает духом: ту же комбинацию он пытается реализовать с молодым, смелым, но политически неопытным князем Трансильвании Габором Баторием. Габор, племянник покойного польского короля Стефана, считает себя вправе претендовать на трон, когда-то занимаемый дядей, и ищет в Польше сторонников, Мнишек же предлагает ему помощь и руку дочери Ефросины. Об этом становится известно и на сейме 1611 года, депутаты ставят подобные действия в вину пану Юрию, но он в ответ называет таковые упреки «вздором» и «клеветой». Однако идеи Мнишка и его желание избавиться от Сигизмунда были слишком очевидны, до конца своих дней воевода не оставляет этой мысли, хотя на словах он всегда «верен и предан» королю.

Итак, сестра Марины Мнишек вполне могла явиться второй коронованной особой в семействе честолюбивого сандомирского воеводы, стать княгиней Трансильвании, королевой Венгрии и даже королевой Польши, и, конечно, в таких рискованных политических авантюрах жизнь ее была бы подвергнута не меньшим опасностям и приключениям, чем те, что наполняют биографию московской царицы.

Когда батюшка вознамерился столь удачно выдать ее замуж, Ефросине было не более четырнадцати или пятнадцати лет, однако, согласно воззрениям того времени, возраст для девочки был уже вполне брачным. Судя по рисунку с портрета, когда-то находивше-

---

¹¹ Это письмо обнаружено в начале XX в. польским историком В. Собеским и приведено им в его работе: *Sobieski W. Zabiegi Dymitra Samozwańca o koronę Polską*. Kraków, 1908. S. 55–56.

гося в фамильной галерее Мнишков в Ляшечком замке, младшая дочь пана воеводы была очень миловидна: с него на нас смотрит гордо подбоченившаяся панна с большими темными глазами и пышной копной черных кудрявых волос, украшенных пером из крупных жемчужин, чем-то напоминающая итальянку. Ее полные чувственные губы, некоторая томность во взгляде, глубокое декольте — все говорит о прелести и изяществе, любвеобильности и страстности натуры, свидетельством чего станет в будущем незаурядный для того времени поступок: единственная из всех детей пана Юрия она выйдет замуж по любви, убежав из родительского дома с простым шляхтичем. Но в то время, когда сандомирский воевода упорно боролся за возвышение фамилии, панна Ефросина могла войти в историю совсем в другом качестве. Трансильванский князь Габор Баторий, двадцатилетний юнец авантюрного склада, вознамерился объединить под своей властью все три придунайских княжества, он поссорился с Турцией, вновь обернулся за поддержкой в сторону Габсбургов и в 1610 году вторгся в Валахию, однако довольно скоро был вытеснен оттуда турками. Он совсем не прочь был попробовать свои силы в борьбе за трон Речи Посполитой, тем более когда Мнишек и его «коллега» по рокошу Станислав Стадницкий призывали его на польский трон. Возможно, Габор обратился бы к исполнению данного плана, но ему угрожала Турция, а, стремясь добиться успехов в Молдавии и Валахии, он восстановил против себя свое окружение и закончил так же, как и знаменитые зятья-самозванцы сандомирского воеводы: в 1613 году его убили офицеры собственной охраны. Удивительно, но гибель ожидала всех авантюристов, вознамерившихся занять какой-либо трон по подсказке и при содействии семьи Мнишек: то ли это была назидательная рука Провидения, то ли их планы были слишком смелы и не соотносились с реальным положением вещей.

«Московские дела» Марины также складываются в это время весьма неопределенно. В январе 1610 года стараниями Сигизмунда III, намеревавшегося перетянуть на свою сторону тушинцев, в таборе «вора» под Москвой начинается смятение. «Князь Роман Ружинский было посягнул на здоровье царя, коего царица едва уберегла в [своей] комнате за шпалерами, — пишет о сложившейся ситуации находившийся при Я. П. Сапеге анонимный автор “Краткого хода завоевания Московии”. — А потом ночью царь уехал с донцами и с москвитянами в Коломну, а польское войско одни отправились под Смоленск

к его королевскому величеству, другие — за царем»¹². Гордая Марина сохраняет самообладание и проявляет незаурядную находчивость, свое душевное смятение и страх она поверяет только отцу, на которого может положиться в трудную минуту. Выдающийся историк Смуты П. О. Пирлинг отмечал в характере сандомирской воеводянки «странную смесь отваги и простоты: в письмах к отцу она детски беззаботна, в Москве, Тушине, Калуге, Астрахани является боевая, бесстрашная, богатырь-женщина»¹³. «Нижайшая слуга и послушная дочь Марина, царица Московская» — так подписывает она свои письма, ласково называя пана Юрия «отченко», прося «милостиво позаботиться» о ней, поскольку, «будучи испытываема Господом Богом такой тревогой», не может «справиться и что-либо хорошее обещать в такой неразберихе»¹⁴. Тушинцы в любой момент были готовы изменить, самозванец бежал, а королевский двор с издевками смеялся за спиной вельможной фамилии над ее амбициями.

В подобной ситуации Марина и находившийся при ней брат Станислав, вероятно, теряются и принимают решение как-то затянуть переговоры с Сигизмундом, пока не получают от отца дальнейших указаний. По свидетельству С. Кобежицкого, царица «сообщила, что желает отдаться на милость короля и по этому поводу вышлет письма и посольство»¹⁵. Вскоре она действительно пишет Сигизмунду верноподданическое письмо, уподобляясь степени лести, угодливости и лукавства перед монархом своему батюшке: «Я уверена, что ваше королевское величество по своей глубочайшей мудрости наилучшим образом все рассудит и по своей чистейшей совести окружит своей государевой опекой и меня, и мою семью, которая в этом деле пролила столько крови и понесла столь великие затраты... Пусть Провидение благоволит вашему королевскому величеству в получении Московского царства, в удержании его в своей власти и под своим законом и пусть щедро вознаградит королевскую справедливость»¹⁶.

Кобежицкий так оценивает характер и последствия данного письма: «К сожалению, эта упрямая женщина не исполнила ничего

¹² RaS. Skokloster Samlingen, E-8596. P. 18–22.

¹³ Пирлинг П. О. Поездка в Самбор // Русская старина. 1910. Т. 141. № 2. С. 241–246.

¹⁴ Письмо Марины Мнишек отцу от 13 января 1610 г.

¹⁵ Koberzycki S. Historia... S. 81.

¹⁶ Ibid. S. 81–82.

из того, что обещала, и далее пребывала при обманщике, отвергнув милость и доброжелательность короля. Я не ошибусь, если скажу, что она неохотно написала это полное лицемерия письмо и умело замаскировала им свои истинные намерения. И даже в том, что написала с большой покорностью, как клиент патрону, она показала гордость и признала себя равной его королевскому величеству тем, что в конце дописала: «Желаю вашей светлости всех благ. Марина, царица Московская»¹⁷. Читатель помнит, что пан воевода Мнишек в это время не бездействует, поддерживая, с одной стороны, Тушинский лагерь, с другой — пытаюсь разыграть «венгерскую карту» и свергнуть Сигизмунда, а с третьей — на всякий случай, пробуя заручиться монаршей же поддержкой и в обмен на корону Марины и ее отречение от прав на престол, получить от короля Новгород и Псков. В тот момент пану Юрию кажется наиболее рациональным помешать королю переманить на свою сторону тушинцев, и по непонятной для непосвященного наблюдателя причине его дочь из самой покорности воле государя неожиданно превращается в ту непримиримую мятежницу, образ которой представлен в привычной нам интерпретации отечественной истории. С распущенными волосами в мужском костюме она металась по лагерю и «сладкими речами, как зефирами, ласкала уши солдат». «Поистине это была женщина великая по своему уму, — писал Кобежицкий. — Она навещала роты, подходила к хоругвям, обещала щедрые дары, просила, доверенных и известных ей людей высылала в солдатские палатки, она научилась влиять на настроения солдат при помощи разных уловок, которые были невероятно полезны для удержания их верными Дмитрию»¹⁸. Как уже было упомянуто выше, царица раздала в эти дни огромную сумму в 100 000 злотых, и именно это способствовало уходу части войска к самозванцу в Калугу (прежде всего донских казаков).

Выполнив все для того, чтобы укрепить положение бежавшего мужа, Марина решила покинуть распадавшийся лагерь и прибегнуть к защите стоявшего в Дмитрове Яна Сапеги, видимо, также не без влияния батюшки. Оставив в своей палатке прощальное письмо на латинском языке, где с красноречием незаурядного политика гневно обличила попытки выдать ее королю, «ибо никто не имеет никаких

¹⁷ Ibid. S. 82.

¹⁸ Ibid. S. 99.

законных прав» ни на нее, «ни на это государство», она в сопровождении казака Бурбы и двух служанок ночью 13 февраля 1610 года оставила Тушино. Можно представить себе, как молодая смелая женщина зимней ночью преодолевает верхом более ста километров почти безо всякой охраны и мчится к Сапеге, способствуя тем самым исчезновению «воровского» лагеря и гибели от рук собственных солдат перешедшего на сторону короля предводителя князя Ружинского, намеревавшегося выдать ее Сигизмунду. В конечном счете польский король более потерял, чем приобрел с падением Тушино, а прощальное послание Марины, широко разошедшееся в списках не только в Польше, но и в Европе, вызвало к ней даже определенную долю сочувствия. Так, королевский дворянин С. Домарайтовский в письме к канцлеру Л. Гембицкому упоминает реакцию супруги Сигизмунда королевы Констанции на побег «пресветлой царицы»: «Она сожалела о несчастье этой бедной женщины, однако не без справедливой оговорки, как эта несчастная женщина заносчиво вела себя по отношению к его королевскому величеству, прибавив, что в ее положении разумнее искать благосклонности его королевского величества»¹⁹.

В Дмитрове Марина несколько приходит в себя, заодно пресекая попытки Сапеге ею манипулировать, и затем удаляется в Калугу к самозванцу. Вскоре Станислав Мнишек прибывает в лагерь короля под Смоленск и играет там роль сторонника Сигизмунда III, осуждающего действия сестры. Он даже получает королевское соизволение ехать к Марине в Калугу и уговорить ее и самозванца отдаться на милость польского монарха. Мы предполагаем, что эта игра брата и сестры имела одну цель — выторговать у Сигизмунда III определенные условия для семьи или же имитировать видимость преданности, она наверняка была срежиссирована паном Юрием из Самбора. В части архива Мнишков, хранящейся в отделе рукописей Национальной библиотеки им. Оссолинских во Вроцлаве, сохранилось упоминание о документе под названием «Мемориал его милости пана старосты львовского царю Дмитрию»; текст его, к сожалению, не обнаружен, но можно с уверенностью предположить, что он относится ко времени визита Станислава Мнишка в Калугу в качестве королевского посланника, официаль-

---

¹⁹ Письмо С. Домарайтовского Л. Гембицкому от 15 марта 1610 г. // *RaS. Extranea Polen. Vol. 96.*

но призывавшего сестру и ее супруга к покорности и, таким образом, снимая с семьи королевские подозрения в неверности государю.

Распад Тушинского лагеря, фактическое отступление «вора» от Москвы, успех королевских войск — все это весьма тревожные знаки для Юрия Мнишка. К данным обстоятельствам добавляется еще и третье — неожиданная гибель друга и союзника по рокошу и «венгерским делам» Станислава Стадницкого, без денег и людей которого действовать становится все труднее. Много лет Стадницкий, прозванный современниками «Дьяволом из Ланьцута» (по имени главной его резиденции — Ланьцутского замка), вел в Прикарпатье своего рода «частную войну» с лежайским старостой Лукашем Опалинским (в этом конфликте Мнишек выступал на стороне Стадницкого), при этом оба противника нещадно грабили и опустошали земли друг друга. В конце концов 4 августа 1610 года Опалинский разбил «Дьявола» в битве при Тарнавце. Стадницкий пытался скрыться в окрестных горах, но местоположение его кто-то выдал. На сейме 1611 года Юрий Мнишек обвинял в гибели друга его кузена, калишского кастеляна Адама Стадницкого: скорее всего, Стадницкие имели свои семейные счета, и Адам мог косвенно участвовать в деле расправы с «Дьяволом». Как бы то ни было, исполнил экзекуцию некий татарин Перса, которому на последующем сейме даровали дворянство и фамилию Македонский — так был рад Сигизмунд избавлению от своего закоренелого противника.

Кажется, сандомирский воевода предчувствовал, что эта смерть станет началом многих других бесчисленных потерь, которые ожидают в недалеком будущем его самого и всю семью Мнишек. Весьма красноречиво о его душевном состоянии говорит последний портрет, написанный в 1610 году львовским художником Шимоном Богушевичем для ризницы церкви Св. Андрея львовского бернардинского монастыря, который пан Юрий столь щедро осыпал своими пожертвованиями. Именно там видел его в начале XX века исследователь Смуты П. О. Пирлинг, а после Второй мировой войны полотно было помещено в фонды Львовской картинной галереи, а именно в ее филиал, расположенный в замке Олеско. «С первого взгляда можно сказать, — писал о портрете украинский искусствовед П. А. Белецкий, — что перед нами человек, переживший личную трагедию. Его лицо мрачно, взгляд заставляет содрогнуться: в нем злоба, отчаяние и тоска смертельно раненного зверя. Тучная фигура

словно обмякла, широкие плечи опустились, рука упала на саблю, словно бы не в силах взяться за эфес»²⁰.

Но момент написания портрета не был еще концом тех поражений, которые одно за другим перечеркивали надежды семьи Марины. Очередной удар им нанесло убийство теперь уже «Калужского вора», совершенное по приказу Сигизмунда Вазы, видевшего в нем после пленения гетманом Станиславом Жолкевским царя Василия Шуйского последнее препятствие к собственному достижению московской короны. Новой картой, на которую после этого решает поставить не желавший признавать поражение сандомирский воевода, становится ребенок, по официальной версии рожденный Мариной через месяц после убийства мужа; однако старый неприятель Мнишка гетман Станислав Жолкевский в своих «Записках о Московской войне» намекает на то, что «эта женщина выдавала себя за беременную», а дитя появилось на свет уж очень вовремя. Но несмотря на то что на имя «царевича Ивана Дмитриевича» рассчитывают теперь уже не столь многочисленные сторонники Марины, в их числе ее верный казачий атаман Иван Заруцкий, пан Юрий допускает реальность воцарения мнимого или истинного внука, но только после того, как из игры будет выведен Сигизмунд. И он упрямо продолжал действовать против короля, не гнушаясь никакими жертвами, хотя физических сил и политических возможностей у вельможи, оказавшегося практически без союзников и угнетенного невзгодами, оставалось немного.

Его интриги поддерживал сосед по земельным владениям, магнат Ян Феликс Гербурт, чей замок Добромиль находился на соседнем холме от Ляшецкого замка Мнишка (среди жителей этой местности до сих пор ходят легенды о таинственном подземном ходе, по которому паны могли даже ездить друг к другу в каретах). Кальвинист Гербурт, называемый современниками «ученым забиякой», совершенно не интересовался ведением хозяйства, и замок еще при его жизни постепенно превращался в руины. Погрязший в долгах, его владелец почти все средства тратил на свою частную типографию, которая печатала как политические памфлеты и антиправительственные стихи самого Яна Феликса, так и труды польских ученых, например многотомную «Хронику Польского королевства» Яна

---

²⁰ Белецкий П. А. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981. С. 40.

Длугоша. Протестант Гербурт являлся, как ни странно, весьма активным защитником православия и критиком Брестской унии, строил на своих землях церкви и самого себя называл русином, люто ненавидя короля Сигизмунда и его политику контрреформации и союза с Габсбургами. Пожалуй, он был единственным «идейным» участником сандомирского рокоша, ищущий не возвышения и материальных благ, а желавший «добра отечеству» в том виде, в каком он его понимал. Сигизмунд не имел возможности наказать руководителей восстания Н. Зебжидовского, С. Стадницкого и Я. Радзивилла, зато весь свой гнев выместил на Гербурте, на два года заточив его в Кракове. После освобождения в 1609 году хозяин Добромильского замка развернул прежнюю антиправительственную деятельность, писал эпиграммы и сатиры на короля и его окружение, в союзе со Станиславом Стадницким и Юрием Мнишком слал своих людей в Трансильванию к князю Габору Баторию и даже в Константинополь к турецкому султану Ахмеду I с призывами напасть на Польшу и лишить Сигизмунда короны. Момент был избран, казалось бы, благоприятный: король был занят осадой Смоленска и мечтами о русском троне, а в это время стараниями вышеозначенных недругов в августе 1610 года на западные районы Червонной Руси произошло нападение венгров, а точнее секеев — воинственных жителей приграничных с Польшей районов Трансильвании.

Кажется, пана Мнишка не останавливали даже убытки, которые в том числе и его староства могли понести из-за этих вооруженных банд: он видел перед собой только «большую игру», призом в которой было вступление на престол одной из двух его младших дочерей. Однако внешне сандомирский воевода продолжает вести себя очень осторожно и не дает повода подозревать его в неверности королю. В январе 1611 года пан Юрий пребывает в Нижнем замке во Львове на собрании шляхты Русского воеводства Речи Посполитой и, как всем кажется, на полном серьезе предлагает местному дворянству «обеспечить безопасность» этих земель, составив особую резолюцию, где королю выдвигались бы требования такого рода. Подобным образом он желал представить себя таким же пострадавшим от недостаточной заботы Сигизмунда о южных границах государства, как и вся местная шляхта, вероятно, не подозревавшая, что стала жертвой честолюбия собственного старосты. Пан Юрий совместно с львовским архиепископом Яном Замоиским даже подписал резолюцию от имени дворянства Львовской земли,

в которой высказывалась необходимость решить данную проблему на ближайшем сейме, т. е. формально «всеми силами» пытался «защитить» местное население²¹. Подобными тайными кознями против Сигизмунда Мнишек был поглощен в течение всего 1611 года, но своего рода квинтэссенцией противостояния короля и магната стал варшавский сейм, на котором монарх и его окружение попытались вывести наконец опасного для них сенатора из игры.

Сейм 1611 года открылся в Королевском замке в Варшаве 26 сентября. С одной стороны, он стал хотя и кратковременным, но небывалым доселе триумфом Сигизмунда, явившегося на нем в качестве покорителя Смоленска и вершителя судеб Московского государства, готовившегося показать парламенту плененного русского царя Василия Шуйского и двух его братьев. Лагерь королевских сторонников должен был торжествовать и привлечь в свои ряды большее число новых членов, остававшихся доселе нейтральными или же бывших в оппозиции к государю. В подобных обстоятельствах Юрий Мнишек, очевидно, предвидел, что окажется на сейме в весьма щекотливом положении, тем не менее был готов не только защищаться, но и атаковать. Несмотря на неважное состояние здоровья и немалые издержки в несколько десятков тысяч злотых, которые магнаты обычно тратили на достойный их положения выезд в столицу с многочисленной, богато разодетой свитой, сандомирский воевода решил вместе с сыном Станиславом прибыть на сейм, дабы представить себя верным сторонником короля, отвести подозрения в заговоре против государя и втайне, возможно, обрести еще союзников в поддержку своего дела. Младший Мнишек всюду сопровождал хворавшего отца, в том числе появлялся с ним на заседаниях сейма: официально как администратор приграничных земель он входил в состав парламентской комиссии по урегулированию польско-венгерских пограничных споров, неофициально же активно участвовал в делах родителя.

Пану Юрию необходимо было появиться в Варшаве еще и потому, что он рассчитывал склонить Сигизмунда даровать Марине, «несчастной вдове», как коронованной особе и одновременно польской подданной обещанное староство на территории Речи Посполитой, возможно, взамен на отречение от прав на московский трон. В то время, когда в Варшаве проходило заседание сейма, Марина

---

²¹ *Byliński J. Sejm z roku 1611. Wrocław, 1910. S. 34.*

с сыном находилась под Москвой в осаждавших русскую столицу отрядах первого ополчения, среди казаков своего верного спутника Ивана Заруцкого, желавшего вернуть ей престол. В сложившейся ситуации никто не мог поручиться за то, что фортуна вновь не склонится на сторону семьи Мнишек, и пан Юрий полагал: этим моментом нужно воспользоваться, дабы в случае неблагоприятного исхода дочь могла хотя бы приличествующим для ее происхождения образом проживать на территории Речи Посполитой.

Однако Сигизмунд был слишком прямолинеен, самоуверен и высокомерен: помазанник Божий не считал для себя подобающим торговаться о чем бы то ни было с фамилией, в вероломстве которой он уже столько раз убедился. Его окружение, поддерживающее честолюбивые замыслы государя сделаться русским царем и объединить посредством личной унии Польшу и Московское государство (а возможно, и Швецию, удалив дядю-соперника), принялось «искать виновных» в развязывании войны с восточным соседом, к чему, разумеется, ни они со своими советами, ни сам король были «не причастны», а всего лишь защищались, вынужденные отвечать на козни группы дворян, стремившихся передать польский трон первому или второму московским самозванцам. С первых дней заседания сейма в публичных речах в этом духе высказались коронный канцлер Л. Гембицкий, вице-канцлер Ф. Криский, познанский воевода Ян Остророг, однако ни один из них до поры до времени не осмеливался открыто назвать имя человека, на которого теперь возлагались все мыслимые и немыслимые грехи. Мнишек был все еще опасен и совершенно непредсказуем, никто не знал, на что он может решиться завтра, и стремились как можно скорее вывести его из игры. Здесь недруги сандомирского воеводы прибегли к испытанному средству: некий безвестный шляхтич из толпы, заполнявшей галереи зала заседаний, вероятно, выполняя возложенное на него поручение, выкрикнул, чтобы Мнишек ответил на высказанные в его адрес обвинения.

Инцидент произошел 4 октября, и пан Юрий просто вынужден был выступить с речью, показавшей, что его острый ум несколько не померк с годами и он по-прежнему в игре, ставки в которой невероятно высоки. «Речь Мнишка, — писал польский историк Я. Былинский, — стала примером изощренного дипломатического искусства и необычайной дерзости, где смелость, фальшь и отрицание очевидных фактов служили одной цели: оправданию воеводы

и переложению вины на противников, то есть регалистов»²². Эта речь или вотум была произнесена Мнишком экспромтом, но его красноречие и определенная доля артистизма ему не изменили: говорил он очень долго и по пунктам опровергал выдвинутые против него обвинения. «Кто-то из господ депутатов пожелал, чтобы я ответил...», — с этой саркастической ноты он начал свое выступление, намекая на то, что отнюдь не они подвигли его на произнесение речи. «Я человек, стоящий у края могилы, — продолжал воевода, — но не позволю умалить мою честь и желаю, если кто-либо в чем-то меня обвиняет, пусть выступит публично и докажет это. Моя верность вашему королевскому величеству и Речи Посполитой такова, что пусть бы все на меня ополчились, не сделают ничего. Подобно маслу [в воде], мои добродетели и верность всплывут на поверхность»²³. Далее пан Юрий отметил, что первый Дмитрий был «настоящим потомком московского царя», а не каким-то Гришкой Отрепьевым, таковым же его признали король и сенат, и только после их согласия на брак он, воевода, выдал Марину замуж за уже сидящего на троне государя. Касательно того, что Дмитрий хотел свергнуть Сигизмунда и сам занять польский трон, пан Юрий громогласно воскликнул: он, воевода и сенатор, к этому непричастен, а Дмитрий, зная его любовь к королю, не посмел бы даже заговорить с ним об этом, ведь всем известно, что не может быть милостей больше тех, коих удостоил воеводу сей государь. После этого Мнишек переходит в наступление и принимается обвинять «некоторых лиц» (прежде всего, по-видимому, Льва Сапегу) в том, что они знали о готовящейся «революции в Москве» и даже желали ее, принимали посла Дмитрия Ивана Безобразова, который на самом деле вместо того, чтобы выполнять возложенное на него поручение, предлагал трон самому Сигизмунду. Вообще многие знали об этих переговорах, но никто не счел нужным предупредить едущих в Москву свадебных гостей, таким образом обрекая соотечественников на верную смерть (это обвинение следовало понимать и как укор королю). Что касается второго Дмитрия, которого пан Юрий назвал «калужанином», то прибытие его с дочерью к нему в лагерь — акт самого грубого насилия со стороны усвятского старосты Яна Петра Сапегы, захватившего их по пути на родину и, угрожая расправой, доставившего в Тушино.

---

²² Byliński J. Sejm z roku 1611. Wrocław, 1910. S. 126.

²³ Ibid.

Мнишек утверждал, что и в лагере «вора» оставался верным его величеству, убеждая солдат отойти от обманщика и поддержать короля, за поступки же дочери отвечать не может: «ей не угодно было» слушаться родителя. Воевода полностью отрицал свои переговоры с Габором Баторием, провоцирование нападения секеев на южные районы Речи Посполитой, замыслы детронизации Сигизмунда с желанием сделать Лжедмитрия II или Габора Батория королем польским, назвав подобные речи «клеветой». Во всем этом виноват покойный Станислав Стадницкий, которого Мнишек якобы всеми силами пытался отговорить от злых намерений, принимая у себя в гостях как родственника и приятеля. Но пан Юрий призвал не судить его за то, что он сожалеет о смерти друга, «этого несчастного человека», думать надлежит не об этом, а скорее найти и покарать убийц. Далее пан Юрий, и нужно отдать ему должное, посчитал за честь разделаться с тем, кто поспособствовал убийству «Ланьцутского Дьявола», не называя имени и обращаясь к тому, «в чьих руках корреспонденция» Станислава Стадницкого: может ли тот на основании этих писем в чем-либо обвинить воеводу? Как мы уже упоминали ранее, кузен «Дьявола» калишский кастелян Адам Стадницкий был замешан в его насильственной смерти, захватил переписку и выдал корреспонденцию королю в надежде на щедрые награды в виде пожалования староств. Похоже, Мнишек был уверен в том, что оппонент не найдет там ничего компрометирующего, поскольку не поверял бумаге каких-то важных и тайных дел, маскировал намерения, действовал осторожно, и виновность его действительно было сложно доказать. Он закончил вотум на возвышенной патетической ноте, вызывая на поединок своего обвинителя в присутствии короля, дабы свершился «Божий суд».

После этого Адам Стадницкий с большим натиском повел атаку на Мнишка, это был шанс для него, с одной стороны, доказать свою верность королю, а с другой — показать депутатам собственную непричастность к вышеозначенному убийству. Он вновь обвинил пана Юрия в сговоре с Габором Баторием, в организации нападения секеев на юг Польши, а также в том, что он призывал шляхту Саноцкого староства не платить налогов на московский поход короля и выступить против государя (чему якобы сам стал свидетелем). Калишский кастелян намекнул присутствующим, что знает о Мнишке гораздо больше, но, не желая оскорблять слух государя, ограничился фразой: «Что бы ни сказал пан воевода сандомирский — все

это ложь!» Выслушивая столь оскорбительные для него слова, пан Юрий сдержался и счел за лучшее представить дело так, что подобные голословные обвинения ему не интересны и не заслуживают внимания. Здесь воевода решил сослаться на свою болезнь и покинуть собрание сената, хотя, вполне возможно, действительно чувствовал себя неважно: в те времена подобные заседания длились без перерыва много часов и могли закончиться даже глубокой ночью. «Я вынужден уйти, поскольку болен, — произнес он, вставая со своего кресла и обращаясь к Сигизмунду, — но прошу ваше величество, пусть мой traductor останется и докажет, что я лгал». Похоже, последняя фраза ввергла Стадницкого в исступление: Мнишек на латыни назвал его «традуктором», «переводящим». Пан Юрий великолепно знал античную историю и в своей аллегории обратился к примеру Цицерона, давшего подобное прозвище римскому полководцу и триумвиру Помпею за то, что тот «перевел» аристократа Публия Клодия, врага Цицерона, из патрициев в плебеи. Клодий получил вожденную должность трибуна, которую могли занимать исключительно плебеи, и тем самым Помпей этим противозаконным актом нанес Цицерону, верно ему служившему, «удар в спину».

Король ничего не ответил на обращение сандомирского воеводы и только поморщился, желая показать, что не горит желанием вмешиваться в споры сенаторов, касающихся их личных дел. Далее последовал инцидент, нечасто случающийся даже на бурлящем, подобно котлу, польском сейме: два пожилых сенатора проявили столь много запальчивости и безрассудства, что едва не убили друг друга. В предшествующей словесной перепалке Стадницкий пригрозил вырвать Мнишку язык, на что сандомирский воевода парировал: «Это я вырву тебе язык, потому что ты ни на что не годен, кроме как убить брата». Затем он назвал оппонента «сукиным сыном» и схватился за саблю, что сделал и Стадницкий, которого с трудом удержали за руки коллеги по сенату. Обнажить оружие в присутствии короля означало оскорбить престол помазанника Божьего, и обоих оппонентов решено было судить. Мнишек не стал дожидаться постановления и покинул заседание, коротко бросив: «Судите меня. Не могу [более]». Сенаторы постановили не допускать обе стороны на заседания, пока они не примирятся и не попросят прощения у короля, однако на это была слабая надежда: взаимная неприязнь калишского кастеляна и сандомирского воеводы на-

считывала не одно десятилетие. Ровесники, когда-то они вместе участвовали в московском походе короля Стефана Батория, и в последующем их жизненные пути неоднократно пересекались.

Примиришь противников вызвался плоцкий епископ Мартин Шишковский, родственник зятя Мнишка Петра Шишковского, а также познанский воевода Ян Остророг. 12 октября калишский кастелян и сандомирский воевода принесли свои извинения королю, однако для пана Юрия это была лишь формальность, не значившая ровным счетом ничего: он был готов к дальнейшим действиям против государя. В то же время нельзя сказать, что королевские сторонники, старавшиеся перед депутатами сейма возложить всю ответственность за Московскую войну на Мнишка, действовали более честно и открыто. Особенным усердием на сейме 1611 года отличился в этом отношении коронный вице-канцлер Феликс Криский, умалчивавший, например, о договоре между Сигизмундом и первым самозванцем, представляя дело так, будто король признал последнего царем по принуждению сената и чинов, а на первых порах не имел никакого отношения к поддержке «царевича», готовившегося к походу в Московское государство. У Криского во всем был виноват Мнишек, король же просто вынужденно защищался от его интриг. Подобные речи на последующих заседаниях сейма вице-канцлер повторял не раз, и хотя пана Юрия на них не было, Криский отмечал, что готов сказать все это ему в лицо. Было очевидно: королевских сторонников весьма опьянил легкий успех — занятие Москвы польским гарнизоном и пленение царя Василия Шуйского с братьями Дмитрием и Иваном.

29 октября коронный гетман Станислав Жолкевский, подобно римскому триумфатору, совершил въезд в Варшаву и представил братьев Шуйских в сенаторском зале Королевского замка. Это был политический акт, произведший сильное впечатление на современников и тем более на тех, кто присутствовал при нем (некоторые депутаты даже плакали, пораженные превратностями судьбы, столь унизившей тех, кто недавно являлся властителями огромного государства). «Доселе ни одному польскому королю Господь Бог не дал такой славы», — писал Жолкевский Сигизмунду²⁴. Придворный художник Томмазо Долабелла запечатлел это событие на великолепном плафоне, который украшал сенаторский зал, и, по бытующей

²⁴ Эйльбарт Н. В. Смутное время... С. 206.

среди польских историков легенде, был по просьбе Петра I передан королем Августом Сильным в Россию (в настоящее время обнаружены его фрагменты). Присутствуя на церемонии представления Сигизмунду Шуйских, Мнишек должен был испытывать неоднозначные чувства. С одной стороны, он дождался падения своего противника, отнявшего у его семьи положение, имущество и свободу, а с другой — пленение русского царя усиливало Сигизмунда, и у дочери пана Юрия оставалось все меньше шансов на успех. Возможно, и то и другое пробудило гнев воеводы, он выступил с речью, где вспоминал о тех унижениях, которым подверг его вероломный Василий Шуйский, о том, как он изменил всеми признанной коронованной царице Марине, как заточил его в тюрьму и «мучил всякими напастями», оскорбив в лице сенатора всю Речь Посполитую и вместе с тем и короля. В завершение Мнишек потребовал казни плененного царя, однако открытой поддержки это предложение не нашло. Тайные противники Сигизмунда, которых было на сейме немало, не желали преждевременно себя обнаруживать, зная о негативном отношении двора к сандомирскому воеводе, а сам король и его советники, вероятно, считали, что живой Шуйский будет для них полезнее мертвого. Персоной пленника его величество мог манипулировать, договариваясь с многочисленными враждебными друг другу политическими группировками в Москве. Кроме того, он, вероятно, полагал, что прецедент убийства, а тем более казнь монарха вообще развращает подданных. Таким образом, Мнишек не нашел поддержки двора и парламента в этом вопросе, тщетна была и его попытка склонить сейм выделить для Марины староство на территории Польши как для коронованной особы: видимо, Сигизмунд чувствовал себя полным хозяином России и вовсе сбрасывал со счетов семью Мнишек.

Этот последний в жизни сандомирского воеводы визит в Варшаву был омрачен еще одним неприятным обстоятельством: обремененному долгами вельможе пришлось продать свою великолепную резиденцию в столице, окруженную пышными садами и расположенную рядом с королевским замком на высоком берегу Вислы. Нужно отметить, что далеко не все сенаторы могли позволить себе содержать дома в Варшаве или Кракове, наличие такой престижной недвижимости свидетельствовало об особом статусе владельца, большинство же предпочитало арендовать дома у мещан на время проведения сейма и жить там в большой тесноте. Помимо

близости к королевскому замку, из окон этой резиденции открывался великолепный вид на воды Вислы с живописно плывущими по ней судами. В варшавских городских актах сохранилась запись, что 29 ноября 1611 года Юрий Мнишек продал ее коронному подкоморию Анджею Боболе, а через несколько лет сам король пожелал выкупить этот дом у последнего для сына Владислава²⁵. Ренессансное строение подверглось переделке под нужды королевича и его двора, затем еще многократно видоизменялось. Сейчас на его месте располагается Дом католического благотворительного общества «Каритас» (улица Краковское предместье, 62).

Несмотря на, казалось бы, окончательное поражение на сейме, сандомирский воевода не желал сдаваться. У него оставалось еще одно средство давления на короля — польские конфедераты. Амбициозность его величества мало соотносилась с его финансовыми возможностями: парламент неохотно утверждал налоги на войну, большинство сенаторов, кроме воинственных высказываний, не могли и не хотели предложить никаких материальных средств, боясь усиления королевской власти, а возжеленная помощь Ватикана так и не была получена. В этих условиях часть польских солдат, составлявших московский гарнизон, спасаясь от голода, холода и враждебного населения, отказались подчиняться королю, покинули русскую столицу и отправились «кормиться» на юг, в Червонную Русь, требуя от Сигизмунда выплаты заслуженного жалованья. Одна из этих своевольных группировок провозгласила «конфедерацию столичного войска», выбрав своим предводителем некоего пана Юзефа Теклинского. Конфедераты расположились под Кросно, на территории Саноцкого староства, принадлежавшего Мнишку, и оттуда слали свои требования королю. Кажется, пан Юрий видел в этих солдатах, многие из которых служили еще в тушинском войске Лжедмитрия II, ту оппозиционную Сигизмунду силу, которая поможет ему оказать давление на короля и обратить ситуацию как в Польше, так и в Московском государстве в свою пользу. Интриги сандомирского воеводы продолжал после его смерти друг и сосед, вышеупомянутый Ян Феликс Гербурт, в 1614 году призывавший конфедератов «идти на Варшаву и на сейме отстоять свои права силой», надеясь при этом, что солдатский бунт лишит Сигизмунда

²⁵ *Wejnart A. Starożytności Warszawskie. Dzieło zbiorowo-zeszytowe. Warszawa, 1848. S. 206. T. 2. Zeszyt VII.*

короны. Последние полтора года своей жизни, не желая признавать поражение и смириться с ним, гордый Мнишек настойчиво продолжал свою игру, и кто знает, во что вылилась бы ситуация в Польше, проживи воевода еще несколько лет.

В какой-то мере на сейме 1611 года противники короля достигли своей цели — парламент утвердил только два налога на войну, которых не хватило бы даже на выплату жалованья части войска. Поэтому государь вынужден был обратиться к сенаторам с письмом, в котором просил их помочь спасти положение, на что не получил почти никакого вразумительного ответа. Сохранилось по этому поводу письмо Мнишка Сигизмунду, датированное 3 апреля 1612 года, в котором перед нами предстает тонкий дипломат и беспринципный придворный льстец. Как «верный и доброжелательный» подданный, он убеждает короля в том, что только сейм может «спасти дело в основе». На самом деле это привело бы к проволочкам; под маской ревнителя законов пан Юрий надеялся выиграть время и при помощи конфедератов принудить Сигизмунда к отказу от Московской войны, а возможно, и польской короны. Мнишек умел маскировать свои истинные чувства и намерения, ему удавалось подставлять под удары других, самому же по возможности оставаться в стороне (вспомним, как, действуя против короля, «Ланьцутский Дьявол», Стадницкий, полностью себя скомпрометировал, участие же пана Юрия в этих делах так и не удалось доказать).

В вышеупомянутом письме к королю сандомирский воевода, будто насмехаясь над «тупоумным шведом», даже отмечал, что готов на определенные жертвы ради внеочередного сейма: «Что же, пускай наши затраты и сеймовые невзгоды уступят таким неотложным потребностям Речи Посполитой... Мне кажется, что любой предпочтет снести тяготы, нежели из-за таковых конфедераций не только выпустить из рук то, что ваше королевское величество с отвагой заполучили, но и ожидать какую-либо опасность для отечества»²⁶. Подписываясь под этими строками, Мнишек слал своих людей к конфедератам, принуждал шляхту Сандомирского воеводства и Червонной Руси голосовать против налогов на войну и за поддержку требований конфедератов, призывающих короля пустить

---

²⁶ Письмо Ю. Мнишка Сигизмунду III от 3 апреля 1612 г. // *RaS. Extranea Polen.* Vol. 90.

на оплату солдатам «сокровища, вывезенные из столицы», а также обратить на эти цели все налоги. О том, насколько Сигизмунд опасался Мнишка, свидетельствует то, что сразу после его смерти он отдал кресло сandomирского воеводы Збигневу Оссолинскому — в награду за успокоение им конфедератов и приведение сandomирской шляхты к покорности королевской политике.

1612–1614 годы были довольно мрачными для семейства Мнишек, их можно назвать своего рода политическим закатом и крушением последних надежд. Все более тревожные вести доходили из Московского государства: Марина и Заруцкий вынуждены были отступить на юг страны; вполне возможно, у них возникали мысли временно укрыться в Польше и присоединиться к конфедератам. Постепенно с польской политической сцены исчезали деятели, на чью поддержку Юрий Мнишек мог рассчитывать, а главным его союзником после убитого Стадницкого был рокошанин, краковский воевода Николай Зебжидовский, отошедший от дел и все больше предававшийся духовным медитациям²⁷. Гетман Станислав Жолкевский в одном из частных писем не без удовольствия отмечал, что вряд ли страдающий от подагры Зебжидовский, которого слуги носят в лектике, появится на сейме и выступит против короля²⁸. В 1612 году скончался старший брат Юрия Мнишка, красноставский и ясельский староста Ян Мнишек, от которого сandomирский воевода всегда мог получить содействие в своих делах.

Наконец, весной 1613 года умирает сын пана Юрия, двадцатилетний Сигизмунд, молодой человек, по словам современников, «подававший большие надежды» для карьеры политика и дипломата, и это печальное событие, кажется, наносит последний удар по сердцу его отца. Сам воевода, будучи уже очень болен, тем не менее покидает Самбор и едет в Санок, возможно для того, чтобы вести дальнейшие переговоры с конфедератами, коим не было суждено состояться. Вероятно, в это самое время в Польшу доходят известия о том, что Земский собор в Москве избрал нового царя Михаила Романова, и пережить это ужасное для него известие сandomирский воевода уже не смог. Юрий Мнишек скончался

²⁷ Вероятно, отмаливая собственные грехи и сожалея о прошлых поступках, краковский воевода строил огромный храмово-монастырский комплекс — Кальварию Зебжидовскую, ставшую второй по значению польской католической святыней после Ченстоховы.

²⁸ RaS. Extranea Polen. Vol. 104.

в Саноцком замке 16 мая 1613 года в возрасте 65 лет, оставив скорбящую семью в очень трудном моральном и материальном положении. У сандомирского воеводы остались огромные долги, имения его были проданы или заложены, а вдову и сыновей-наследников, Станислава и Франциска, осаждали толпы кредиторов. Примечательно, но при таком плачевном положении пан Юрий до конца своих дней оставался очень щедрым как в отношении церковной благотворительности, так и друзей, верно ему служивших и оказавших в свое время какие-либо услуги, — они не были забыты и в его завещании. Например, весьма богатое прикарпатское имение Поток близ Кросно Мнишек, хотя его собственной семье приходилось очень непросто, завещал в награду за службу некоему дворянину Флориану Освенциму.

Летом 1613 года в часовне Святой Анны при храме Успения Божьей Матери бернардинского монастыря в Самборе состоялось погребение воеводы и его сына Сигизмунда — оба гроба стояли на одном катафалке и были опущены в одну могилу: на этом закончилась история неожиданного и яркого взлета вельможной фамилии. Удивительно, но до нас не дошли (или пока не обнаружены) какие-либо надгробные речи или проповеди, сопровождавшие это событие, хотя даже менее значимые дворяне устаивались таковых. Но верные самборские монахи-бернардинцы и спустя многие годы продолжали служить заупокойные мессы о душе своего благодетеля, а монастырская хроника восхваляла «религиозного, богобоязненного и щедрого для церкви и бедняков» Юрия Мнишка, почитая за честь то, что его останки находятся именно в их храме.

ГЛАВА VIII

Семья Мнишек после кончины сандомирского воеводы. Гибель Марины. Трудная ситуация наследников Юрия Мнишка. Продажа замка в Ляшках Мурованых и его ограбление венграми. Жизнь Ядвиги Мнишек в Дембовце. Судьба Ефросины Мнишек. Станислав Мнишек — львовский староста. Франциск Бернард Мнишек. Возвращение Ляшек. Сюжетные картины Зала Фамилии

Очевидно, королевский двор в Варшаве вздохнул с облегчением, получив известие о кончине сандомирского воеводы. Теперь стало ясно, что Марина либо с позором вернется в Польшу, либо погибнет в России и уж, конечно, в любом случае не сможет больше претендовать на московский трон. Неудивительно, что, лишившись своего главы, семья пребывала в большой растерянности, а ее политическое влияние в стране фактически свелось к нулю, более того, братья Марины не могли не только чем-то помочь ей, но и защитить себя оказались не в состоянии. Двое сыновей воеводы, пережившие своего отца, Станислав и Франциск, не унаследовали его способности, энергию и целеустремленность, а жесткость и авторитарность родителя вообще лишила их желания проявлять хоть какую-либо инициативу и самостоятельность. Похоже, что Марина представляла себе, в каком положении находятся братья, и не хотела становиться изгоем в их доме, предпочтя самоубийственный путь дальнейшего сопротивления царю Михаилу Романову, замышлив бежать в Персию к шаху Аббасу вместе с сыном и верным атаманом Заруцким. Польский историк Александр Гиршберг, биограф Марины, называет ее «жертвой собственного честолюбия». На наш взгляд, к этому стоит прибавить и то, что она принесла себя в жертву не ради одних амбиций, но ради семьи, которую любила и за благополучие которой чувствовала себя ответственной.

Источники донесли до нас несколько версий ее гибели. По нашему мнению, наиболее приближена к истине та, которая была вписана в хронику самборских монахов-бернардинцев: плененную

московскую царицу утопили в проруби. Такую судьбу ей и сыну Ивану предрекали еще в 1611 году после убийства второго самозванца, о чем писал ксендз Якуб Задзик: «Скоро этому наследнику быть подо льдом, а возможно, с ним и матери»¹. Марину не удостоили повешения, как ее четырехлетнего сына: способ ее казни был сродни тому, который применяли к бунтовщикам низкого положения, и в польском общественном мнении это придало образу сандомирской воеводянки ареол мученичества. Что же касается ее сына Ивана, прозванного в России «воренком», то спустя много лет, уже в правление короля Владислава IV, в Польше не раз объявлялись люди, выдающие себя за казненного «царевича». Но братья Марины не имели к этому никакого отношения: они слишком устали от политики и слишком сурово были наказаны жизнью за прожекты своего отца, чтобы еще раз попытаться счастья на этом поприще.

После смерти Юрия Мнишка его вдова Ядвига и незамужняя дочь Ефросина вынуждены были покинуть Самбор, который, согласно королевской воле, перешел в управление зятя гетмана Станислава Жолкевского Яна Даниловича, и отправиться в местечко Дембовец близ Ясло в Прикарпатье, где и поселились. Они не могли более появляться даже в своем любимом родовом гнезде — замке в Ляшках Мурованых, который отныне оказался в руках венгерского магната Юрия Другета, пасынка покойного Яна Стефана Мнишка. Выше уже говорилось, что Другет, и в особенности его мать, потакавшая капризам молодого супруга Яна Мнишка и не отказывавшая в займах сандомирскому воеводе, одолжили им огромные суммы, однако при жизни пана Юрия предпочитали не слишком назойливо напоминать о долге, зная крутой нрав воеводы. Но после его кончины Другет сразу же потребовал у сыновей-наследников вернуть причитающиеся ему деньги — 180 000 злотых, что, разумеется, оказалось невозможно. Тогда предприимчивый венгр предложил Станиславу и Франциску Мнишкам купить у них их ординацию — замок Ляшки Мурованые и местечко Хиров со всеми прилегающими землями и деревнями, доплатив за нее всего 120 000 злотых и аннулировав прошлый долг. Сделка эта была противозаконна: согласно польскому праву, ординация не могла быть продана или разделена, а дворянин, не являющийся подданным

---

¹ Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 12 февраля 1611 года // RaS. Extranea Polen. Vol. 105.

Речи Посполитой, не мог владеть землями на ее территории. Несмотря на это, договор состоялся и оформился в виде закладной, но Другет был не из тех, кто уважал законы и право, поэтому чувствовал себя в замке полновластным хозяином на вечные времена и возвращать его не собирался. Ляшецкий замок, находившийся на польско-венгерской границе, являлся для него необходимым по той причине, что здесь всегда можно было укрыться от политических преследований в Венгрии, а также собрать военные отряды для борьбы за вожделенный престол Трансильвании, о котором Другет давно мечтал.

«Ляшки вместе с великолепным замком, — писал польский историк В. Лозинский, — перешли в распоряжение этого амбициозного и опасного венгра, который в новой своей резиденции создал кузницу политических интриг и заговоров против собственной отчизны, вербовочный лагерь наемных банд и отправной пункт военных набегов на Венгрию»². Юрий Другет, обладавший очень большим состоянием, пользовался доверием императора Фердинанда II и с его помощью претендовал на престол Трансильвании, тем более что с 1610 года был женат на Екатерине Надашди, дочери самой богатой графини Венгрии Елизаветы Баторий (племянницы польского короля Стефана Батория). Обладательница несметного богатства, его теща вошла в историю под прозвищем «кровавой графини» за то, что приказывала убивать молодых девушек и принимала ванны из их крови ради сохранения собственной молодости. Другет заручился поддержкой императоров Матиаса II и вступившего после него на трон Фердинанда II Габсбургов, и при имперской помощи надеялся стать князем Трансильвании, а в будущем и королем Венгрии. Однако в 1613 году трон Трансильвании при содействии турок захватил военачальник Габор Бетлен и сидел на нем довольно крепко. Собрав на приграничной польской территории военные отряды, в 1616 году Другет вторгся в это княжество, однако, потерпев сокрушительное поражение от Бетлена, вновь бежал в Польшу и укрылся в великолепно укрепленном Ляшецком замке. В 1619 году он попытался при помощи навербованных им бывших «лисовчиков», сыгравших печальную роль во времена Смуты в Московском государстве, вновь помериться силами с Бетленом, но и на этот раз неудачно, хотя при этом получил помощь императора и бывшего в то время с ним

² Łoziński W. Prawem... S. 302.

в союзе польского короля Сигизмунда Вазы. Между набегами на родину магнат не сидел сложа руки, наводя ужас на окрестную шляхту, неожиданно вторгаясь в их имения, грабя, убивая и беря заложников ради выкупа. Кроме того, он покровительствовал бандам разбойников, орудующим на больших дорогах, и за это получал от них определенную долю добычи.

Нетрудно представить себе, какой ущерб понесла Ляшецкая резиденция от хозяйничающего в ней Другета, тем более испытывавшего неприязнь к семье Мнишек. Он нещадно грабил замок, вывозил из него мало-мальски ценные вещи, мебель и картины. Таким образом, мрачный период истории Ляшек способствовал утрате бесценных исторических источников, могущих пролить свет на темные страницы Смутного времени в России. Возможно, не все документальные и вещественные свидетельства были безвозвратно утеряны, но настолько разбросаны по всей Европе, а возможно и миру, что обнаружение их чрезвычайно трудно (в XIX в., например, в Национальном музее Венгрии в Будапеште была обнаружена картина, изображающая прием польского посольства Лжедмитрием I 13 мая 1606 г., вывезенная Другетом из собрания Ляшецкого замка).

Граф Юрий Другет закончил свою жизнь бесславно: в 1620 году он был отравлен в замке кем-то из слуг. Возможно, «заказчиком» этого убийства стал его политический противник Габор Бетлен. Однако мрачный период в истории замка на этом не закончился — далее он перешел в руки сына Другета и внука «кровавой графини Баторий» Яна, а затем — родственника последнего Франциска Весселини и продолжал оставаться «венгерским гнездом» на территории Речи Посполитой, куда стекались эмигранты, недовольные положением дел в собственном королевстве. Не было сеймика, на котором местная шляхта не жаловалась бы на разбои и набеги венгров и не призывала бы вернуть Ляшки в руки прежних владельцев. В 1631 году в результате многочисленных судебных процессов братьям Станиславу и Франциску Мнишкам наконец удалось получить решение трибунала о возврате им родового замка при условии выплаты Другетам 150 000 злотых, однако венгры упорно не соглашались, требуя в два раза больше. Этот имущественный спор продлился до 1638 года, когда наконец дело получило свое окончательное разрешение: тогдашний хозяин Ляшек венгр Франциск Весселини уступил его младшему из братьев Мнишек

Франциску, который смог заплатить требуемую сумму. Станислав Мнишек, сам имея большие долги, отказался от прав на это имение в пользу брата, попросив его только возместить ему сумму за судебные издержки в 20 000 злотых. Таким образом, в течение без малого четверти века сыновья сандомирского воеводы пытались вернуть себе неотъемлемую часть того, что обуславливало принадлежность к магнатскому сословию — Ляшецкую ординацию, расплачиваясь за плачевные итоги «большой политики» своего батюшки³.

Как мы уже упоминали, после смерти супруга пани Ядвиги Мнишек вынуждена была покинуть Самбор, в Ляшках же хозяйничали венгры, и путь туда тоже был для нее закрыт. Единственным выходом для «пани воеводины» стало возвращение в прикарпатский городок Дембовец близ Ясло, пожизненную аренду которого вместе с окрестными деревнями она унаследовала от своего отца. Здесь, на берегу речки Вислок, когда-то стоял скромный деревянный господский двор, по своему внешнему виду далекий от роскоши магнатской резиденции и скорее похожий на дом шляхтича средней руки. Теперь о его существовании напоминают лишь остатки неглубокого рва, на прилегающей же территории уже в XX веке возведена одна из наиболее значимых римско-католических святынь Прикарпатья: санктуариум Салеттской Божьей Матери. В Дембовеце прошли последние два десятилетия жизни пани Ядвиги, которые она, перенесшая столько потерь и смертей близких ей людей, провела в молитвах, заботах о хозяйстве и благотворительности. Безусловно, дембовецкие мещане с ее прибытием вздохнули с облегчением, помня тяжелую руку сандомирского воеводы и чинимые им насилие и расправы. Теперь же они прибегали к заступничеству пани Ядвиги в случае притеснений со стороны дембовецкого бургомистра или городского магистрата и всегда находили благодетельницу в ее лице. Так, например, происходило, когда за отказ платить налоги сверх положенной суммы магистрат заключал дембовецких мещан в тюрьму, а пани воеводина всегда вступалась за них и просила выпустить, что, к слову сказать, бургомистр выполнять не спешил⁴. Вообще можно представить себе, как нелегко

³ Об имущественных спорах Мнишков и Другетов сохранились документы в том числе и в находящейся в Национальной библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве части архива Мнишков. См.: BNIO, Rkps. 2686/II, k. 3–4.

⁴ *Siarna Wł. Opis...* S. 385.

приходилось женщине, занимавшей некогда завидное положение супруги одного из первых вельмож королевства, окруженной внешним блеском и преклонением покровительствуемой им шляхты и опекаемого духовенства теперь, когда со смертью пана Юрия от всего этого не осталось и следа. Наибольшее беспокойство и душевную боль пани Ядвиги вызывала судьба младшей дочери Ефросины, подобающий положению брак для которой отец так и не успел устроить. Долги семьи не позволяли выделить ей приличное для сенаторской дочери приданое, и многие годы панна Ефросина прожила в Дембовце с матерью практически взаперти, завися от капризов и дурного расположения духа родительницы. Судя по всему, пани Ядвига была женщиной эмоциональной и, как выражалась дочь, «терроризировала» ее, возможно, принуждая уйти в монастырь. Однако в такой ситуации панна Ефросина проявила характер и решительность, которых не хватило ни одному из детей сандомирского воеводы: она порвала со своей семьей. В 1629 году дом пани Ядвиги в Дембовце стал на правах соседа посещать шляхтич Ермолай Станислав Иордан, проникшийся к ее дочери взаимной симпатией. Панне Ефросине было уже за тридцать, возраст по тем временам довольно солидный, она решила использовать шанс появления в их доме этого дворянина и бежать с ним. Дабы не вызывать подозрений ее матери, Иордан подкупил прислугу, которая поклялась молчать, а однажды ночью, в назначенный час после полуночи, приехал за ней в экипаже. Ефросина Мнишек уже ждала своего спасителя и, не забыв взять принадлежавшие ей платья, столовое серебро и драгоценности, уехала с ним в расположенную неподалеку деревню Самокленски, где в построенном еще ее отцом костеле Святой Марии Магдалины влюбленные обвенчались, а затем отправились в имение Иордана Рудоловицы. Братья бежавшей панны, Станислав и Франциск Мнишки, пытались аннулировать этот брак и привлечь смелого шляхтича к суду, подав жалобу в люблинский трибунал и обвиняя шурина в том, что он коварно вкрался в доверие к «ясновельможной пани воеводине», проник в их дом и выкрал сестру. Надо отдать должное трибунальским судьям: несмотря на весьма дурную славу этого учреждения и всеобщее мнение о том, что если бы в нем судил сам дьявол, то и он выносил бы более справедливые решения, на этот раз приговор был довольно оригинален. Судьи постановили, что Ефросина Мнишек не была украдена, а уехала по своей воле, а возраст ее таков, что она вполне

способна принимать самостоятельные решения, посему преступления со стороны Иордана нет. Однако панна Мнишек совершила действия, не подобающие ее положению, и за это суд лишил ее в пользу братьев половины приданого. Несмотря на это неприятное обстоятельство, младшая сестра Марины Мнишек проявила свободу выбора и обрела женское счастье с человеком, который искренне полюбил ее и помог в трудную минуту, и провела с ним всю жизнь в провинциальной тишине вдали от королевского двора и большой политики. У этой супружеской пары родился единственный сын, которого Ефросина назвала в честь деда Юрием, в дальнейшем он неоднократно фигурировал в польской истории как депутат сейма⁵. Пани Ядвига Мнишек, одиноко доживавшая свои дни в Дембовце, скончалась в весьма преклонном возрасте около 1633 года, на двадцать лет пережив своего супруга и царственную дочь, а Дембовецкое староство завещала сыну Франциску. Место ее погребения в настоящий момент неизвестно, по крайней мере самборская бернардинская хроника ничего не говорит о том, чтобы ее захоронение находилось в родовой усыпальнице — часовне Святой Анны — рядом с матерью, мужем и детьми.

Скажем здесь несколько слов о судьбе Станислава и Франциска Мнишков, которые при определенном исходе событий в России, возможно бы, вошли в ее историю в качестве первых государственных мужей и были вовлечены в фарватер российских реформ. Однако же по причине столь бурной деятельности своего отца, шедшей в пику политике короля, даже их положение на родине оказалось весьма щекотливым: Вазы были злопамятны и не желали прощать прошлых грехов. Во-первых, братья не могли заплатить королю налогов с управлявшихся родителем староств, посему, согласно польскому праву, были приговорены к баниции — изгнанию с территории Речи Посполитой. Для представителей знатного рода подобный приговор мог считаться достаточно формальным, однако он больно ударил по самолюбию воеводичей. Во-вторых, всецело завися теперь от милости Сигизмунда, они вынуждены были неукоснительно следовать в русле его политики, так что о каких-либо личных амбициях и продолжении реализации замыслов своего отца им пришлось забыть навсегда. Король в свою очередь хотел показать

---

⁵ Согласно гербовнику К. Несецкого, Юрий Иордан был женат на шляхтянке Елене Дрогоевской.

себя милостивым по отношению к сыновьям своего врага: согласно существовавшему в Речи Посполитой негласному правилу староства после смерти их арендатора, как правило, передавались монархом его ближайшим родственникам или же тому, кого укажет предшественник, и Сигизмунд не стал нарушать его. 11 сентября 1613 года он номинировал Станислава Бонифация Мнишка на Львовское староство с расчетом на то, что тот станет неукоснительно исполнять пожелания двора, и этот расчет оказался верен.

Заняв должность львовского старосты и уступив младшему брату Саноцкое староство, пан Станислав, обладавший довольно покладистым характером, стал верным рупором королевской политики в Червонной Руси. В 1615 году Сигизмунд написал ему, чтобы он собственными средствами вместе с коронным войском защитил земли староства от вновь нахлынувших туда из Московского государства войск солдат-конфедератов, в который раз требовавших от государя уплаты жалованья⁶, что Станислав не замедлил исполнить, даже не помышляя поддерживать бунтовщиков. Но как бы верно львовский староста ни служил теперь королю, государь и не думал как-либо вознаграждать его, воспринимая все услуги, оказанные трону, как плату во имя искупления прошлых грехов. Шли годы, ровесники пана Станислава и люди гораздо младше его получали староства, чины и сенаторские должности, уже собственный пасынок Адам Александр Сангушко стал сенатором и воеводой подольским, а затем волынским, а братья Мнишек по-прежнему являлись персонами нон грата. Они осознавали, что действия отца и сестры предопределили их судьбу, и, похоже, переносили эти унижения со смирением. Мрачно шутил по этому поводу Франциск Мнишек: «Звезды мне не благоприятствуют», — говорил он своим друзьям. Пан Станислав, бывший некогда правой рукой и верным помощником своего родителя в московских делах, привыкший быть сыном одного из первых сенаторов в королевстве, нелегко переносил такую перемену в своем положении и, по-видимому, находил утешение в религии. «Что у кого Бог временно отнимет, — писал он в одном из частных писем, — то по милосердию своему возвращает с лихвой, обращая отчаяние в утешение»⁷.

---

⁶ Письмо Сигизмунда III Станиславу Мнишку от 16 апреля 1615 г. // BNIO, Rkps. 2686/II, k. 10.

⁷ BNIO, Rkps. 2686/II, k. 11.

В истории Львовской земли Станислав Мнишек остался как щедрый благотворитель, причем довольно часто проявлявший знаки внимания по отношению к православным церквям⁸. Например, в 1614 году в местечке Скнилов близ Львова он выделил землю для постройки новой православной церкви, в 1617 году подарил старейшей во Львове Пятницкой церкви землю под строительство госпиталя, в 1616 году дал особую привилегию Львовскому православному Ставропигиальному братству (подтвержденную затем королем), освободив его дом при Успенской церкви от обязанности брать на постой солдат; а в 1636 году освободил больницу при православном Онуфриевом монастыре от всех податей.

Как и его отцу, Станиславу важен был религиозный мир, и если он и позволял себе иногда выпады против православного населения, то делал это исключительно из финансовых соображений (порой притесняя католиков ничуть не менее), стремясь извлечь как можно более доходов из управляемых земель, в мелочности далеко превзойдя своего батюшку. В этом отношении показателен следующий случай, имевший место в 1615 году. Львовским православным епископом в то время был Евстафий Тисаровский, противник унии, враждовавший с униатским духовенством. Своего рода ядром православной общины во Львове являлось Ставропигиальное братство, печатавшее свои книги в типографии при Онуфриевом монастыре, где трудился некогда Иван Федоров. Именно туда неожиданно нагрянули в сопровождении многочисленных слуг два униатских иерарха: митрополит Вениамин Рутский и епископ Илия Мороховский, видимо, надеясь наставить монахов-печатников на праведный путь. Православная братия подумала, что униаты пришли захватить типографию, и накинулась на них с кулаками, избив обоих иерархов, а те, в свою очередь, подали жалобу львовскому старосте. Пан Станислав, притворно выказав подобающие случаю строгость и гнев, приказал посадить в тюрьму нескольких участников избиения, но как только члены братства поднесли ему в подарок 50 злотых, быстро смягчился и не только приказал их выпустить, но и отписал королю по поводу инцидента, что львовское православное братство не выступало против униатских иерархов. Толерантно относясь

---

⁸ Станислав Мнишек, как и его отец, покровительствовал православным львовским художникам. Одному из них, Ивану Терлецкому, он даже подарил деревню Красницы близ Львова.

к православию и желая поддерживать хорошие отношения с львовской шляхтой «греческого вероисповедания», Станислав Мнишек тем не менее не допускал мысли о равном положении православных и униатов в Речи Посполитой: когда в 1635 году на сейме выступили с предложением поставить православие наравне с греко-униатством, он ответил, что это ущемит римско-католическую церковь. Что касается актов церковной благотворительности в отношении католиков, начатых еще его отцом, то он завершил строительство бернардинского монастыря во Львове, делал пожертвования доминиканскому монастырю (в храме, при котором завещал себя похоронить)⁹, а также особенно благоволил к ордену кармелитов.

Более тридцати лет брат царицы Марины управлял Львовской землей и оставил по себе неоднозначную память. Духовенство считало его благодетелем, шляхта вспоминала пана старосту как веселого товарища и хлебосольного хозяина, обильно угощавшего на банкетах львовское дворянство, съезжавшееся на сеймики Львовской земли в местечко Сондова Вишня, горожане же и крестьяне большей частью проклинали своего пана за неумную жажду наживы, измышление все новых налогов и всяческие притеснения. «Взаимным претензиям не было конца, — отмечает польский историк А. Чоловский, — будь то по причине постоянного нарушения прав горожан, или же по причине безнаказанных выпадов и злоупотреблений слуг старосты, вследствие чего он оставил по себе память как человек алчный и недоброжелательный к городу»¹⁰. Управление Львовской землей велось из центра старостинской администрации — Нижнего Замка во Львове (до наших дней это сооружение не сохранилось, на его месте сейчас находится театр им. Заньковецкой), в нем находились парадные покои администратора, помещения под канцелярию и суд, а также богато украшенный костел Святой Екатерины. Для тюрьмы и оборонительных целей служил так называемый Высокий Замок, руины которого и поныне сохраняются на господствующей над городом Замковой горе. Пан Станислав был человеком легкомысленным и расточительным, привыкшим к уровню жизни, некогда обеспечиваемому

---

⁹ Готический костел Божьего Тела при доминиканском монастыре во Львове был полностью перестроен в XVIII в. с сохранением небольшой части готической постройки, поэтому захоронение Станислава Мнишка до наших дней не дошло.

¹⁰ Czołowski A. Wysoki zamek. Lwów, 1910. S. 65.

ему батюшкой, и после его смерти не желал отказываться от своих привычек, совершенно не считаясь с реальностью. Какие только способы увеличения своих доходов он ни измышлял, но вечно был в долгах, а на Червонной Руси, похоже, не нашлось бы еврейского банкира, которому львовский староста не задолжал. Пан Станислав постепенно продавал свои немногочисленные наследственные имения, как, например, в 1633 году продал местечко Крылов и прилежащие к нему деревни познанскому воеводе Владиславу Остророгу, но это не спасало положения. Денежными затруднениями можно объяснить те незаконные и мелочные выпады, которые пан Станислав позволял себе по отношению к львовянам: под вымышленными предлогами он, например, арестовывал имущество купцов и затем присваивал их товары себе или, если они не были особо ценны, позволял продавать их во Львове только за определенное подношение, непокорных мещан его гайдуки похищали и затем тайно убивали за пределами города, а решения старостинского суда редко обходились без взяток со стороны тех, в чью пользу они выносились. Но как бы ни грешил в этом смысле пан Станислав и как бы ни затруднительно было его материальное положение — к церкви он был всегда неизменно щедр и благосклонен, считая благотворительность средством к искуплению грехов. Что касается рыцарских доблестей львовского старосты, то они были ему присущи сполна: азартный и импульсивный, он, как выражался поэт С. Гроховский, «не скучал в приключениях», проявляя себя человеком смелым и деятельным. Читатель помнит, что Станислав Мнишек во главе гусарской роты принимал самое активное участие в московском походе Лжедмитрия I, смело атаковал московские войска под Новгородом-Северским, едва не заплатил жизнью за победу в этой битве и чудом остался жив, увлекшись преследованием численно многократно превосходившего его отряд неприятеля¹¹. Уже в бытность свою львовским старостой, во время Польско-турецкой войны, когда после разгрома польских войск под Цецорой и гибели коронного гетмана Станислава Жолкевского осенью 1620 года вся Червонная Русь оказалась наводнена ордами татар, пан староста довольно дельно организовал оборону Львова, реставрировал и укрепил господствующий над городом Высокий Замок, обеспечив крепость гарнизоном и артиллерией, так что неприятель

¹¹ *Zabczyz J. Mars Moskiewski krwawy. Krakow, 1605.*

не отважился его штурмовать. При столь серьезной внешней угрозе Львов выстоял, хотя все окрестные земли в течение двухнедельного «рейда» крымцев обратились в пепелище; как выразился Станислав Мнишек в письме к королю, кроме столицы Червонной Руси, «не уцелело *reliquum nihil*»¹².

Львовский староста был весьма политически активен, не проходило ни одного сеймика или столичного сейма, где бы ни фигурировало его имя в качестве депутата или члена какой-либо парламентской комиссии, однако ни Сигизмунд III, ни вступивший после него на трон сын Владислав IV не желали забывать прошлого и никак не реагировали на таковое служение престолу. Владислав, однако, был более милостив к братьям Мнишек, и в 1633 году аннулировал долги покойного сандомирского воеводы перед короной, а также вместе с этим отменил приговор баниции, дамокловым мечом висевший над головами его сыновей без малого двадцать лет. Но этот милостивый жест был лишь видимостью, на деле новый король слишком хорошо помнил свою соперницу Марину и, возможно, с ее упорным сопротивлением связывал поражение отца в Московской войне. А посему Владислав, по общему мнению современников обладавший довольно добродушным характером, тем не менее не упустил случая еще раз задеть самолюбие братьев Мнишек.

В 1644 году пан Станислав, чувствуя скорую кончину, за неимением детей решил завещать свое имущество младшему брату Франциску, сюда входили и права на Львовское староство, при условии, что тот заплатит его многочисленные долги. Однако в это вполне законное и безобидное семейное дело неожиданно вмешался алчный родственник — двоюродный брат Андрей Мнишек, коронный кухмистр, близкий ко двору Владислава IV. Этот предприимчивый кузен, сын Николая Мнишка (младшего брата сандомирского воеводы), в отличие от родного брата Павла не участвовал в московских делах своего дядюшки, а посему ни Сигизмунд, ни впоследствии Владислав не лишили его монаршей благосклонности: в описываемое время он уже владел четырьмя богатыми староствами и почти постоянно проживал в Варшаве при королевском дворе. По-видимому, до Франциска Мнишка дошли слухи о том, что государь не намерен передавать ему Львовское староство, и он попытался найти поддержку в лице коронного канцлера и краковского епископа

---

¹² Более ничего (лат.).

Петра Гембицкого, своего давнего знакомого, в расположении которого к себе не сомневался.

Письмо пана Франциска, написанное в 1644 году, уже на склоне лет, как бы подводит итог его в целом довольно печальной политической биографии, которую он называл «чередой несчастий». Человек выдающихся способностей, которые умышленно не были замечены и хоть как-то оценены при дворе, он был глубоко религиозен и сносил это с христианским смирением. «Надежды мои, кои я когда-то питал, — писал пан Франциск П. Гембицкому, — на признание заслуг, немалое время оказываемых мною при дворе государя... [не оправдались], я не получил от короля и малой награды; и, несчастный, не только по сравнению с иными остался забыт, но еще и от других людей *immeritus*¹³ терплю *invidia*¹⁴. Вот и теперь пан коронный кухмистр, брат мой, узнав, что пан староста львовский, родной [брат] мой, имеет желание сделать меня старостой львовским цессией¹⁵, не помня заслуг моего брата и моих, *contraria preliatur fronte*¹⁶ и хотя я получаю это с немалыми издержками (потому как хочу принять на себя все долги моего брата), что иным образом *mederi*¹⁷, употребляет все силы, дабы помешать этому соглашению у его королевского величества, моего милостивого государя. Если так ему диктует поступать братская любовь, я [прошу] вашу милость, моего милостивого государя, *subiaceat censurae*¹⁸, ежели его милость пан кухмистр имеет уважение, знаю, что не может не принять во внимание [наши] заслуги, которые вовсе до сих пор остались *irremuneratus*¹⁹»²⁰. Эта просьба осталась неудовлетворенной: король Владислав IV после смерти Станислава Мнишка, последовавшей 20 декабря 1644 года, передал Львовское староство Андрею Мнишку, таким образом была поставлена точка в полувековом управлении львовской землей семьей сандомирского воеводы. Однако для Андрея Мнишка этот королевский подарок

¹³ Незаслуженно (лат.).

¹⁴ Зависть (лат.).

¹⁵ Цессия — передача прав.

¹⁶ Борется против меня (лат.).

¹⁷ Невозможно (лат.).

¹⁸ Исправить это (лат.).

¹⁹ Неоплачены (лат.).

²⁰ Письмо Франциска Мнишка Петру Гембицкому от 15 июня 1644 года // RaS. Extranea Polen. Vol. 109.

скорее являлся «вопросом принципа», он не собирался участвовать в делах Червонной Руси, появился во Львове всего несколько раз, а спустя два года в счет собственных долгов передал староство магнату Адаму Иерониму Сенявскому.

Младший сын Юрия Мнишка Франциск Бернард, которого панегиристы воеводы называли «последней семейной отрадой», был подростком, когда на его глазах разворачивалась трагическая история сестры Марины и обоих «Дмитриев». Судя по всему, родители думали о будущей блестящей духовной карьере для сына, сродни той, которую сумели сделать его дядя Бернард Мациевский и кузен Генрих Фирлей, а имя Франциск Бернард, в честь основателей покровительствуемого Мнишками бернардинского ордена, святого Франциска и святого Бернарда, было глубоко символичным. С детских лет младший брат Марины отличался особым смирением и скромностью, и был совершенной противоположностью честолюбивому батюшке и амбициозной сестре. Пан Юрий оказал мало влияния на воспитание младшего сына: поглощенный в последние годы жизни большой политикой, он мало им интересовался, и из-за материальных затруднений так и не позаботился о его образовании.

Упоминается лишь один случай, когда суровый отцовский нрав проявился в нем, но это было скорее исключение. В 1632 году саноцкая шляхтянка София Паржницкая проиграла дело в старостинском суде и обвинила Франциска Мнишка и его помощников в коррупции и подлоге документов, однако ничего доказать не могла. Она отправилась с жалобой на обидчиков в Коронный трибунал в Пётрков, однако по дороге была схвачена людьми разгневанного старосты. Она была закована в кандалы и посажена в башню Саноцкого замка, ей угрожала казнь за ложные обвинения. Однако вскоре пан Франциск смягчился и отпустил ее за выкуп, внесенный родственником Паржницкой, которая сразу же поспешила вызвать в суд своего освободителя.

После смерти сандомирского воеводы юный Франциск получил от старшего брата Станислава Саноцкое староство, а в 1615 году поехал на учебу в Италию в Падуанский университет, где в свое время слушали лекции братья. После возвращения на родину он поступил в штат королевских дворян, однако его рвение, как уже отмечалось выше, не было оценено Сигизмундом.

По мнению современников, Франциск являлся исключительно эрудированным человеком, прекрасно разбиравшимся в, казалось

бы, далеких друг от друга отраслях научного знания: истории, архитектуре, географии, медицине, политике, а по словам ксендза Ф. Рыхловича, любовь его к образованию была столь велика, что он «умер с книгой в руках». Оказавшись вместе с братом Станиславом в довольно затруднительном финансовом положении, Франциск весьма ответственно подошел к ведению хозяйства, был человеком экономным и рачительным, вероятно, унаследовав эти таланты от деда Николая Мнишка, многократно приумножившего свое состояние на новой родине. Постепенно ему удалось не только выпутаться из долгов, но и скопить средства, достаточные для выкупа Ляшецкой ординации, которую он украсил и облагородил после четвертьвекового венгерского опустошения. Удивительно, но, заботясь о материальном благосостоянии, Франциск Мнишек оставался милостивым по отношению к подданным и не прибегал к методам, столь часто практикуемым отцом и братом ради увеличения доходов. Он избегал расточительных шумных приемов, банкетов и излишеств в пище, соблюдал строгую диету, внимательно относясь к своему здоровью, выезжал на лечение за границу на воды, так что даже вызывал насмешки шляхты, считавших, что, «видно, слишком любит этот свет, раз не спешит на тот»²¹. Сохранился рисунок с его портрета, некогда входившего в портретную галерею Ляшецкого замка: на нем мы видим красивого и стройного шатена, с правильными «римскими» чертами лица и большими выразительными серыми глазами, одетого в скромный темный жупан, разительно отличающийся от богато украшенной одежды, изображенной на портретах родственников. Выше уже отмечалась исключительная религиозность пана Франциска. Особенно он чтит бернардинского монаха-отшельника Яна из Дукли, молитва к которому когда-то спасла от смерти его отца. В 1636 году он приобрел часть местечка Дукля у некой шляхтянки Менчинской, мечтая создать там уголок для умиротворения и духовных медитаций. Расположенная у подножия гор Бескидов на польско-венгерской границе, в то же время совсем недалеко от Санока и Кросно, Дукля, связанная с жизнью знаменитого своими чудесами

²¹ Franciszek Ryglowicz. Herb Franciszka Świętego w jasnie wielmożnym jego mości panu Franciszkowi Mniszku, kasztellanie sądeckim, kazaniem nazajutrz po pogrzebie jego (w kościele Dukielskim) Duchownie pokazany. Dnia 14 lutego roku Pańskiego 1662. Kraków, 1662.

монаха, становится до конца дней любимым местопребыванием пана Франциска: он строит здесь небольшой двухэтажный замок и окружает его четырьмя бастиянами и валами в стиле palazzo in fortezza.

В 1638 году наконец сбывается давняя мечта братьев Мнишек: Ляшецкий замок вновь возвращается в собственность семьи, и счастливый хозяин не жалеет денег и времени на придание бывшего блеска резиденции отца, ограбленной и опустошенной венграми. Предметом его особенной заботы становится Зал Фамилии, в котором еще стараниями сандомирского воеводы были сосредоточены полотна, представляющие историю рода и его службу у императора Карла Великого, а также триумфальный апогей славы семьи при въезде Марины в Москву, ее свадьбе и коронации. Мы уже упоминали о том, что пан Юрий очень любил живопись и щедро оплачивал нанимаемых им художников, обычно не обращая внимания на их вероисповедание и происхождение (он, например, неоднократно прибегал к услугам весьма талантливого украинского православного живописца Лаврентия Пухалы²², члена львовского Ставропигиального братства, когда-то иллюстрировавшего даже «Апостол» Ивана Федорова, но особенно был благосклонен и щедр к его коллеге — православному львовянину Федору Сеньковичу, автору многочисленных церковных иконостасов и росписей, в том числе и в знаменитой Пятницкой церкви во Львове, которому поручал написание портретов для семейной галереи), а созданные по его инициативе сюжетные исторические полотна были для того времени явлением совершенно новым в Речи Посполитой.

В Зале Фамилии находились многочисленные семейные портреты, в том числе написанный с натуры портрет Дмитрия Самозванца, ныне экспонирующийся в Государственном историческом музее в Москве, несколько портретов Марины и ее родителей и даже изображение Ивана Грозного в качестве «законного родственника» семьи. Стены этого прославляющего Мнишков зала украшали полотна, обращавшиеся своим сюжетом к старинной легенде об основателе рода Вандалине — военачальнике самого Карла Великого, в награду за службу получившем от императора к имевшемуся ранее в гербе черному страусиному перу еще шесть. Согласно инвентарю Ляшецкого замка, таких полотен, появившихся еще при жизни сандомир-

---

²² Белецкий П. А. Украинская... С. 38.

ского воеводы, было четыре: «Император дарует в герб Мнишка шесть перьев к одному», «Император Карл отдает семь перьев Мнишку», «Вдова Мнишек получает дарственную от императора», «Вдова Мнишек с детьми перед императором» (последний находится ныне в музее-заповеднике «Киево-Печерская лавра», местонахождение же остальных, увы, неизвестно). Однако история Марины, возвеличивающая деяния рода своей политической значимостью и одновременно трагизмом, должна была быть увековечена для потомков отдельно, и здесь форма расположения полотен была заимствована из дворца венецианских дождей: потолок при помощи резных вызолоченных балок разделялся на различной формы площади, куда и вставлялись картины. Начало моде на расписные венецианские потолки положил король Сигизмунд III, приказав сделать подобное в Мраморном кабинете Королевского замка в Варшаве, и вслед за монархом сандомирский воевода повелевает создать, по выражению историка искусств М. Гембаровича, «самый первый в Польше художественный плафон на историческую тему»²³. В части архива Мнишков, находящемся в Национальной библиотеке им. Ossolińskich во Вроцлаве, сохранился план-чертеж, на который нанесены названия картин, иллюстрировавших историю Марины и Дмитрия Самозванца, который мы приводим в настоящей книге²⁴. К сожалению, эти полотна дошли до нас лишь частично, но, согласно вышеупомянутому плану-чертежу, картины назывались следующим образом: «Князь Вишневецкий с паном воеводой отдают Дмитрия его королевскому величеству, а его королевское величество через пана Боболю возлагает цепь на Дмитрия и поручает войну пану воеводе», «Новгородская битва, выигранная паном воеводой сандомирским при помощи пана старосты львовского и многих других благородных ротмистров», «Смерть Годунова и тотчас послов от земли Московской приглашение на царство», «Въезд и триумф Дмитрия в Московскую столицу с войском польским и московским», «Свадьба царицы с Афанасием в Кракове в присутствии его королевского величества, королевны шведской и папского легата Рангони и царские подарки», «Приветствие польских послов и банкет для них и всех поляков», «Прием царицы в шатрах», «Въезд поляков с царицей в Москву», «Коронация царицы в присутствии известных лиц, как московских,

²³ *Gębarowicz M. Początki...* S. 156.

²⁴ BNIO, Rkps. 2686/II, k. 10.

так и польских», «Церемонии в Москве при коронации, что лучше знает его милость пан староста львовский», «Виды позолоченного стекла и серебра», «Горестный исход и убийство поляков».

Остается неизвестным, был ли этот грандиозный замысел реализован в полной мере, через многочисленные перипетии до наших дней дошли пять оригиналов и две копии этих исторических картин, хранящиеся ныне в Государственном историческом музее, Оружейной палате Московского Кремля, а также в Национальном музее Венгрии; о существовании и местонахождении других мы можем лишь догадываться. Как бы то ни было, по мнению М. Гембаровича, эти полотна — первые в Польше примеры «коллективного венецианского портрета», создавались в разное время и разными художниками, среди возможных авторов — львовский живописец Шимон Богушевич, Шимон Ендрашевич-Смутанский или же кто-то из учеников королевского художника Томмазо Долабеллы. На протяжении всего XVII века потомки сандомирского воеводы уделяли внимание украшению Зала Фамилии: картины и портреты (в том числе и самого Юрия Мнишка и Марины) копировались или же переписывались заново, поэтому историческая ценность сюжетных полотен довольно невелика. Например, в сцене коронации Марины мы видим костюмы и прическу самой царицы такими, какие носили на полвека позже данного события, и это указывает на то, что она создавалась живописцем при ее брате Франциске, и художник никогда не видел людей, которых изображал. Но ценно в этих полотнах другое — та идея, которую стремились донести представители рода до потомства: Марина и ее семья — избранные Провидением исполнители великой миссии, а она — была и останется в истории законной монархиней, помазанницей Божьей. И не случайно на двух полотнах, изображавших ее заочное обручение в Кракове с Афанасием Власьевым, на котором присутствовала королевская семья, нет ни Сигизмунда, ни его сестры принцессы Анны, ни королевича Владислава — этим Мнишки стремились показать, что король не имел никакого отношения к возвышению Марины и ни малейших прав на возложенную на ее голову корону. В то же время в плане-описании картин плафона мы находим полотно, где Сигизмунд Ваза поручает Юрию Мнишку ведение войны, таким образом в глазах собственных потомков с сандомирского воеводы должно было бы быть снято обвинение в том, что он когда-либо выступал против королевской воли или же не считался с ней.

По-видимому, работа живописцев над плафоном в Ляшках Мурованых была в самом разгаре, когда по неосторожности прислуги замок загорелся, а пламя уничтожило имущество на огромную сумму в 200 000 злотых. Польский геральдист К. Несецкий приводит весьма примечательный факт, что Франциск Мнишек ничего не сказал в ответ на это печальное известие, а только лишь молился. Спустя несколько лет он справился и с этой проблемой: замок все более приобретал черты блеска и великолепия, которые были ему присущи во времена Юрия Мнишка. В июле 1638 года король Владислав IV возвел наконец почти 50-летнего саноцкого старосту в сенаторское достоинство, дав ему незначительную должность сондецкого кастеляна, более связанную с обязанностью содержать за свой счет оборонный замок в прикарпатском городе Новый Сонч, нежели с каким-то политическим весом или доходами. К тому же Сондецкая кастеляния относилась к числу так называемых малых кастеляний и обозначала для обладателя этой должности место в самом конце зала заседаний, за креслами главных сенаторов. Франциск Мнишек принимал минимальное участие в работе верхней палаты парламента, и далее в основном пребывая в Саноцкой земле и занимаясь ее делами. Заслуживает внимания его поведение во время шведского «Потопа», когда, пользуясь крайне плачевной ситуацией в Речи Посполитой, трансильванский князь Юрий II Ракоци напал и опустошил ее южные районы. Разумеется, Ракоци мечтал о польском троне и не желал допустить возвращения в Варшаву бежавшего в Силезию короля, младшего сына Сигизмунда Вазы Яна-Казимира, пытаясь перетянуть на свою сторону приграничных магнатов Прикарпатья. Франциску Мнишку князь обещал самые высокие должности и богатства, и остается только удивляться ответу человека, столь неоцененного Вазами. «Я не желаю иметь ничего общего с негодями, терзающими собственное отечество», — такова была позиция пана Франциска.

Что касается личной жизни Франциска Мнишка, то она сложилась весьма счастливо: он женился на дальней родственнице со стороны матери, молодой вдове Барбаре Стадницкой-Бончальской, дочери осецкого старосты Марка Стадницкого, и имел троих детей, судьбы которых великолепно устроил. Дочь Урсула Тереза в 1654 году была выдана замуж за сенатора, белзского воеводу Константина Вишневецкого, и это был уже второй раз, когда две вельможные фамилии роднились между собой. Вторая дочь, Барбара, стала

женой галицкого стольника Адама Белзецкого. Единственный же сын, названный паном Франциском в честь деда и дяди Юрием Яном, получил блестящее образование в Падуанском университете и даже предводительствовал там диаспорой польской молодежи. По возвращении на родину он составил блестящую партию с Анной Ходкевич, дочерью влиятельного виленского кастеляна Яна Казимира Ходкевича. Получив должность волынского воеводы, Юрий Ян Мнишек был родоначальником всех последующих представителей этой фамилии, пресекшейся в первой половине XX века.

Младший брат Марины, последний из семьи свидетель ее трагической истории, скончался в довольно преклонном возрасте 30 декабря 1661 года во время свирепствовавшей в Прикарпатье эпидемии. Он был погребен в находящемся рядом с Дукельским замком костеле Св. Марии Магдалины, который в перестроенном виде сохранился до наших дней (как свидетельствуют местные краеведы, останки его и теперь находятся в пристроенной справа к храму часовне²⁵). На месте же когда-то довольно скромного замка правнук Франциска Бернарда, первый из светских сенаторов Речи Посполитой краковский кастелян Юрий Август Мнишек, самый влиятельный из вельмож при дворе короля Августа III, построил обширную резиденцию, окруженную французским парком с прудами, которую мы видим поныне, однако ничего не сохранившую из прежнего внутреннего убранства. Много лет сотрудники-энтузиасты замка-музея пытаются создать в нем экспозицию, посвященную роду Мнишков, однако до сих пор она носит фрагментарный характер и ничего не говорит об истории русской царицы и ее младшем брате — самом благочестивом и скромном представителе ее семьи.

---

²⁵ Swieykowski E. *Studya do historyi sztuki i kultury wieku XVIII w Polsce*. T. 1: *Monografia Dukli*. Krakow, 1903. S. 28.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Семья Мнишек: взгляд сквозь столетия

Итак, мы постарались изложить читателю историю семьи Марины Мнишек, биографии ее родителей, братьев и сестер, насколько это представляется возможным при имеющемся на данный момент фактическом материале. В завершении данной книги затронем вопрос о том, как оценивали их жизненный путь и роль в истории России и Польши современники и потомки, а также скажем несколько слов о судьбе оставшихся после них материальных свидетельств. Мы уже упоминали выше, что при жизни главных участников исторической драмы с российскими самозванцами — Марины и ее отца — они вызывали в польском обществе двоякие чувства. Зависть к их неожиданному возвышению провоцировала насмешки, но и падение не осталось без сочувствия. В 1621 году неизвестный польский поэт так писал о Юрии Мнишке:

Он украсил польский народ царским троном.
Но несчастна судьба его. Он похоронен¹.

Таким образом, уже спустя несколько лет после того, как сандомирский воевода, а вместе с ним и его обширные и дерзкие замыслы покинули этот мир, на первое место в оценке деятельности отца царицы соотечественниками выходит сочувствие к превратностям судьбы. В то же время в поступках отца царицы видится не предательство интересов Польши, а, наоборот, ее прославление и приумножение: ведь желание сменить короля вовсе не означало изменить отечеству в глазах современников и потомков. Особенное одобрение политические замыслы Юрия Мнишка получили во времена последнего польского монарха Станислава Августа Понятовского,

---

¹ О сарматском рыцарстве и сенаторах обоих народов при печальной кончине ясновельможного пана Яна Карла Ходкевича // RaS. Skokloster Samlingen, E-8603. P. 28.

который поместил бронзовый бюст воеводы в Рыцарский зал Королевского замка в Варшаве, в галерею великих людей Польши. Известно, что Станислав Август был человеком широко образованным и великолепно знающим историю своей страны. Так что же привлекло его в фигуре жившего более полутора веков назад вельможи? Историю о русско-польской личной унии, которую стремился реализовать сандомирский воевода, последний польский монарх слышал из уст родственника, мужа любимой королевской племянницы Урсулы Замоиской-Мнишек, великого коронного маршала Михаила Юрия Мнишка².

Последний занимал в польской политике позицию тесного союза с Россией, за что был удостоен императрицей Екатериной II двух высших наград — ордена св. Андрея Первозванного и ордена Александра Невского. Как его предок, граф Михаил Мнишек видел в единении двух государств путем личной унии ключ к взаимной выгоде. Еще до избрания Понятовского королем в Европе ходили слухи, видимо, исходившие из окружения Станислава Августа, о его возможном браке с Екатериной (их любовные отношения в молодости не являлись ни для кого тайной). Но такой исход событий не был выгоден Пруссии и Австрии, заинтересованным в территории Речи Посполитой и боявшимся усиления России; по-видимому, императрица слишком близко к сердцу принимала угрозу рассориться с ними из-за Польши. А между тем подобный исход событий спас бы Речь Посполитую от разделов, имущество магнатов и шляхты — от разграбления, а взаимная неприязнь двух славянских народов друг к другу могла стать значительно меньше, ибо каждый видел бы на престоле только «своего» государя. Безусловно, сам Станислав Август и его окружение желали бы подобного разрешения ситуации, но Екатерине это казалось личным принижением и лишним поводом поссориться с Европой. По этой причине польско-русская уния не состоялась, не повторилась (если говорить о прецеденте брака Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек) в XVIII веке. Однако, как уже говорилось ранее, пример возможного развития событий в начале XVII столетия привлекал короля, и он приказал своему придворному скульптору-французу Андре Ле Брану изго-

---

² В XVIII в. потомки Юрия Мнишка изменили написание фамилии на «Мнишек», поскольку не хотели, дабы их путали с польским шляхетским родом Мнишек, получившим дворянство за заслуги.

товить бронзовый бюст Юрия Мнишка, который весьма символично разместил в Рыцарском зале возле изваяния Хроноса — аллегории вечности. Этот бюст и ныне можно лицезреть в уготованном ему монархом месте: очевидно, он был отлит с какого-либо прижизненного прототипа³, или же скульптор использовал при его создании последний портрет воеводы. Удивительно, но талантливому Ле Брану спустя полтора века после кончины сандомирского воеводы удалось передать силу характера и внутреннюю энергию отца царицы, отраженную в его гордом и величественном повороте головы, в откинутых назад, подобно львиной гриве, волосах и особенно во взгляде: властном, пронзительном и суровом, а также показать и ту душевную боль, о которой мы говорили, описывая последние годы Юрия Мнишка.

С исчезновением Польши с политической карты Европы и подъемом патриотических настроений среди ее населения образ сандомирского воеводы, вопреки исторической правде, начинает трактоваться в качестве отважного «победителя московитов», разбившего старых врагов во имя Дмитрия. В начале XIX века, проезжая через Самбор, знаменитый польский историк и патриот Юлиан Немцевич сокрушается, видя разрушение бернардинского монастыря, так как именно здесь «покоился славный Юрий Мнишек»⁴. Именно в XIX веке в разделенном Польском государстве повышается интерес к выдающимся политикам Золотого века, жившим в эпоху Ягеллонов и Вазов, когда Речь Посполитая находилась на пике своего могущества. Так, знаменитый польский художник Ян Матейко трижды делает Юрия Мнишка одной из центральных фигур трех исторических полотен: «Смерть Сигизмунда Августа в Книшине», «Алхимик Сендзивой» и «Проповедь Скарги». Марина же становится героиней многочисленных литературных и художественных произведений, о ней говорят как о гордой и смелой, но в то же время несчастной женщине (особо стоит выделить написанную на французском языке книгу ее дальнего родственника-потомка Артура Потоцкого, а также картину художника Леона Вычулковского, изображающую царицу в русских снегах, сражающейся за собственную жизнь и за жизнь сына,

³ В коллекциях Вишневецкого замка, принадлежавшего семье Мнишек, имелся значившийся в инвентаре мраморный бюст сандомирского воеводы.

⁴ *Niemcewicz J. Podróże historyczne po ziemiach polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte.* Paryż, 1858. S. 432.

и полотно Яна Матейки «Марина Мнишек под Астраханью», где мы видим лихую наездницу, полную величия и трагизма). Вообще для «польского взгляда» на историю семьи сандомирского воеводы характерно то, что ее считают жертвой русской Смуты, и, по нашему мнению, подобное суждение не лишено оснований. Русские историки, писатели и художники склонны были приписывать Марине демонические черты роковой соблазнительницы и расчетливой авантюристки, к тому же зомбированной своими католическими исповедниками, но есть и факты, которые рисуют совсем иную картину: образованная молодая женщина, получившая всестороннее аристократическое воспитание, послушная дочь, любящая сестра, ставшая заложницей чести семьи и собственного страха падения.

Что же касается ее отца, то «романовская» историография изображала его попросту бессовестным мелким мошенником, как писал Н. М. Карамзин, «легкомысленным до безрассудности», разорившимся и не видевшим иного выхода, кроме авантюры с Лжедмитрием, якобы подосланным ему иезуитами, мечтавшими окатоличить Россию. А между тем существуют свидетельства, рисующие его личность не столь однобоко: при всех негативных чертах характера Юрия Мнишка и свойственной ему неразборчивости в средствах к достижению цели это был выдающийся представитель своей эпохи, бурной и жестокой: эрудированный интеллектual, гибкий, предприимчивый и смелый, видевший Россию не «дикой Московией», которую нужно завоевать подобно тому, как испанцы завоевали Новый Свет, а «великой частью христианства», с помощью унии постепенно и добровольно интегрированной в Европу в качестве ведущей политической силы. Пожалуй, именно сандомирский воевода был первым иностранцем, назвавшим русского царя императором, в то время как традиционно западные политики именовали его всего лишь великим князем Московским. Осознавая всю силу и величие восточного соседа, чей потенциал был сокрыт под тяжестью невежества и предубеждений, в своем проекте Мнишек, руководствуясь самыми благими намерениями, считал возможным убедить русских в преимуществах европейского образования, науки, права, от внедрения которых в Московском государстве, с его точки зрения, будущая обновленная союзная империя «трех народов» (московского, польского и литовского) только бы выиграла. И в этом чувствовалась симпатия славянина к близкому по языку и обычаям народу, особенно ярко угадываемая на фоне отношения к России «шведа» —

короля Сигизмунда III, считавшего, что с москвитянами можно разговаривать свысока, как с неразумными детьми, безапелляционно навязывая им свою систему ценностей и совершенно не обращая внимания на их ментальные и культурные особенности. Если говорить о пресловутом «желании» семьи Мнишек окатоличить Россию и подчинить ее Западу, то подобный миф «романовского» прочтения истории самозванцев, возникший по принципу «историю пишут победители», не выдерживает и самой скромной критики.

Пан Юрий был тонким политиком и использовал католическую церковь ради успеха дела Лжедмитрия I настолько, насколько ему казалось выгодным. Будучи с молодости хорошо знаком с Московским государством, всю свою жизнь управляя православными подданными Прикарпатья и толерантно относясь к их вере, он видел разрешение конфликта между католичеством и православием, между Москвией и Западом, в постепенной культурной и религиозной интеграции, унии церквей, подкрепленной личной унией, реализация которой займет не один год и, быть может, не одно десятилетие. При этом это станет не подчинением восточной церкви западной, а взаимовыгодным единением двух частей одного целого: Россия будет частью европейского сообщества, воспримет все его достижения, а московский царь в случае усиления протестантизма в империи Габсбургов сможет стать императором, защитником единой вселенской церкви и хозяином Европы. Польша же, на чей престол он прочил обоих Лжедмитриев и Марину, играла бы роль своеобразного координатора данного процесса, а участвующие в нем вельможи, в том числе и члены семьи Мнишек, могли бы достигнуть небывалой славы и почестей. Выше уже говорилось о том, что, поддерживая Лжедмитрия I, Юрий Мнишек ставил во главу угла не материальное вознаграждение, а славу — как прижизненную, так и посмертную, славу объединителя родственных народов, а также чувство сопричастности к важнейшим событиям в истории, возможность творить ее. «Давайте выиграем вместе» — такова была суть его намерений относительно России, то есть соединения польской «золотой вольности» и московской абсолютной власти, завершение многовекового соперничества славян.

Сформированное в российском обществе негативное пренебрежительное восприятие роли семьи Мнишек в истории России во многом обусловило то, что оказавшиеся на территории Российской империи после разделов Речи Посполитой материальные

свидетельства, относящиеся к эпохе самозванцев и хранящиеся у потомков сандомирского воеводы, были безвозвратно потеряны для истории, а не пощадившие эти земли две мировые войны завершили это уничтожение. Однако каким-то чудом до нас дошли рисунки — копии с фамильной галереи портретов, некогда украшавших стены Ляшецкого замка. Некоторые из них мы публикуем в настоящей книге. Читатель помнит, что Юрий Мнишек был большим любителем живописи и многократно портретировался сам как у местных львовских художников, так и у немцев Луки Килиана и Филиппа Гольбейна; потомки бережно сохраняли портретную галерею, заказывая с нее копии для других своих резиденций. В начале XX века папку с копиями портретов из Ляшецкой галереи приобрел основатель и директор двух крупнейших львовских музеев — Национального и Исторического — Александр Чоловский; эти рисунки, принадлежащие некоему художнику Шемету, представляли собой копии с уже не существующих картин — оригиналы погибли во время Первой мировой войны, в августе 1914 года, в битве под Рогатином между русскими и австрийскими войсками. Чудом сохранившиеся рисунки, 56 портретов, со следами солдатских сапог, в 1947 году были переданы дочерью Чоловского в собрание Национальной библиотеки в Варшаве, и благодаря этим счастливым стечениям обстоятельств мы можем наглядно представить облик многочисленных родственников Марины Мнишек⁵.

Первая мировая война и русская артиллерия уничтожили и сравняли с землей и другого свидетеля эпохи — некогда великолепный замок Мнишков в Ляшках Мурованых. Судьба этого каменного воплощения семейных амбиций после возвращения в собственность Франциска Бернарда Мнишка была непроста. Последующие полтора века, пока он находился в руках представителей рода, строение сохранялось и украшалось, однако уже к началу XIX века вследствие расточительности хозяев, чьи материальные запросы не соответствовали доходам с латифундии, ординация окончательно пришла

---

⁵ *Grońska M. Rysunki artystów polskich i obcych w Polsce działających od XVII do XX wieku. Warszawa, 1991. S. 178–186.* Мы также предполагаем, что в битве под Рогатином погибли более ранние копии, так как несколько портретов-оригиналов из Ляшецкой галереи, весьма напоминающие рисунки из описываемой коллекции, были нами обнаружены в Львовском историческом музее — «Королевской каменице» (портрет Ядвиги Фирлей-Мнишек, супруги Яна Мнишка, дяди Марины) и в Национальном музее во Вроцлаве (портрет Николая Мнишка, кузена Марины, сына Яна Мнишка и Ядвиги Фирлей).

в упадок. В 1815 году австрийский подданный Станислав Мнишек, потомок сандомирского воеводы в седьмом поколении, продал Ляшки, Хиров и Бонковицы, то есть всю огромную латифундию, ротмистру австрийской армии Эдварду Жеброни де Сполетти. Впоследствии замок неоднократно менял хозяев, в 1835 году горел, вследствие чего владельцы приняли решение разобрать его и продать на строительный материал. Таким образом, по Прикарпаты, а быть может, по всей Австро-Венгрии оказались рассеяны те художественные и исторические ценности, которые веками собирались семьей Мнишек. Из замкового кирпича были построены дома в окрестностях Ляшек, черепицу использовали для покрытия крыши здания окружного суда в Самборе (выстроенном на месте разрушенного бернардинского монастыря, где некогда находилась родовая усыпальница семьи царицы Марины), а снятый с пола одной из зал оригинальный арабесковый паркет, на котором, по преданию, Лжедмитрий преклонял колено перед своей невестой, купил владелец лежащего неподалеку имения Угерцы Минеральные; там паркет находится и поныне.

К началу XX столетия от некогда обширного замка остается лишь шестая часть — небольшое двухэтажное здание, а на месте уничтоженного великолепного парка — поля, засеянные сельскохозяйственными культурами. В 1914 году сохранившаяся часть замка подверглась артиллерийскому обстрелу со стороны российской армии: кто-то из офицеров, указав на Ляшки, сказал, что здесь некогда появился Лжедмитрий, и ради развлечения и, быть может, выражения патриотических чувств его почти полностью разрушили пушечными снарядами. Неудивительно: Россия изучала историю по учебникам Д. И. Иловайского, где вся вина за бедствия Смутного времени возлагалась на три фамилии: Мнишков, Вишневецких и Сапег. «Адский замысел против Московского государства — замысел, плодом которого явилось самозванство, — возник и осуществился в среде враждебной нам польской и ополяченной западно-русской аристократии», — с этой фразы, бывшей основой идеологической концепции истории Смуты в отечественной историографии без малого три века, начиналась книга Иловайского «Смутное время Московского государства»⁶. Оставшуюся после бомбардировки руину разобрали на строительные материалы местные жители (что, надо

⁶ Иловайский Д. И. Смутное время Московского государства. Окончание истории России при первой династии. М., 1894. С. 1.

сказать, было делом непростым — скрепляющий кирпичи раствор, замешанный на яичном желтке, являлся необычайно прочным), и в настоящее время мы можем видеть только остаток стены в виде трезубца, на вершинах которого аисты периодически выют гнезда. Однако двойное кольцо огромного оборонительного вала и почти двадцатиметровой глубины рвы и сегодня свидетельствуют о грандиозности исчезнувшего сооружения.

Автору этой книги дважды приходилось бывать в Ляшках, в 2003 и 2004 годах, и каждый раз в душе возникало сожаление о том, что столь значимый для русской истории памятник и одну из прекраснейших ренессансных резиденций Европы постигла столь печальная судьба. Весьма выразительным свидетельством упадка и забвения является лежащая на ведущей к замку аллее под кронами гигантских трехвековых лип белая плита песчаника. На ней под графской короной, которая когда-то гордо украшала стену замка и прославляла его могущественных владельцев, изображены два герба родителей Марины — «Семь перьев» Мнишков и «Топор» Тарло. Среди немногочисленных жителей местечка ходят вполне традиционные для соседства с загадочными руинами легенды, которые, однако, являются вымыслом лишь в определенной мере. Рассказывают, например, о великолепном саде с беседками, фонтанами и статуями античных богов, раскинувшимся на берегу Стрвонжа⁷, а также о чудесном зале замка с позолоченными стенами и стеклянным потолком-аквариумом, где гости хозяев вкушали трапезу, будто «на дне морском». Ляшане пересказывают также легенду о таинственной молодой женщине с сыном на руках, которая в лунные ночи ходит по валам и руинам: по их мнению, это безусловно Марина, которая и после смерти не желает покидать дорогие ее сердцу места.

В завершение скажем несколько слов о судьбе разошедшихся по всей Европе вещей из Лящевского замка — ценных исторических источников об интересующих нас событиях. В 1748 году часть убранства, библиотека и архив родового гнезда Мнишков были перевезены в замок Вишневец на Волыни, который после смерти последнего мужского представителя княжеской фамилии Вишневецких перешел в собственность его внучки Екатерины Мнишек, супруги

---

⁷ Ныне русло этой реки изменили, и на месте сада за замковыми валами находятся заболоченные поля.

Яна Карла Мнишка. Великолепие художественных собраний Вишневецкого замка, названного французским писателем О. де Бальзаком «польским Версалем», поражало современников: две богатейшие фамилии Речи Посполитой сосредоточили здесь огромное количество старинной мебели, скульптур, книг, рукописей и почти две тысячи полотен, в том числе четыре сотни портретов. Время наибольшего расцвета резиденции наступило при уже упоминавшемся нами Михаиле Юрии Мнишке, великом коронном маршале, родственнике и близком друге короля Станислава Августа Понятовского. Он неоднократно появлялся при русском дворе и был очень ценен Екатериной II, удостоившей его высших наград империи; возможно, сама царица посоветовала своему сыну Павлу Петровичу, путешествовавшему вместе с супругой по Европе под именем графа и графини Северных, посетить Вишневец.

Исторический визит наследника русского престола к потомку фамилии, некогда претендовавшей на русский трон, состоялся в октябре 1781 года; здесь же Павел встретился с польским королем. Однако данный визит вызвал некоторое беспокойство у хозяев — от Павла тщательно прятали полотна из ляшецкого Зала Фамилии, где были изображены свадьба и коронация Марины. Но до Екатерины все же доходят слухи о существовании любопытных картин, отражавших историю женщины, которая, как и она сама, волею случая оказалась на российском троне. Во время встречи царицы и польского короля в Каневе на Днепре весной 1787 года произошло событие, подробно описанное Урсудой Мнишек, супругой Михаила Юрия, в послании к матери, сестре короля: «Мы были весьма удивлены, когда в какой-то из дней императрица пожелала от моего мужа, дабы приказал копировать для нее три картины, находящиеся в Вишневце, кои мы с величайшим старанием прятали во время приезда Великого Князя. Однако секрет не был сохранен и неизвестно, откуда она узнала об этой Марине Мнишек и о том, что нарисована ее коронация и венчание с Дмитрием. Она настаивала на этом, требуя, чтобы [копии] были той же величины, что и оригиналы и с теми же самыми надписями. Король должен прислать художника из своей мастерской, дабы написал хорошие копии для нее, потому как оригиналы сделаны небрежно»⁸. Станислав Август действительно прислал талантливому ученика Марчелло Баччиарелли Валентина Котерского, а копии

⁸ Цит. по: Gębarowicz M. Początki... S. 58.

картин из Вишневец (в том числе портреты Лжедмитрия и Марины) вскоре оказались у августейшей заказчицы. Ныне две из них находятся в Оружейной палате Московского Кремля и, по нашему мнению, та, что изображает заочное обручение Марины в Кракове, носит гораздо более черт исторической достоверности, нежели представленная в Государственном историческом музее⁹. Таким образом, любопытство императрицы, так обеспокоившее Михаила Юрия Мнишка, не имело каких-либо негативных последствий для его карьеры; наоборот, польские аристократы, выказавшие лояльность российской короне, были ею обласканы (Урсула Мнишек, например, получила звание статс-дамы при особе Екатерины).

В последующие десятилетия, особенно в царствование Николая I, официальная доктрина «православие, самодержавие, народность» оставляла перешедшим в русское подданство представителям волынской ветви семьи Мнишек¹⁰ весьма мало шансов на придворную карьеру, да и вообще на толерантное отношение к деятельности их предков, так что, возможно, уже в начале XIX века хозяева Вишневец задумывались об эмиграции. Показательным примером их скрытности и недоброжелательности к тем представителям русской общественности, кто пытался в очередной раз искать «скелеты в шкафу» вельможной фамилии, служит прием историка Н. И. Костомарова, оказанный ему в Вишневец графом Карлом Филиппом Мнишком в 1845 году.

Костомаров, тогда еще только задумывавший написать историю русской Смуты, подробно осветил этот визит в своей «Автобиографии»: «Граф Мнишек допустил нас к себе, принял довольно холодно и на просьбу мою осмотреть его замок сказал, что там нет ничего любопытного; потом призвал служителя и, отдав ему ключи, велел вести нас по комнатам замка, но приказал не заводить нас в библиотеку, где, как он сказал, рукописи находятся в беспорядке. Это мне показалось очень прискорбным, я понял, что не увижу того, что меня особенно интересовало и побудило искать знакомства с польскими магнатами»¹¹. Но дотошный историк не унимался; после осмотра резиденции, обедая с графом, он попытался спросить его о самозван-

---

⁹ Обе картины представлены у Ровинского. См.: *Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии*. СПб., 1886. Вып. 4. № 123–130.

¹⁰ Другая ветвь этого рода, галицийская, приняла австрийское подданство и также была вознаграждена придворными должностями.

¹¹ См.: *Костомаров Н. И. Литературное наследие*. СПб., 1890.

це, на что получил лаконичный ответ: «Это было уж очень давно». В сущности, таковая реакция хозяина замка предсказуема: ему, по видимому, были известны работы русских историков о Смутном времени (труды Н. М. Карамзина и Д. П. Бутурлина), где роль семьи Мнишек безапелляционно рисовалась в самых темных красках, и это воспринималось графом довольно болезненно. Монография Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства» также односторонне расставляла акценты, подчеркивая «низости» и «гнусности» польской стороны вполне в русле ставших уже «традиционными» воззрений. А между тем библиотека, которую Карл Филипп Мнишек столь ревностно оберегал от посетителей, таила в себе несметные богатства: сотни томов рукописей, тысячи старинных книг, а также портреты семьи царицы Марины. Польский путешественник и историк Александр Пшездецкий так описывал замок в 1841 году: «Внутри дворец был убран с превеликой пышностью. Везде аксамитовая, атласная и брокателевая обивка; ценные картины и часы; китайские и турецкие предметы; окованные серебром гербовые столики; серебряные ванны и вазы»¹².

Хозяева Вишневецца продолжали с благоговением сохранять предметы, имевшие отношение к началу XVII века: в каретной стоял экипаж Марины — кароцца в форме лодки, с застекленными окнами, подвешенная на кожаных ремнях и обитая внутри белым аксамитом с коричневыми звездочками, снаружи украшенная ренессансной резьбой и монограммой царицы — двойной буквой «М»; а также привезенные из Ляшек носилки-лектика воеводы Мнишка. На стенах резиденции висели великолепные ярко вышитые шелка, которые приписывались работе фрейлин Марины, а в Вишневецком парке в XVIII веке была выстроена особая беседка под названием «Беседка Марины Мнишек», своего рода «аналог» того, что было в Ляшецком парке, где она назначала свидания Дмитрию Самозванцу.

В обширном замке практически не нашлось бы свободного места на стенах, где бы не висели картины из насчитывающей почти две тысячи единиц художественной коллекции, которую начали собирать еще отец царицы и ее братья: здесь были произведения Лукаса Гранаха Младшего («Спящий купидон»), ван Дейка, Рубенса («Петр Скарга»), Рембрандта («Иов»), Гольбейна (портреты семьи

¹² *Przeddziecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina: obrazy miejsc i czasów. Gluecksberg, 1841. T. 1. S. 57.

Мнишек), несколько нарисованных с натуры портретов Дмитрия Самозванца, огромных размеров картина неизвестного художника, вероятно, написанная по заказу Юрия Мнишка «Рокош, или Состояние Речи Посполитой в правление короля Сигизмунда III» и др. Почти сотня дворцовых комнат вмещала перевезенные из Ляшечского замка рыцарские доспехи, оружие, люстры, статуэтки, вазы и мебель, которые можно было бы назвать «немыми свидетелями» честолюбивых замыслов сандомирского воеводы. Именно в это время, когда бесценные вишневецкие коллекции находились еще в руках графов Мнишков, существовала уникальная возможность проникнуть во многие тайны русской и польской истории, но вельможная фамилия весьма ревностно оберегала все, что хоть как-то в негативном смысле могло затронуть их предков.

Следующие владельцы Вишневеца, сыновья Карла Филиппа Андерей и Юрий Мнишки, совершили тот шаг, о котором, вероятно, не раз задумывался их отец: они решили продать родовое гнездо и эмигрировать во Францию. При этом братья проявили столь мало уважения к наследию предков и истории собственной семьи, что вызвали этим ужас и недоумение современников. В 1852 году Вишневец был продан грузинской княгине Абамелек, и с этого момента берет свое начало его тотальное и безжалостное разграбление. Замок этот — средоточие богатства и эстетического вкуса хозяев, вызывал восхищение проезжавших по Волини путешественников, уже упомянутый нами О. де Бальзак, супруг графини Эвелины Ганской, тещи одного из двух братьев Мнишек Юрия, с радостью пишет во Францию, что скоро его квартира в Париже будет украшена полотнами из «польского Версаля» — Вишневеца. Покидая родовое гнездо, граф Андрей Мнишек, и сам талантливый художник, взял с собой некоторые фамильные портреты и ценные полотна западноевропейских живописцев, часть коллекции бронзовых, мраморных и фарфоровых предметов, золотые и серебряные сервизы, часть рукописей из библиотеки и две с половиной тысячи томов наиболее ценных изданий.

Со времени отъезда его из Вишневеца открылась самая печальная страница в истории наследия семьи Мнишек. «Кругом зловещая пустота и руина, свидетельствующая о том, что прошли те времена, когда хозяева имели и желание, и возможности, и кроме того, чувствовали себя обязанными содержать подобные здания», — писал посетивший замок в 1877 году корреспондент варшавской газеты «Век» Павловский. Часто менявшиеся хозяева (среди них граф

В. Плятер, киевский коммерсант И. Толли, поручик П. А. Демидов) распродают замковые коллекции, а Вишневец в большом количестве посещают антиквары, историки и просто любопытствующие со всей Европы¹³, увозя в разные уголки мира то, что было связано с историей старинного графского рода. Владельцы не жили в резиденции, а посему по причине недостаточной охраны из библиотеки пропадает много ценных рукописей и редких старинных книг. В 1905 году в Париже умер Андрей Мнишек, последний представитель «волынской» ветви рода (пережив своего бездетного сына Леона), а в 1941 году со смертью графа Александра Мнишка пресеклась и «галицийская» ветвь семьи. Вывезенные Андреем и Юрием Мнишками во Францию фамильные коллекции были распроданы на многочисленных аукционах и разошлись по музеям и частным собраниям мира, периодически появляясь на очередных подобных мероприятиях¹⁴. Значительная часть архива Мнишков попала в польские документохранилища (в частности, «Оссолинеум»), а также в Центральный Государственный архив Украины, где находится до настоящего времени. Однако на пути поиска новых фактов, связанных с событиями Смутного времени, будущих исследователей ждет немало количество случайных открытий и сюрпризов, обусловленных новыми, неожиданными находками.

Завершая повествование о семье Марины Мнишек и о той возможной роли, которую она при определенном образе сложившихся обстоятельствах могла бы сыграть в истории России, хочется еще раз подчеркнуть, что отечественная, да и в какой-то мере польская историография допускала весьма однобокие и целиком негативные суждения о ней, что, на наш взгляд, исторически несправедливо. Московское государство, необходимость модернизации которого доказала неудачная для него Ливонская война, нуждалось в европеизации, достижениях западной науки и культуры, наконец, в современном для того периода оружии и флоте, хотя бы торговом. И легче всего этот процесс мог бы начаться путем брака русского царя с представительницей европейской политической элиты, которая вместе со своим окружением привнесла бы новые черты сначала в придворную, а затем и в государственную жизнь (вспомним,

¹³ См.: Лукомский Г. К., Лукомский В. К. Вишневецкий замок. Его история и описание. СПб., 1912.

¹⁴ Подробнее о судьбе семейного архива и коллекций см.: Ульяновский В. И. Мнишки; Rosset T. F. de. Kolekcja Andrzeja Mniszcha. Toruń, 2003.

что брак с иностранкой, английской королевой Елизаветой I, желал еще Иван Грозный). То, что таковой государыней стала славянка, польская шляхтянка, носительница культуры достаточно близкой к русской, оставляло меньше шансов для неприятия новых культурных веяний в московском обществе того времени, в этом случае не нужно бы было ничего навязывать — только показывать пример, и он органично воспринимался бы как «свой», не чуждый русскому. Подобный процесс значительно бы облегчился, свершись объединение России и Польши под скипетром московского царя, к чему всеми правдами и неправдами стремился отец Марины: этот союз смог бы положить конец соперничеству и избежать тех многочисленных кровавых столкновений между Московским государством и Речью Посполитой, которыми было так насыщено XVII столетие. Таковые, выражаясь современным языком, «панславистские» идеи Юрия Мнишка не были случайны: кроме того, что они при сложившихся обстоятельствах становились очень выгодны для семьи, польская общественно-политическая и философско-теологическая мысль выражала в то время подобную точку зрения, становившуюся все более популярной. Например, входивший в окружение кардинала Бернарда Мациевского, кузена Мнишка, францисканский монах Войцех Демболецкий высказывал мысли о том, что славянский язык является самым старым в Европе, он древнее латыни и греческого и происходит от сирийского, на котором говорил библейский Адам, а значит, славяне по праву должны считаться единственными прямыми наследниками политической власти над миром¹⁵.

Возвращаясь к вопросу европеизации России и будущих взаимоотношений в союзном государстве, хочется подчеркнуть, что в проекте, предложенном со стороны Мнишковых, ни в коем случае не допускалось применение каких-то насильственных действий: только добрая воля московского народа, убедившегося в преимуществах новых веяний с Запада, может стать прочной основой для реформ, проводимых двором постепенно, может быть, десятки лет. Что же касается замыслов унии русской православной церкви с церковью католической, то идея эта спустя два столетия нашла своих горячих приверженцев в лице «русских католиков» — перешедших в католицизм представителей аристократии, видевших путь единения России и Запада в отказе от «слепых предрассудков» раскола хрис-

---

¹⁵ Dębolecki W. Wywód jedynowłasnego państwa Świata. Warszawa, 1633.

тианства, который когда-то стал следствием многовекового соперничества греков и римлян и к которому славяне вообще не должны были иметь никакого отношения. Один из главных идеологов этого движения, князь И. С. Гагарин, автор широко известного в свое время труда «О примирении русской церкви с римской»¹⁶, отмечал, что невозможно бесконечно пребывать в расколе, мир выгоден всем, тем более речь шла не о поглощении, а о равноправном союзе с признанием обрядов друг друга. «В чем состоит, — писал он, — та общность, которая существует между различными европейскими странами, но к которой Россия остается непричастной? Такова была проблема, вставшая предо мной... проблема, решения которой я с тех пор не переставал искать и которая, наконец, привела меня в католическую церковь». Рассуждения эти удивительно похожи на те идеи «культурного приобщения» Московского государства к Европе через унию церквей, которые выдвигались первым самозванцем и частью его польского окружения. Но вспомним также и петровские реформы — проведение по крайней мере реформы церковной реализовывалось руками привлеченных царем бывших униатов, происходивших из православной шляхты Речи Посполитой и получивших в Польше блестящее католическое образование (среди них назовем Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Феофилакта Лопатинского), потому как кадрами подобного уровня русская православная церковь в то время просто не располагала.

Однако, отвергнув исторический шанс перемен в начале XVII века, Россия неизбежно вновь подошла к необходимости решения этой проблемы спустя неполное столетие, Речь Посполитая же погрузилась в хаос анархии, солдатских и казацких бунтов, с которыми польско-литовская политическая система вследствие своего внутреннего устройства так и не смогла справиться. Если прибавить к этому то, что соседние братские народы продолжали бесплодно враждовать друг с другом, приходится констатировать, что уния Польши и Московии тогда в той или иной форме могла стать лучшей альтернативой, а славянская аристократическая семья Мнишек вполне могла послужить славе обоих государств, однако не получила от истории подобного шанса.

---

¹⁶ Гагарин И. С. О примирении русской церкви с римской // Символ. 1982. № 8. С. 207–243.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Ил. 1. Герб Мнишков «Семь перьев».
- Ил. 2. Замок в Малых Кончицах в Тешинской Силезии — родовое гнездо чешских предков рода Мнишков. XV век.
- Ил. 3. Реконструкция замка в Ляшках Мурованых (автор О. Мацюк. Бежцадский отдел Общества охраны памятников (Польша)).
- Ил. 4. Вид замка в Ляшках на гравюре, опубликованной в 1861 году в львовском журнале «Друг дома».
- Ил. 5. Надгробие Барбары Каменецкой-Мнишек (ок. 1520–1569) в костеле Благовещения францисканского монастыря в Кросно (из книги В. Лозинского «Львовское искусство, архитектура и скульптура»).
- Ил. 6. Марина Мнишек (ок. 1587–1614). Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 7. Филипп Гольбейн. Портрет Юрия Мнишка. Конец XVI века. Национальный музей г. Вроцлава (Польша).
- Ил. 8. Юрий Мнишек. Оттиск с бронзовой медали конца XVI века. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 9. Роспись костела Св. Андрея во Львове, представляющая чудеса св. Яна из Дукли: «Юрий из Великих Кончиц Мнишек, воевода сандомирский, приговоренный врачами к смерти, чудесным образом исцелен». Библиотека им. Оссолинских (Польша).
- Ил. 10. Саноцкий замок. Современная реконструкция.
- Ил. 11. Саноцкий замок. Польская гравюра XIX века.
- Ил. 12. Бернардинский монастырь в Сокале в середине XIX века. Гравюра М. Стенчинского.
- Ил. 13. Ядвига Тарло (ок. 1560 — ок. 1633). Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 14. Николай Мнишек (ок. 1549–1597) — староста луковский, дядя Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 15. Павел Мнишек, староста луковский, сын Николая, кузен Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 16. Ян Мнишек (ок. 1542–1612) — староста красноставский и ясельский, дядя Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 17. Николай Мнишек — староста ясельский, сын Яна, кузен Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 18. Барбара Мнишек (ок. 1545–1583) — супруга краковского воеводы и коронного маршала Яна Фирлея, мать Генриха Фирлея, сестра Юрия Мнишка, тетка Марины. Рисунок с портрета-оригинала.

- Ил. 19. Ксендз Генрих Фирлей (1574–1626) — сын Яна Фирлея и Барбары Мнишек, племянник Юрия Мнишка, кузен Марины.
- Ил. 20. Ян Стефан Мнишек (1580–1602) — староста саноцкий, старший брат Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 21. Станислав Бонифаций Мнишек (ок. 1581–1644) — староста саноцкий и львовский, старший брат Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 22. Николай Мнишек (ок. 1586 — ранее 1613) — старший брат Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 23. Сигизмунд Мнишек (1587–1613) — старший брат Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 24. Франциск Бернард Мнишек (ок. 1591–1661) — староста саноцкий, щежецкий и дембовецкий, кастелян сондецкий, младший брат Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 25. Анна Мнишек (ок. 1584–?) — супруга войницкого кастеляна Петра Шишковского, старшая сестра Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 26. Урсула Мнишек (ок. 1585 — ок. 1622) — супруга князя Константина Вишневецкого, старшая сестра Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 27. Ефросина Мнишек (ок. 1595–?) — супруга Ермолая Иордана из Закличина, младшая сестра Марины. Рисунок с портрета-оригинала. Национальная библиотека в Варшаве.
- Ил. 28. Себастиан Петрици (1554–1626) — профессор медицины Краковского университета и придворный врач Юрия Мнишка. Автор не обнаруженных пока «Записок» о московских событиях 1606–1607 гг. Портрет из Collegium Maius Ягеллонского университета в Кракове.
- Ил. 29. Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 3 апреля 1612 г. (RaS, Extranea Polen. Vol. 90).
- Ил. 30–32. Письмо Юрия Мнишка канцлеру Яну Замойскому. Август 1604 года (Biblioteka Kórnicka PAN, syg. BK 01539, kk. 169–170).
- Ил. 33. Автограф Станислава Бонифация Мнишка (BNIO, Rkps. 2686/II, k. 13).
- Ил. 34–35. «Мемориал Мнишка». Первая часть. (BNIO, Rkps. 2686/II, k. 6.).
- Ил. 36. Автограф Франциска Бернарда Мнишка (Ras, Extranea Polen. Vol. 90).
- Ил. 37. Проект росписи плафона в Зале Фамилии Ляшецкого замка (BNIO, Rkps. 2686/II, k. 10).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

- BNIO, Rkps. 2686/II, k. 10–13.
- Контракт Николая Мнишка с Георгом Фаренцбахом от 5 октября 1590 г. // RaS. Extranea Polen. Vol. 118.
- Краткий ход завоевания Московии паном Яном Петром Сапегой, старостой усятским // RaS. Skokloster Samlingen, E-8596. P. 18–22.
- Мемориал Мнишка // BNIO, Rkps. 2686/II, kk. 6–8.
- О сарматском рыцарстве и сенаторах обоих народов при печальной кончине ясновельможного пана Яна Карла Ходкевича // RaS. Skokloster Samlingen, E-8603. P. 28.
- Ответ московским думным боярам, на переговорах в Москве поданный // RaS. E-8596. P. 41–68.
- Письмо С. Домарайтовского Л. Гембицкому от 15 марта 1610 г. // RaS. Extranea Polen. Vol. 96.
- Письмо С. Жолкевского неизвестному адресату (без даты) // RaS. Extranea Polen. Vol. 104.
- Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 12 февраля 1611 г. // RaS. Extranea Polen. Vol. 105.
- Письмо Ю. Мнишка Я. Замойскому // Biblioteka Kórnicka PAN, syg. BK 01539, kk. 169–170.
- Письмо Ю. Мнишка Л. Гембицкому от 10 апреля 1609 г. // RaS. Extranea Polen. Vol. 99.
- Письмо Ю. Мнишка Сигизмунду III от 3 апреля 1612 г. // RaS. Extranea Polen. Vol. 90.
- Письмо Сигизмунда III Станиславу Мнишку от 16 апреля 1615 г. // BNIO, Rkps. 2686/II, k. 10.
- Письмо И. Телецкого К. Дечеку от 3 августа 1609 г. // RaS. Extranea Polen. Vol. 114.

Старопечатные издания

- Dębolecki W.* Wywód jedynowłasnego państwa Świata. Warszawa, 1633. 112 s.
- Liffel S.* Gody moskiewskie tamże na Moskwie opisane. Kraków, 1607.
- Mniszek M.* Oratio Nicolai de Magna Concice Mnischek Palatinidae Sandomiriensis exercitatoria: An Poloni bello persequantur Carolum Sudermannum Sueciae usurpatorem. Parisiis A. D. 1606. 27 s.
- Mniszek M.* Invictissimo ac potentissimo Sigismundo tertio Regi Poloniae Nicolaus de Magna Concice Mnischek Palatinidae Sandomiriensis. Parisiis, 1604. 28 s.
- Mniszek Z.* Serenissimo Principi Ladislao Potentissimi ac Invictissimi Sigismundi tertii Dei Gratia Regis Poloniae et Sueciae, Magni Ducis Lituaniae, Russiae, Prussiae etc. Filio, Suecorum, Gottorum, Vandalorumquē haeredi, Domino suo

- clementissimo Sigismundus de Magna Concice Mnischek Palatinidae Sandomiriensis. Parisiis, 1604. 14 s.
- Mniszek Z.* Oratio suassoria Sigismundi de Magna Concice Mnischek, Palatinidae Sandomiriensis ad Serenissimum Principem Vladislauum Regis Poloniae et Sveciae Filium, De VVladislao Principe in Regem Poloniae inaugurando. Deus iudicium tuum regida, & iustitiam tuam filio Regis. Psal. 71. Parisiis A. D. 1606. 27 s.
- Morawski W.* Opisanie żywota i cudów błogosławionego ojca Ladysława z Celnowa, zakonu Ś. Franciszka Braciej Mniejszej nazwanych De Obfer albo Bernardynów, w kościele Świętej Anny klasztoru bernardyńskiego w Warszawie w Panu Bogu odpoczywającego. Kraków, 1612.
- Повинność доброго товариства Jana Gruszczyńskiego z Lipna. Kraków, 1581. 98 s.
- Relatie powszechne albo nowiny pospolite. Część V. Kraków, 1609.
- Rychłowicz F.* Herb Franciszka Świętego w jasnie wielmożnym jego mości panu Franciszku Mniszku, kasztellanie sądeckim, kazaniem nazajutrz po pogrzebie jego (w kościele Dukielskim) Duchownie pokazany. Dnia 14 lutego roku Pańskiego 1662. Kraków, 1662.
- Zabczyc J.* Mars Moskiewski krwawy. Krakow, 1605. 47 s.
- Zabczyc J.* Posel moskiewski. Kraków, 1605. 15 s.

Литература

- Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск, 2002. 432 с.
- Белецкий П. А. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981. 256 с.
- Бутурлин Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII века. М., 2012. 573 с.
- Гагарин И. С. О примирении русской церкви с римской // Символ. 1982. № 8. С. 207–243.
- Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. Фонд Сергея Дубова. М., 1998. С. 211–262.
- Записки гетмана Жолковского о Московской войне. СПб., 1871. 307 с.
- Записки львовского аптекаря о событиях 1606 года в Москве // Журнал министерства народного просвещения. 1895. № 5. С. 98–107.
- Иловайский Д. И. Смутное время Московского государства. Окончание истории России при первой династии. М., 1894. 343 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1834. Т. 11. 302 с.
- Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2004.
- Козляков В. Н. Марина Мнишек. Серия ЖЗЛ. М., 2005. 352 с.
- Костомаров Н. И. Литературное наследие. СПб., 1890. 523 с.
- Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1994. 800 с.
- Либрович С. Ф. Царь в плену. СПб., 1904. 149 с.
- Либрович С. Ф. Соперник царя Михаила Федоровича Романова. СПб., 1913. 31 с.

- Лукомский Г. К., Лукомский В. К. Вишневецкий замок. Его история и описание. СПб., 1912. 40 с.
- Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники похода Батория на Россию (1580–1581). Псков, 2005. 503 с.
- Пирлинг П. О. Поездка в Самбор // Русская старина. 1910. Т. 141. № 2. С. 241–246.
- Пирлинг П. О. Дмитрий Самозванец. Ростов н/Д., 1998. 512 с.
- Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии. СПб., 1886. Вып. 4. № 127–128, 131–146.
- Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа / Под ред. проф. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. 340 с.
- Скрынников Р. Г. Три Лжедмитрия. М., 2003. 498 с.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. 399 с.
- Стадницкий М. История Дмитрия, царя московского, и Марины Мнишек, дочери сandomирского воеводы, царицы московской // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 129–174; № 6. С. 177–222.
- Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. 582 с.
- Ульяновский В. И. Мнишки: Указатель архивных материалов и библиографии. Киев, 1989.
- Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII века. М., 1978. 299 с.
- Шамардина Н. В. Федор Сенькович — художник переходной эпохи. Калининград, 2008. 280 с.
- Эйльбарт Н. В. Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции // Вестн. ЗабГУ. 2012. № 11 (90). С. 3–10.
- Эйльбарт Н. В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. 401 с.
- Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. T. 18. Wrocław, 1996. 453 s.
- Akta historyczne do objaśnienia rzeczy polskich służące. Kraków, 1887. T. 11.
- Andrusiewicz A. Dzieje Dymitriad. 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania. Warszawa, 1990. T. 1. 335 s.
- Andrusiewicz A. Dymitr Samozwaniec i Maryna Mniszchówna. Warszawa, 2009. 528 s.
- Bata A. Sanok i okolice. Krosno, 2001. 144 s.
- Bugaj R. Nauki tajemne w dawnej Polsce. Mistrz Twardowski. Wrocław, 1986. 336 s.
- Byliński J. Sejm z roku 1611. Wrocław, 1910.
- Czapliński W., Długosz J. Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII wieku. Warszawa, 1982. 260 s.

- Czerska D. Dymitr Samozwaniec. Wrocław, 2004. 255 s.
- Czołowski A. Wysoki zamek. Lwów, 1910.
- Czołowski A. Tatarzy w Karpatach w 1594 r. Epizod z najazdów tatarskich na Polskę // Złoty szlak. Kwartalnik poświęcony kulturze ziemi halickiej. Rocznik 1. Grudzień 1938. Zeszyt 4. S. 6–24.
- Dayczak W. Kościół parafjalny w Założcach // Słowo Polskie. Rok. 27. 1922. N 152–154.
- Dorflerówna A. Materiały do historii miasta Sambora. 1390–1795. Lwów, 1936. 394 s.
- Gębarowicz M. Studia nad dziejami kultury artystycznej późnego renesansu w Polsce. Toruń, 1962. 413 s.
- Gębarowicz M. Początki malarstwa historycznego w Polsce. Wrocław, 1984. 194 s.
- Ginałski J., Łopatkiewicz P. Mury obronne Krosna od XIV do XVIII wieku. Krosno, 1994. 31 s.
- Golichowski N. Kościół OO Bernardynów we Lwowie. Lwów, 1911.
- Grońska M. Rysunki artystów polskich i obcych w Polsce działających od XVII do XX wieku. Warszawa, 1991.
- Hejdensztejn R. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Petersburg, 1857. T. 2.
- Heitzman H. Dochody starostwa ruskiego od początku XVI wieku. Tarnów, 1910. 29 s.
- Hirszberg A. Maryna Mnischówna. Lwów, 1906. 339 s.
- Kobierzycki S. Historia Władysława, królewicza polskiego I szwedzkiego. Wrocław, 2005.
- Kraszewski J. Zygmuntowskie czasy. Powieść z roku 1572. Wrocław, 1966. 465 s.
- Kuczera A. Samborszczyzna. Sambor, 1935. T. 1. 492 s.
- Kurtz T. Giżanka. Warszawa, 1930. 63 s.
- Leśniak F. Wielkorządcy krakowscy XVI–XVII wieku. Gospodarze zamku wawelskiego I majątku wielkorządowego. Kraków, 1996.
- Likowski E. Unia Brzeska. Warszawa, 1907. 355 s.
- Listy Stanisława Żółkiewskiego: 1584–1620. Kraków, 1584–1620. 152 s.
- Lubeński S. Piśma pośmertne Stanisława Lubeńskiego biskupa, podkanclerzego koronnego. Petersburg; Mohilew, 1855. 175 s.
- Łopatkiewicz P. Średniowieczny kościół franciszkański w Krośnie. Krosno, 1993. 28 s.
- Łopatkiewicz P. Fundacje artystyczne Kamienieckich dla kościoła franciszkańskiego w Krośnie. Krosno, 1995. 31 s.
- Łoziński W. Życie polskie w dawnych wiekach. Lwów, 1921.
- Łoziński Wł. Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku. Lwów, 1904. T. 2.
- Maciejowski W. A. Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Warszawa, 1852. T. 3.
- Niemcewicz J. Podróże historyczne po ziemiach polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte. Paryż, 1858.

- Orzelski S.* Bezkrólewia ksąg ośmioro. Petersburg; Mohilew, 1856. T. 1. 292 s.
- Orzelski S.* Bezkrólewia ksąg ośmioro. Petersburg; Mohilew, 1856. T. 3. 271 s.
- Pasek E.* Monografia historyczna wsi Kończyce Wielkie powiat cieszyński. Cieszyn, 1948. 165 s.
- Petrus J. T.* Dawny kościół parafialny p. w. Niepokalanego Poczęcia Najświętszej Panny Marii i Św. Jerzego męczennika (obecnie cerkiew p. w. Św. Mikołaja) w Laszkach Murowanych // Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczy Pospolitej. Część 1. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa ruskiego. Kraków, 1997. T. 5. S. 103–117.
- Petrus J. T.* Dawny kościół i klasztor OO. Dominikanów w Samborze // Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczy Pospolitej. Część 1. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa ruskiego. Tom 5. Kraków, 1997. S. 215–223.
- Petrycy S.* Ekonomia // G. Ciołek. Ogrody polskie. Warszawa, 1954. S. 51.
- Petrycy S.* Horatius Flaccus w trudach więźnia moskiewskiego. 1609. Kraków, 1914. 281 s.
- Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego.* Kraków, 1916. T. 1.
- Poezje ks. Stanisława Grochowskiego.* Kraków, 1859. T. 1.
- Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Gdańsk, 2008. 459 s.
- Prochaska A.* Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927.
- Przedziecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina: obrazy miejsc i czasów. Glüecksberg, 1841. T. 1.
- Rakowski G.* Ukraińskie Karpaty i Podkarpacie. Część zachodnia. Przewodnik krajoznawczo-historyczny. Sandomierz, 2013. 553 s.
- Rosset T. F. de.* Kolekcja Andrzeja Mniszcha. Toruń, 2003. 328 s.
- Sapetowa I.* Nagrobki Kamienieckich w kościele franciszkanów w Krośnie: w kręgu artystycznego i ideowego oddziaływania mauzoleum ostatnich Jagiellonów. Krosno, 1998. 168 s.
- Sarna Wł.* Opis powiatu jasielskiego. Jasło, 1908. 733 s.
- Sobieski W.* Zabiegi Dymitra Samozwańca o koronę Polską. Kraków, 1908.
- Swieykowski E.* Studja do historyi sztuki I kultury wieku XVIII w Polsce. Monografia Dukli. Krakow, 1903. T. 1.
- Tazbir J.* Recepcja polskiego przykładu Relazioni universali // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1990. 35/2–3. S. 211.
- Tomkiewicz W.* Jeremi Wiśniowiecki (1612–1651). Warszawa, 1933. 419 s.
- Wejnart A.* Starożytności Warszawskie. Dzieło zbiorowo-zeszytowe. Zeszyt VII. Warszawa, 1848. T. 2.
- Wiszniewski M.* Bakona metoda. Tłumaczenia natury. Warszawa, 1876.

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен

- Аббас, шах 183
Август Сильный 178
Адам, сын княгини Софии Сангушко 92
Александра, дочь княгини Софии Сангушко 92
Александр Македонский 43
Альберт Австрийский 137
Анна, дочь княгини Софии Сангушко 92
Анна, сестра Сигизмунда Августа 27, 29
Анзеринус, см. Гонсеровский Бенедикт
Ахмед I 171
- Балабан Гедеон 63, 64
Бальзак Оноре де 211, 214
Барановский Альберт 54
Бата Артур 34
Баторий Габор 163–165, 171, 175
Баторий Гризельда Кристина 50–52
Баторий Елизавета 185
Баторий Стефан 14, 19, 32, 33, 35, 38, 46–48, 50, 77, 108, 162, 163, 177, 185
Баччиарелли Марчелло 211
Безобразов Иван 110, 174
Бекеш Анна 50
Бекеш Гаспар 51
Белзецкий Адам 202
Бемер Андреас 69
Бернард Франциск 64, 196, 202, 208
Бетлен Габор 185, 186
Бобола Анджей 179, 199
Богусевич Симон (Шимон) 44, 169, 200
Бокаччо Джованни 139
Бона, королева 13, 65
Ботеро Джованни 123, 139
Бочкаи Стефан 162, 163
Бурани (Дюран), см. Дюр Лоренц
Бучинский Ян 110
- Ваза Густав Эрикссон 127
Ваза Сигизмунд, см. Сигизмунд III
Валуа Маргарита 139
- Василий Шуйский, царь, см. Шуйский Василий
Вежицкий Павел 18
Вендицкий Симон 43, 88, 135
Весселини Ференц 50
Весселини Франциск 50, 186
Винта Велизарий 114
Витовский Станислав 152
Вишневецкая Елена 90
Вишневецкая Марианна 90
Вишневецкая Теофилия 90
Вишневецкая Урсула 70
Вишневецкий Александр 89, 90
Вишневецкий Иеремия 90, 104
Вишневецкий Константин 89, 96, 98, 160, 199, 201
Вишневецкий Константин Корибут 88
Вишневецкий Юрий 89, 90
Вишневецкий Януш 90
Владислав II Ягелло 117
Владислав IV 184, 194, 195, 201
Владислав I Герман 37
Власьев Афанасий 106, 110, 200
Вольский Николай 61
Вычулковский Леон 205
- Габсбург Анна 58, 59
Габсбурги, династия 9, 58, 59, 98, 146, 162, 163, 165, 171, 185, 207
Галилей Галилео 10, 90
Ганская Эвелина 214
Гейденштейн Рейнгольд 47
Гембицкий Л. 60, 122, 149, 159, 160, 168, 173, 184
Гембицкий Петр 195
Генрих Валуа 21, 29–31, 34, 102
Генрих Наваррский 139
Гербурт Ян Феликс 61, 170, 171, 179
Герман Элиас 113, 119, 152–154
Гижанка Барбара 21–24, 27
Гизеус Ян 22–24
Глуховский Петр 80

- Гноинский 34
Гогенцоллерн Альберт 18
Годунов Борис 127, 199
Голковский 49, 50
Головчинская София 66, 90, 91
Головчинский Матвей Никитич 91
Гольбейн Филипп 16, 208, 213
Гомулка Николай 82
Гонсевский Александр 113, 116, 126
Гонсеровский Бенедикт 73, 123
Гранах Лукас Младший 213
Гроновиус (Градовский) 22
Гроховский Станислав 106, 107, 193
Грушинский 50
Гуменский Франц (Гуменный) 34
Гуччи Санти 28
- Даниловичи 70
Данилович Ян 184
Данте Алигьери 139
Девочка Онисифор 61
Дейк Ян ван 213
Дембинский Валентин 26
Демболецкий Войцех 216
Дечек Кристоф 161
Джиральди Нери 114
Длугош Ян 171
Дмитрий, московский царь, см. Дмитрий Самозванец
Дмитрий Самозванец 7–9, 17, 36, 38, 44, 43, 48, 63, 67, 70, 72, 74, 88, 101, 106, 109, 110, 113, 116, 119, 127, 129, 135, 137–143, 150, 152, 153, 155, 159, 161, 167, 168, 174, 186, 193, 198, 199, 204, 207, 213, 214
Долабелла Томмазо 44, 177, 200
Домарайтовский С. 122, 168
Доминичи Паоло 69
Дочи де Нагилюче Ефросина 85, 86, 162
Дрогоевский Ян 34, 86
Другет Валентин 162–164
Другет Юрий 86–88, 162, 184–186
Дюр Лоренц 24, 25
Дялынская София 23, 27, 54
Дялынский Николай 54
- Екатерина II 204, 211
Елена Ивановна 91, 116
- Елизавета I 216
Ендрашевич-Смутанский Шимон 200
- Жолкевские** 70
Жолкевский Станислав 46, 49, 59, 69, 97, 98, 103, 163, 170, 177, 181, 184, 193
- Задзик Якуб 184
Зайончковская Анна 24
Залеский Александр 73
Замойская-Мнишек Урсула 204
Замойские 70
Замойский Ян 50, 52, 53, 59, 93, 97, 98, 101, 103, 104, 164, 171
Заруцкий Иван 170, 173, 181, 183
Захоровская Анна 90
Збаражский Юрий Кобыт 92–94
Збонский Абрахам 19
Зборовские, род 20, 21, 27, 29, 30, 31, 52
Зборовский Андрей 26
Зборовский Петр 24
Зебжидовские 70
Зебжидовский Николай 59, 112, 162, 171, 181
Зеленский Ян 22, 26, 31
Зюдерманландский Карл 134, 138, 144
- Иван III** 91, 116
Иван IV Грозный 93, 102, 106, 142, 146, 150, 216
Иеремия II 61, 62
Иордан Ермолай 188, 189
- Казимир Великий** 57, 67
Казы-Гирей II 59
Каменекая Барбара (Мнишек) 13, 14, 27, 38, 43, 56
Каменекие, род 8, 14–16, 25, 68, 88
Каменецкий Мартин 14, 47, 89, 95
Каменецкий Николай 14, 56
Каменецкий Ян 16
Карамзин Н. М. 8, 206, 213
Карл II 58
Карл IX 31
Карл Великий 43, 146, 198, 199
Килиан Лука 208
Климент VIII 61, 159
Кобержицкий Станислав 85

- Колачевич Станислав 120, 121
 Конарский Николай 21, 22
 Констанция Габсбург 54, 168
 Копыстинский Михаил 63–66
 Корыцкая Дорота 21
 Косинский Кристоф 60
 Костелецкий Лука 54
 Котерский Валентин 211
 Красинский Франциск 21, 24
 Криский Феликс 173, 177
- Ле Бран Андре 16, 204, 205
 Ленчицкий Павел 122, 123, 139
 Лех, король 43
 Лжедмитрий I, см. Дмитрий Самозванец
 Лжедмитрий II 10, 40, 141, 157, 160, 161, 175, 179
 Лиффельт Себастьян 119, 139
 Лобковичи 12
 Любенский Станислав 95
 Людовик II Ягеллон 13
- Магдалена Мнишек 85
 Максенциус Якуб 18
 Максимилиан II Габсбург 32, 52, 53
 Матейка Ян 84, 205, 206
 Матиас II 163, 185
 Мациевский Бернард 18, 19, 27, 29, 47, 61, 62, 106, 109, 112–114, 136, 145, 151, 158, 196, 216
 Мелло Николай де 130
 Мнишек Агнесса 12
 Мнишек Андрей 12, 194, 195, 214, 215
 Мнишек Анна 87, 88
 Мнишек Барбара, тетка Марины 14, 15, 20, 30, 89
 Мнишек Болислав 12
 Мнишек Вандалин 43, 198
 Мнишек Гаспар 12
 Мнишек Ефросина 163–165, 184, 188, 189
 Мнишек Карл Филипп 212–214
 Мнишек Кристина Тереза (Деодиката) 88
 Мнишек Марина 7–12, 16, 27, 34, 37–40, 44, 48, 67, 70–74, 78, 84, 85, 88, 90–94, 101, 103, 104, 106, 107, 110–112, 114–117, 119, 120, 122–124, 130, 137, 139, 140, 142, 145, 147–149, 152–162, 164–168, 170, 172, 174, 178, 181, 183, 184, 189, 192, 194, 196, 198, 199, 200, 202–213, 215, 216
 Мнишек Николай, дядя Марины 12, 13, 14, 18, 20–24, 27, 28, 43, 53, 54, 115, 136, 138, 155
 Мнишек Николай, кузен Марины 115, 194, 208
 Мнишек Николай, старший брат Марины 122
 Мнишек Павел 27, 115, 124, 139, 152, 155, 194
 Мнишек Сигизмунд 122, 136–138, 140, 172, 173, 194
 Мнишек София 28
 Мнишек Станислав Бонифаций 90–93, 111, 118, 152, 158, 160, 166, 168, 172, 182–184, 186–195, 197, 209
 Мнишек Урсула 87–90, 204, 211, 212
 Мнишек Франциск Бернард 64, 182–184, 186–190, 194–198, 200–202, 208
 Мнишек Юрий (Ежи) 7–9, 14–20, 22–25, 27–33, 35–61, 63–86, 88–98, 101–117, 119, 120, 122–127, 130, 133, 135, 136, 140, 141, 143, 145–153, 155–165, 167–182, 184, 196, 198, 200, 201, 203–208, 214, 216
 Мнишек Ян Стефан 14, 17, 18, 20, 24, 28, 53, 85, 86, 87, 90, 93, 115, 121, 138, 155, 160, 162, 181, 184, 208
 Мнишки, род 7, 8, 10–12, 14, 25–28, 36–38, 40–43, 46, 67, 70, 82, 87, 94, 100, 102, 104, 110, 115, 117, 119–125, 136, 138–140, 142, 143, 151, 152, 154, 156, 158, 162, 165, 168, 173, 178, 181, 186, 187, 199, 200, 202, 204–210, 212–217
 Могила Иеремия 93
 Молчанов Михаил 72
 Монсдоттер Карин 127
 Мороховский Илия 191
 Мяковский Каспер 122
- Нагилюче Ефросина Дочи де 85, 86, 162
 Надашди Екатерина 185
 Наливайко Северин 60
 Немоевский Станислав 104
 Немцевич Юлиан 205
 Нехороший-Лопухин Федор 159

Николай I 212

Одровонж Яцек 57

Ожельский Свентослав 19–25, 32, 34, 102

Олесницкий Николай 113, 116, 123, 124,
126, 139–144, 155

Опалинский Лукаш 169

Опацкая Мария 23

Орловская Сюзанна 21

Освенцим Флориан 182

Оссолинский Збигнев 94, 181

Острожский Василий Васильевич 81, 103

Острожский Януш 103

Остророг Владисла 193

Остророг Ян 173, 177

Отеский Ян 13

Отрепьев Гришка 174

Павел V 135, 151

Пальцовский Павел 141–144, 156

Папроцкий Бартоломей 12

Паржницкая София 196

Пеене Генрих ван 94

Пенговский Якуб 22, 26

Пернштейны 12

Петр I 17, 178

Петрици Себастьян 41, 114, 122, 125, 139

Пиотровский Станислав 47–49

Плесси Арман дю, см. Ришелье

Помаский Франциск 74

Помпей 176

Понятовский Станислав Август 204, 211

Потоцкий Артур 17, 205

Прихильный Амбросий 69

Публий Клодий 176

Пухала Лаврентий 198

Пшездецкий Александр 213

Рагоза Михаил 61, 63

Радзивилл Барбара 23

Радзивилл Николай Кристоф 125

Радзивиллы 125

Радзивилл Януш 112, 162, 171

Ракоци Сигизмунд 163

Рангони Клаудио 63, 116, 152, 199

Регина 163

Рембрандт 213

Риати Антонио 82

Ришелье, кардинал 10, 136

Рожнятовский Авраам 161

Розражевский Иероним 54

Романов Михаил 10, 181, 183

Рубенс 213

Рудольф II 52, 58, 84

Ружинский Роман 156, 157, 165, 168

Рутский Вениамин 191

Рюрик 88

Рюриковичи, род 8, 66, 91, 92

Сангушко-Коширский Григорий 90

Сангушко Адам Александр 92, 190

Сапега Лев 174

Сапега Ян Петр 155, 165–168, 174

Селим II 20

Семашко Александр 65

Сендзивой Михаил 84, 205

Сененский Ян 26, 27

Сенявский Адам Иероним 196

Сераковский Станислав 12

Сермонте Франческо 159

Сецигневский Якуб 25

Сигизмунд III Ваза 17, 34, 52–55, 57, 58–62,
65, 69, 76, 80, 84, 93, 97, 111–113, 122,
125, 126, 134, 136, 137, 150–152, 156,
158, 159, 161, 162, 164–171, 180–182,
186, 189, 190, 194, 199–201, 207, 214

Сигизмунд II Август 13, 15, 18–32, 52,
56, 146, 205

Сигизмунд I Старый 27, 56, 76

Скарги Петр 61, 205, 213

Слостовский Петр 83

Собеские 70

Соколинский Ян 152

Соликовский Ян 20

София Сангушко-Мнишек, княгиня 91,
92

Сполетти Эдвард Жеброни де 209

Стадницкая-Бончальская Барбара 201

Стадницкая-Тарло Ядвига 38, 115

Стадницкий Адам 169, 175, 176, 180, 181

Стадницкий Мартин 102, 152, 161

Стадницкий Станислав 34, 47, 48, 112, 162,
165, 169, 171, 175

Тарло Маргарита 139

Тарло Николай 37, 38

Тарло Ядвига 32, 34, 37, 38
 Тарло Ян 32, 33, 37, 38, 46
 Тарновский Ян 13, 18
 Теклинский Юзеф 179
 Телецкий Иероним 161
 Терлецкий Кирилл 61, 65
 Тёфенбах Кристоф 86
 Тисаровский Евстафий 191
 Трвалы Якуб 15

Фаренцбах Георг 53
 Федор, сын Ивана Грозного 146
 Фердинанд II Габсбург 185
 Фердинанд I Габсбург 13
 Филипп III 137
 Фирлеи 20
 Фирлей Генрих 158, 159, 196
 Фирлей Ян 20, 21, 24, 26, 29–32
 Флориан Мнишек 85
 Фридрих II 81

Хмельницкий Богдан 60, 90
 Ходкевич Александр 92
 Ходкевич Анна 202
 Ходкевич Ян Казимир 202

Цетнер Балцер 86

Цицерон 176

Чарнотульский Станислав 21

Шафранец Станислав 26, 32, 55
 Шидловецкий Кристоф 13
 Шишковский Мартин 177
 Шишковский Петр 88, 177
 Штернберги 12
 Шуйский Василий 9, 109, 110, 113,
 116–121, 123, 124, 127, 135, 139–141,
 152, 153, 155–158, 161, 170, 172, 177,
 178

Эгидиус 22, 23

Эрик XIV 127

Эрнест 58, 59

Юлия Александровна 117

Юрий II Ракоци 201

Юхан III Ваза 20, 30, 58, 59

Ягеллонка Екатерина 30, 53

Ягеллончик Александр 91, 116

Ягеллоны, династия 19, 52, 58, 102, 205

Яков I 137

Ян из Дукли 68, 197

Указатель географических названий

Австрийская империя 37

Астрахань 144, 166, 206

Балицы 30

Баранов 41, 42

Белая 140

Бенешев 70

Березов 64

Беч 13, 38, 80

Бонковице 38, 209

Брест 63, 115

Броново 22

Буг 70

Бычина 53

Вавель 13–15, 20, 28, 29, 32, 44, 53, 55, 56,
 59, 112, 116, 117

Валахия 165

Варшава 16, 20, 23, 38, 40, 52, 57, 91, 94,
 141, 145, 156, 158, 159, 172, 177–179,
 183, 194, 199, 201, 204, 208

Ватикан 8, 145, 159, 179

Великие Кончицы (Княжеские) 12, 68, 108

Великие Луки 144

Великий Новгород 144

Венгрия 24, 33, 34, 59, 74, 79, 162–164,
 185, 186, 200

Вильно 147

Висла 22, 33, 57, 178, 179

Вислок 14, 187

воеводство

Краковское 38, 53

Сандомирское 17, 38, 50, 52, 56, 138,
 180

- Волга 120, 142
Вологда 120, 155
Волинь 59, 90–92, 210, 214
Воля 52
Восток 9
Восточная Пруссия 18, 54
Восточные Карпаты (Соленые Горы) 33
Вроцлав 11, 16, 68, 125, 168, 187, 199, 208

Гданьск 54, 94, 144
Германия 44, 136

Дембовец 38, 71, 80, 184, 187
Днестр 45, 74, 75, 77

Европа 9, 11, 18, 66, 75, 82, 102, 105, 106, 117, 124, 127, 135–137, 139, 142, 146, 148, 168, 186, 204–207, 210, 211, 215–217
Енджеев 58, 59

Жолква 46

Заложцы 38, 86, 88, 89
Запад 8, 10, 146, 207, 216

Инд 142
Индия 130, 143
Италия 44, 57, 86, 136, 147, 196

Казань 144
Калуга 157, 166–168
Каменец 14
кастелянство Радомское 50
Кенигсберг 18
Книшин 20, 205
княжество
    Великое Литовское 66, 112, 142
    Смоленское 104, 105
Константинополь 171
Которось 120
Краков 30, 32, 51, 53, 57, 70, 88, 91, 93, 94, 96, 106, 110, 112, 114, 115, 132, 136, 137, 141, 158, 171, 178, 199, 200, 212
Красичин 41, 42
Кросно 14, 15, 68, 91, 179, 182, 197
Курляндия 31

Лейпциг 18

Ливония 47, 50
Литва 19, 54, 142
Лифляндия 144
Лодзь 70
Луковская Земля 27
Львов 15, 38, 46, 64, 66–69, 73–75, 87, 159, 171, 191–194, 196
Люблин 35, 58, 71, 80, 98, 115
Ляшки Мурованные 36, 38, 40–42, 45, 46, 55, 64, 67, 73, 78, 79, 138, 184–187, 201, 208–210

Мавритания 144
Малая Польша 35, 88
Мальборк 54
Медиаш 32
Минск 54, 115
Млыновка 72, 75, 77
Молдавия 14, 165
Моравия 12
Москва 27, 39, 61, 70, 74, 91, 97, 101, 106, 107, 110–112, 114, 115, 117–121, 123–126, 128, 129, 133, 139, 140, 142, 144, 148, 152, 155–157, 160, 161, 164–166, 169, 173, 174, 177, 178, 181, 198–200
Московия 106, 134, 141, 142, 144, 149, 155, 165, 206, 207, 217
Московское государство 8–11, 14, 48, 63, 73, 77, 97, 98, 102, 104–110, 113–116, 124, 130, 140, 141, 144–146, 149, 150, 154, 158, 160, 163, 172, 173, 177, 179, 181, 185, 190, 207, 209, 213, 215–217

Нидерланды 137
Николаев 38, 66
Нил 142
Новгород 48, 104, 140, 142, 161, 167
Новгород-Северский 72, 193
Нюрнберг 24

Оджиконь, см. Каменец
Олива 54
Опатов 56
Ординация Ляшечкая 45, 94, 187, 197

Париж 32, 47, 136, 137, 214, 215, 217
Пелгжимка 66
Перемышль 34, 55

- Персия 130, 183
 Пескова Скала 55
 Пловещий, ручей 36
 Покутье 59
 Польша 9, 11–14, 19, 24, 33, 34, 37, 38, 40, 44, 45, 50, 51, 53, 54, 57, 60, 62, 66, 70, 73, 76, 82, 91, 98, 102, 103, 105–107, 110, 111, 113, 114, 116, 120, 121, 123–126, 129, 130, 132, 135–137, 139, 142, 144, 148, 149, 152–155, 158, 164, 168, 171, 173, 175, 178–181, 183–185, 199, 200, 203–205, 207, 216, 217
 Прикарпатье 12, 13, 33, 41, 53, 55–57, 59, 61, 65, 66, 71, 78, 83, 85, 169, 184, 187, 201, 202, 207, 209
 Пруссия 31, 204
 Псков 14, 19, 33, 47–49, 104, 108, 140, 144, 157, 161, 167

 Радзынь-Подляский 27, 28
 Ревель 58
 Речь Посполитая 7, 9, 11, 20, 26, 27, 29, 31, 35, 37, 38, 40, 47, 50, 53–56, 58–63, 66, 68, 69, 74, 76, 78, 81, 88, 91, 97, 101, 102, 108, 113, 116, 117, 125–135, 140, 143–145, 148, 150, 158, 159, 165, 171–175, 178, 180, 185, 186, 189, 190, 192, 198, 201, 202, 204, 207, 211, 214, 216, 217
 Рига 50
 Рим 25, 57, 61, 62, 63, 109, 113, 145, 147, 152, 159
 Рогатин 64, 208
 Россия 8–11, 34, 40, 47, 62, 71, 73, 102–108, 110, 111, 113–116, 119, 120, 127, 136, 140–146, 149, 150, 154, 158, 161, 178, 183, 184, 186, 189, 203, 204, 206, 207, 209, 215–217

 Саксония 18
 Самбор 5, 36, 38, 40, 54, 59, 64, 65, 67, 71, 73–76, 78, 79, 88, 91, 93, 94, 96, 100, 103, 109, 110, 114, 115, 166, 168, 181, 182, 184, 187, 205, 209
 Самокленски 66, 67, 188
 Сан 33, 36, 37, 57, 94
 Сандомир 56, 57, 94, 117
 Санок 33, 34, 64, 115, 181, 197
 Саноцкое староство 15, 24, 37, 38, 86, 90, 175, 179, 196

 Скандинавия 144
 Смоленск 105, 118, 140, 144, 158, 161, 165, 168, 171, 172
 Сокаль 64, 69
 Сомерсет-Хаус 137
 Сондова Вишня 192
 Старая Соль 67, 74
 староство
     Красноставское 24
     Львовское 38, 55, 61, 83, 190, 194, 195
     Меденицкое 55, 83
     Рогатинское 55
     Щежечкое 55
     Ясельское 24
 Стрвонж 42, 45, 210
 Суха Бескидка 25, 44

 Тарнавцы 64, 169
 Тешинская Силезия 12
 Торунь 94, 144
 Трансильвания 32, 33, 153, 162, 163, 164, 171, 185
 Турция 111, 136, 146, 165
 Тушино 140, 141, 152, 155, 157, 160, 166, 168, 174

 Ужгород 163, 164
 Украина 11, 158, 215

 Франция 34, 44, 136

 Хиров 38, 86, 184, 209

 Червоная Русь 55, 57, 60, 65, 67, 68, 73, 83, 87, 88, 90, 147, 171, 179, 180, 190, 193, 194, 196

 Швабия 24
 Швеция 7, 9, 11, 47, 53, 54, 58, 59, 93, 97, 101, 111, 127, 134, 142, 144, 155, 161, 173
 Шумин 64

 Эльблонг 144

 Ярославль 73, 120–123, 125, 130, 142, 144, 151, 154, 155
 Ясло 66, 71, 184, 187

Научное издание

Эйльбарт Наталия Владимировна
СЕМЬЯ МАРИНЫ МНИШЕК:
НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

Редактор В. С. Кизило
Корректоры Л. А. Макеева, А. А. Золотова
Технический редактор Е. М. Денисова
Художественное оформление С. В. Лебединского

Подписано в печать 24.06.2015. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 386.

Филологический факультет СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А.

Наталья Владимировна Эйльбарт — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, автор многочисленных публикаций, посвященных российской истории и славяноведению. Особое место в творчестве автора занимает история поляков в России, Смутное время, русско-польские отношения в XVI–XVII вв. Другие монографии Н. В. Эйльбарт: «Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич — исследователь Забайкалья, 1850–1936» (2003), «Портреты исследователей Забайкалья» (2006), «Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ» (2013).